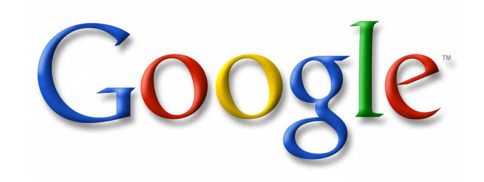

HARVARDIANAE
VE
RI
TAS

Книжка 62.

ЖИВАЯ СТАРИНА

ПЕРІОДИЧЕСКОЕ ИЗДАНІЕ

ОТДѢЛЕНІЯ ЭТНОГРАФІИ

ИМПЕРАТОРСКАГО РУССКАГО ГЕОГРАФИЧЕСКАГО ОБЩЕСТВА

Подъ редакціею Предсѣдателя Этнографическаго Отдѣленія

В. И. Ламанскаго

Секретаря Отдѣленія Ѳ. И. Щербатскаго и

члена-сотрудника Н. Н. Виноградова

Выпускъ II **Годъ XVI**

1907

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Тип. М. П. С. (Т-ва И. Н. Кушнеревъ и К°), Фонтанка, 117.

1907.

ОТДѢЛЪ I.

„На золотѣ“.

Золотобойный промыселъ въ Пошехонскомъ уѣздѣ, Ярославской губерніи.

Къ числу оригинальныхъ кустарныхъ русскихъ промысловъ относится, между прочимъ, и золотобойный промыселъ, т. е. производство тонкаго листового золота, такого же серебра, „потали“ (поддѣлка подъ червонное золото) и „двойнику“ (листочки, у которыхъ одна сторона золотая, а другая—серебряная).

Золотобойный промыселъ въ настоящее время существуетъ въ нѣкоторыхъ мѣстахъ Владимірской губерніи (слобода Мстера, Вязниковскаго уѣзда, слоб. Холуй и др.), въ г. Москвѣ и нѣкоторыхъ мѣстностяхъ Московской губ. (Рузскій у). Болѣе же широкое развитіе получило это производство въ Пошехонскомъ уѣздѣ, Ярославской губерніи, преимущественно въ волостяхъ Пошехонской, Панфиловской, Давыдковской и Ериловской.

Сущность производства заключается въ слѣдующемъ. Палочку червоннаго золота пропускаютъ нѣсколько разъ между стальными вальцами, отчего она обращается въ длинную узкую ленту, не толще двухъ листовъ писчей бумаги. Такую толщину имѣетъ обыкновенно самая тонкая латунь, находящаяся въ продажѣ. Полученную такимъ образомъ ленту золота разрѣзаютъ на пластинки въ 3—4 дюйма въ квадратѣ и раздаютъ мастерамъ золотобойцамъ. Мастеръ, получивъ такую пластинку, разрѣзаетъ ее на мельчайшія части. Разрѣзываніе производится на маленькихъ кожаныхъ, туго набитыхъ шерстью подушкахъ острымъ ножемъ. Полученные такимъ образомъ „жеребейки“ золота мастеръ вкладываетъ въ „снасть“.

Снасть—это книжка изъ особаго рода пергамента, состоящая изъ 250 листковъ, немного менѣе четвертой доли листа писчей бумаги. Жеребейки золота и кладутся между листками пергамента. Пергаментъ этотъ представляетъ изъ себя оболочку

печени крупнаго рогатаго скота, обработанную особеннымъ образомъ—такъ, что хорошо выдѣланная она имѣетъ видъ пропитанной воскомъ бумаги, темнокраснаго цвѣта, прозрачной, толщиною—какъ обыкновенная писчая бумага.

Вложивъ золото въ „снасть", мастеръ кладетъ ее на плоскій дикій камень и начинаетъ бить по ней со всего размаха широкимъ молотомъ въ 7—8 фунтовъ вѣсу. Листочки золота, разбитые до извѣстной степени тонкости, мастеръ разрѣзаетъ снова на мелкіе жеребейки и снова вкладываетъ въ снасть, и снова бьетъ по ней молотомъ.

Когда листочки золота дойдутъ до предѣльной степени тонкости, мастеръ начинаетъ ковать снасть другимъ молотомъ, вѣсомъ въ 5—5½ ф. Этимъ молотомъ онъ куетъ точно также, нѣсколько разъ разрѣзая листочки металла. Когда листочки золота сдѣлаются вполнѣ тонкими, снасть куется въ третій разъ молоткомъ овальнымъ, вѣсомъ въ 3—3½ фунта. Такая ковка называется „выправкой". Послѣ „выправки" листокъ золота вполнѣ готовъ—его остается только обрѣзать по краямъ.

Если во время ковки на металлическихъ листочкахъ дѣлаются скважины, то мастеръ накладываетъ на эти скважины новыя частички металла, и они сковываются вмѣстѣ.

Когда золото выковалось вполнѣ въ тончайшіе листочки, тогда мастеръ обрѣзаетъ эти листочки по мѣркѣ, такъ—чтобы каждый листокъ представлялъ изъ себя прямоугольную пластинку около 13 дюйм. длины и около 6 д. ширины. Пластинки эти раскладываются, затѣмъ, въ книжки изъ тонкой папиросной бумаги такъ, чтобы каждый золотой листокъ отдѣлялся отъ другого листка листомъ бумаги. Въ одной книжкѣ содержится до 30 листковъ золота; десять такихъ книжекъ составляютъ „пачку". Обрѣзки золота складываются снова въ снасть и снова выколачиваются въ тончайшіе золотые листки. Такіе листки и извѣстны въ продажѣ подъ именемъ „листового" или „сусальнаго" золота. Сусальное производство требуетъ высокой температуры, а потому мастера золотобойцы производятъ работы въ одномъ исподнемъ платьѣ. Температура комнаты при выработкѣ золота должна имѣть отъ 20° до 25° R. При низшей температурѣ золото потѣетъ и на листочкахъ его образуются скважины, уничтожить которыя нѣтъ никакой возможности.

Орудія производства составляютъ: наковальня, молотки, ножницы, ножъ и „снасть". Каждый мастеръ имѣетъ по крайней мѣрѣ двѣ „снасти". Въ то время, пока одна „снасть" нахо-

дится въ работѣ, другая „снасть“ въ это время держится въ тепломъ мѣстѣ въ тискахъ. Листочки снасти очень прочны и держатся долго. На старыхъ снастяхъ заставляютъ обыкновенно работать учениковъ-малолѣтковъ, начинающихъ изучать мастерство. Старыя же снасти употребляются и при выдѣлкѣ листового серебра. На новыхъ снастяхъ куется одно только золото.

Стоимость всѣхъ орудій производства простирается отъ 40 до 50 рублей. Вальцы для вальцовки золота имѣются только у крупныхъ заводчиковъ; мелкіе хозяева выписываютъ золото уже вальцованное въ лентахъ или пластинкахъ, или же вальцуютъ золото у вышеупомянутыхъ крупныхъ заводчиковъ, что ложится, конечно, излишнимъ расходомъ на издѣлія.

Мелкіе заводчики выписываютъ вальцованное золото въ лентахъ или пластинкахъ отъ крупныхъ золотобойныхъ фирмъ г. Москвы, крупные заводчики выписываютъ кусковое золото (въ палочкахъ $^1/_2$—1 ф. вѣсомъ) изъ Москвы, изъ С.-Петербурга и даже изъ-за границы.

Листовое или сусальное золото идетъ главнымъ образомъ въ тѣ мѣстности, гдѣ развито иконописное мастерство. Иконописное ремесло не можетъ обойтись безъ сусальнаго золоченія и серебренія иконъ (фонъ, вѣнчики и т. д.).

Поэтому значительная часть сусальнаго золота идетъ въ Вязниковскій уѣздъ Владимірской губерніи (с. с. Палеха и Холуй). Хотя въ с. Мстерѣ есть и свои сусали-золотобойцы, но вырабатываемыхъ ими издѣлій далеко не хватаетъ для мѣстныхъ иконописцевъ. Идетъ пошехонское золото и въ Суздальскій уѣздъ Владимірской губерніи, въ Грайворонскій уѣздъ Курской губерніи (слобода Борисовка), въ Екатеринбургскій окр. Пермской губ. (Невьянскій заводъ) и во многія другія мѣстности Европейской и Азіатской Россіи, гдѣ существуетъ иконописное ремесло, какъ напримѣръ: посадъ Клинцы Черниговской губ.; Бирючевскій уѣздъ Воронежской губ.; Серпуховскій и Богородскій у. у. Московской губ. и т., д. и т. д.

Въ большомъ количествѣ требуется листовое золото и въ тѣ мѣстности, гдѣ развита рѣзьба по дереву—выдѣлка иконостасовъ, иконныхъ кіотъ, багетныхъ рамъ и т. п. Такими мѣстностями изобилуетъ Владимірская губернія (Ландехъ, Сарнево, Доброе, Боголюбово и др.). Много подобнаго рода заведеній находится въ г. Москвѣ и Московской губерніи.

Идетъ листовое золото на позолоту церковныхъ главъ и крестовъ, на позолоту свѣчей, на восковые свѣчные заводы, въ

переплетныя мастерскія и т. д. Вообще, нужно сказать, что требованіе на листовое золото всегда превышаетъ предложеніе.

Въ прежнее время мѣстными сусалями-золотобойцами вырабатывалось въ значительномъ количествѣ, кромѣ листового червоннаго золота, листовое серебро, „двойникъ" (одна сторона листка серебряная, а другая золотая) и „поталь" (подделка подъ золото).

Въ настоящее время мѣстными производителями вырабатывается главнымъ образомъ червонное золото высокой доброты; серебро, „двойникъ" и „поталь" вырабатывается въ меньшихъ размѣрахъ.

Слѣдуетъ замѣтить, что какъ въ иконописи, такъ и въ позолотѣ по дереву золото употребляется только при позолотѣ дорогихъ издѣлій. Для позолоты болѣе дешевыхъ издѣлій идетъ „двойникъ", или даже просто листовое серебро. Когда наложенное на дерево серебро засохнетъ, то его покрываютъ спиртовымъ лакомъ, отчего оно и принимаетъ желтый, подобный золоту цвѣтъ.

Мѣстное производство листового золота носитъ смѣшанный характеръ: характеръ кустарной и заводской промышленности. Нѣкоторые заводы, какъ, напримѣръ, А. А. Князева, И. А. Князева, П. В. Свѣшникова, имѣютъ оборотъ до 70 тысячъ рублей въ годъ и болѣе, другіе довольствуются нѣсколькими сотнями рублей. Часть мастеровъ-золотобойцевъ, работающихъ на такихъ заводахъ, проживаетъ во время работы у хозяевъ въ мастерскихъ и получаетъ за свою работу сдѣльно или же по-мѣсячно; остальные работаютъ у себя на дому сдѣльно. Имъ выдается отъ хозяевъ матеріалъ, всѣ инструменты для обработки золота, и они получаютъ плату съ количества выработаннаго золота. Есть кустари, хотя такихъ очень немного, которые сами выписываютъ вальцованное золото изъ мастерскихъ г. Москвы, своими руками выколачиваютъ его въ листовое золото и продаютъ послѣднее отъ себя на свой рискъ и страхъ.

Хорошій мастеръ золотобоецъ легко зарабатываетъ отъ 15 до 20 рублей въ мѣсяцъ, не отрываясь отъ земледѣльческаго труда. Иные мастера зарабатываютъ и больше, но такіе мастера встрѣчаются уже сравнительно рѣдко: земледѣльческимъ трудомъ они почти и не занимаются.

Работаютъ на дому, обыкновенно, въ теченіе зимняго времени, по окончаніи земледѣльческихъ работъ, вплоть до весны. Нѣкоторые мастера продолжаютъ золотобойную работу и въ лѣтнее время, прекращая ее только въ самую страдную пору— въ іюлѣ мѣсяцѣ.

Годичный заработокъ мастера золотобойца простирается отъ 100 до 200 рублей въ годъ. Въ данномъ случаѣ особенно важно то обстоятельство, что золотобоецъ зарабатываетъ эти деньги у себя на дому, не отрываясь отъ своихъ земледѣльческихъ занятій и крестьянскаго хозяйства.

Насколько важно золотобойное производство въ экономической жизни мѣстнаго населенія, можно видѣть изъ того, что у одного только заводчика А. А. Князева работаетъ до 70 человѣкъ золотобойцевъ, зарабатывающихъ въ общей сложности отъ 9 до 12 тысячъ рублей въ годъ. Вообще же „на золотѣ" крестьяне подгородныхъ волостей зарабатываютъ отъ 80 до 100 тысячъ рублей въ годъ.

Золотобойное производство, какъ мы говорили уже выше, развито исключительно въ г. Пошехоньѣ и въ подгородныхъ волостяхъ: Ериловской, Пошехонской, Давыдковской и Панфиловской. Занятіе золотобойнымъ промысломъ передается чаще всего отъ отца къ сыну. Къ слову замѣтимъ, что никогда не случается, чтобы золотобоецъ бросилъ свое занятіе и сталъ искать себѣ другого, болѣе выгоднаго.

Обучать золотобойному мастерству начинаютъ обыкновенно съ 10—12-лѣтняго возраста. Первоначально мальчикъ вглядывается въ работу отца и незамѣтно усваиваетъ названія и назначеніе различныхъ орудій производства, а затѣмъ получаетъ старую „снасть" и матеріалъ и начинаетъ прямо работать самостоятельно (конечно подъ надзоромъ отца), получая наравнѣ со взрослыми рабочими плату „сдѣльно". Конечно, заработокъ такого мальчика ученика невеликъ, но хорошая сторона описываемаго производства заключается въ томъ, что мальчикъ обучается мастерству на дому, на глазахъ отца и, какъ выражаются крестьяне, не можетъ „набаловаться", что нерѣдко случается, если мальчикъ находится въ ученьи „въ людяхъ". Въ тоже время, будучи еще ученикомъ, онъ уже вноситъ въ семью свой небольшой заработокъ, простирающійся, обыкновенно, отъ 5 до 8 рублей въ мѣсяцъ.

Съ гигіенической стороны работа золотобойцевъ является гораздо безвреднѣе весьма многихъ кустарныхъ промысловъ. Никакихъ отбросовъ, заражающихъ воздухъ и загрязняющихъ жилища, при золотобойномъ производствѣ не имѣется. Выбиваемое золото держатъ завернутымъ въ пергаментъ, и золотая пыль попадать въ воздухъ не можетъ, да если бы и попадала, то не могла бы висѣть въ немъ, вслѣдствіе сравнительно большого своего удѣльнаго вѣса. Мало того, частицы

обрабатываемаго матеріала настолько цѣнны, что одной изъ главныхъ заботъ мастера является забота о томъ, чтобы не было утери золота. Такъ какъ практика показываетъ, что для успѣшнаго выбиванія золота требуется сухое, теплое, свѣтлое и чистое помѣщеніе, то не удивительно, что какъ заводскія мастерскія, такъ и помѣщенія кустарей золотобойцевъ почти всѣ безъ исключенія сухи, свѣтлы, теплы и чисты.

Темную сторону золотобойнаго производства въ санитарно-гигіеническомъ отношеніи представляетъ то обстоятельство, что золотобойное сусальное производство требуетъ высокой температуры. Обыкновенно температура мастерской доходитъ до 20° — 25° R и болѣе. Никакое провѣтриваніе комнаты, никакая вентиляція во время производства работъ не допустимы. За все это время рабочіе должны дышать сухимъ теплымъ комнатнымъ воздухомъ. Въ нѣкоторыхъ мастерскихъ не выставляются даже и на лѣто зимнія рамы.

Неудивительно, что чахотка и различныя легочныя заболѣванія среди мастеровъ золотобойцевъ вещь довольно обычная, тѣмъ болѣе, что всѣ золотобойцы придерживаются „рюмочки".

Отношеніе хозяевъ къ мастерамъ золотобойцамъ въ общемъ не оставляетъ желать ничего лучшаго. Требованіе на мастеровъ-золотобойцевъ всегда превышаетъ предложеніе. По сознанію самихъ хозяевъ каждый мастеръ золотобоецъ приноситъ своему хозяину чистой прибыли около девяти рублей въ мѣсяцъ. А такъ какъ о перепроизводствѣ сусальныхъ издѣлій пока ничего не слышно, то прямой интересъ для хозяина держать по возможности больше рабочихъ. Между тѣмъ, число мастеровъ золотобойцевъ все-таки ограниченно, самое мастерство требуетъ продолжительнаго изученія, поэтому неудивительно, что мастеръ золотобоецъ, отошедшій отъ одного хозяина, всегда съ распростертыми объятіями принимается другимъ хозяиномъ. Точно тоже самое бываетъ и съ рабочими, уволенными противъ своего желанія хозяиномъ. Впрочемъ такія увольненія бываютъ крайне рѣдко. Причиною ихъ бываетъ или безпробудное пьянство, или воровство.

Пристрастіе къ спиртнымъ напиткамъ составляетъ общую слабость почти всѣхъ мастеровъ золотобойцевъ. Причиною этого является, повидимому, то обстоятельство, что большую часть своего рабочаго времени мастеръ золотобоецъ проводитъ за крайне однообразнымъ занятіемъ въ душной, жарко натопленной комнатѣ. Естественно, что, вырвавшись на волю, онъ гуляетъ во всю. Такъ какъ расчетъ съ мастерами производится,

въ большинствѣ случаевъ, еженедѣльно, то неудивительно, что день расчета и является для сусалей днемъ поголовнаго пьянства.

Впрочемъ, на пьянство мастеровъ хозяева не обращаютъ никакого вниманія: разъ рабочій работаетъ „сдѣльно", для хозяина рѣшительно безразлично, что рабочій золотобоецъ прогуляетъ одинъ-два дня въ недѣлю. Совсѣмъ другое дѣло, если пьянство мастера начинаетъ пріобрѣтать размѣры необычайные, если мастеръ „водитъ медвѣдя" недѣли двѣ-три. Въ такомъ случаѣ къ мастеру является хозяинъ и отбираетъ отъ него „снасть" и всѣ инструменты, представляющіе, какъ мы уже видѣли выше, значительную цѣнность. Въ большинствѣ случаевъ послѣ такой репрессивной мѣры мастеръ быстро вытрезвляется, идетъ съ поклономъ и сердечнымъ сокрушеніемъ къ своему хозяину и получаетъ отъ него снова снасть и работу.

Въ мастерскихъ, гдѣ рабочіе живутъ на жалованьѣ, пьянство, конечно, строго преслѣдуется. Вещь вполнѣ понятная: каждый прогульный день рабочаго является здѣсь уже чистымъ убыткомъ для хозяина, дающаго рабочему квартиру, отопленіе и пищу.

Преднамѣренная порча инструментовъ или растрата ихъ въ золотобойномъ мірке вещь неслыханная. Весьма рѣдки случаи присвоенія со стороны мастера или растраты ввѣреннаго ему золота въ болѣе или менѣе значительномъ количествѣ. За пятнадцать лѣтъ намъ извѣстенъ одинъ только случай, когда два мастера золотобойца привлекались къ отвѣтственности по 177 ст. Уст. о Наказ., за растрату ввѣреннаго имъ золота, въ количествѣ 3—5 золотниковъ на каждаго.

Что касается до присвоенія золота въ небольшихъ количествахъ (обрѣзки золота), то такое присвоеніе освящено обычаемъ и хозяева смотрятъ на него сквозь пальцы, только бы оно не переходило извѣстныхъ границъ приличія. Дѣло въ томъ, что услѣдить тутъ за мастеромъ нѣтъ никакой возможности. Мастеру выдается на пачку извѣстное количество золота. Но изъ этого золота у него всегда будетъ остатокъ, если онъ будетъ выбивать листки золота нѣсколько тоньше обычнаго. Изъ такихъ остатковъ ловкій мастеръ всегда экономитъ рублей 5—6 въ мѣсяцъ. Такая кража золота, если она не переходитъ извѣстныхъ границъ, освящена обычаемъ.

— Много ли получаетъ у васъ мастеръ? — спрашиваю я одного хозяина.

— Рублей десять-двѣнадцать...

— Маловато...

— Да рубля на 3, на 4 украдетъ,—невозмутимо дополняетъ хозяинъ.

Насколько снисходительно смотрятъ на такую кражу золота хозяева, можно видѣть и изъ того, что сами же хозяева являются и скупщиками краденаго золота.

— Положимъ, мастеръ украдетъ у васъ золота, но куда же онъ продастъ его? кто купитъ у него завѣдомо краденое?

— Кто угодно... принесутъ ко мнѣ—я куплю, мои рабочіе снесутъ къ К.—тотъ купитъ,—спокойно пояснилъ хозяинъ.

Очевидно, что у сусалей на этотъ случай сложилась своя особая этика...

Разсчеты между хозяевами и мастерами ведутся точно также весьма гладко: никогда не услышишь, чтобы тотъ или другой мастеръ золотобоецъ пожаловался на своего хозяина, что тотъ обсчиталъ его или прижалъ на работѣ. Никогда не услышишь точно также и жалобъ хозяина на то, что мастеръ золотобоецъ, взявъ авансъ въ счетъ будущаго заработка, отошелъ отъ хозяина, не отработавъ добросовѣстно взятаго аванса.

Между тѣмъ авансы мастерамъ золотобойцамъ хозяева даютъ весьма охотно. Отправляетъ ли мастеръ золотобоецъ сына въ военную службу, хоронитъ ли отца, выдаетъ ли замужъ дочь, нуждается ли въ хлѣбѣ на обсѣмененіе полей—всегда онъ идетъ къ хозяину и безъ всякихъ особыхъ просьбъ получаетъ авансъ въ размѣрѣ мѣсячнаго, двухъ-мѣсячнаго своего заработка, а то и болѣе. Авансъ этотъ пополняется вычетами изъ его обычнаго мѣсячнаго заработка. Хозяинъ, выдавъ авансъ, вполнѣ бываетъ доволенъ тѣмъ, что рабочій авансомъ этимъ прикрѣпленъ къ нему и не отойдетъ отъ него.—А платить все равно, раньше ли, позже ли, вѣдь, нужно будетъ, — разсуждаетъ онъ весьма логично.

Въ критическихъ случаяхъ хозяева оказываютъ своимъ мастерамъ и прямую непосредственную помощь. Нерѣдко можно услышать, напримѣръ, что тотъ или иной хозяинъ далъ на постройку новой избы погорѣвшему мастеру сто рублей, или купилъ новую избу женѣ умершаго мастера.

Оказывая такую помощь, хозяева прежде всего руководятся тщеславіемъ: пускай знаютъ конкурренты—вотъ молъ я каковъ! Но помимо тщеславія они достигаютъ въ данномъ случаѣ и коекакихъ практическихъ результатовъ. Облагодѣтельствованный хозяиномъ мастеръ будетъ слѣдить за порядками въ мастерской

не хуже самого хозяина, и хозяинъ смѣло можетъ оставить подъ его надзоромъ мастерскую хоть на полгода. А это, при постоянныхъ разъѣздахъ хозяевъ по Россіи,—вещь не маловажная. Нечего и говорить, что мастера-золотобойцы идутъ къ болѣе тароватому хозяину, и хозяинъ, оказавшій щедрую помощь своему мастеру, привлекаетъ этимъ самымъ къ себѣ рабочихъ со стороны. Нечего и говорить, что вдова золотобойца, получивъ помощь отъ хозяина, отдастъ своихъ дѣтишекъ на выучку золотобойному мастерству не къ кому иному, какъ къ этому самому хозяину, оказавшему ей помощь.

Филантропія и нажива идутъ здѣсь рука объ руку.

Съ какихъ поръ появилось золотобойное производство въ описываемой нами мѣстности утвердительно сказать нельзя. Тѣмъ не менѣе положительно извѣстно, что производствомъ этимъ занимались въ окрестностяхъ г. Пошехонья еще въ концѣ XVIII столѣтія. Такъ изъ семейныхъ преданій извѣстно, что предокъ нынѣшнихъ крупныхъ золотобойныхъ мастеровъ А. А. Князева и И. А. Князева занимался золотобойнымъ производствомъ еще въ концѣ XVIII столѣтія, будучи крестьяниномъ деревни Луковниковъ.

Нѣтъ никакого сомнѣнія въ томъ, что сусальное производство занесено въ Пошехонскій уѣздъ изъ Владимірской губерніи.

И въ настоящее время, и въ старину портные Панфиловской волости шли на отхожій промыселъ въ предѣлы Владимірской губерніи, гдѣ сусальное производство ведется съ незапамятныхъ временъ....

Первоначально золотобойное производство развивалось у мѣстныхъ золотобойцевъ крайне туго и медленно. Особенно быстро пошло оно впередъ въ концѣ прошлаго столѣтія съ развитіемъ у насъ желѣзнодорожнаго, пароходнаго и почтово-телеграфнаго сообщенія, давшихъ возможность мѣстнымъ сусальщикамъ сбывать свои произведенія въ самые отдаленные уголки нашего обширнаго отечества.

Насколько быстро растетъ золотобойное производство, можно судить, напримѣръ, по тому, что заводъ А. А. Князева въ 1893 г. имѣлъ только тридцать мастеровъ золотобойцевъ и сумма производства его едва доходила до тридцати тысячъ рублей въ годъ. Между тѣмъ въ 1903 году сумма производства того же самаго завода достигаетъ уже 70 тысячъ рублей въ годъ, и число мастеровъ золотобойцевъ свыше семидесяти человѣкъ. Въ такой же степени развивается производство и остальныхъ заводовъ.

Никакихъ субсидій и кредитовъ сусали-золотобойцы никогда

и ни у кого не просили, а если промыселъ прогрессируетъ, то исключительно благодаря энергіи и предпріимчивости сусальщиковъ и благодаря развитію у насъ желѣзнодорожнаго, пароходнаго и почтово-телеграфнаго сообщенія.

Въ прежнее время, когда проѣхать отъ Рыбинска до Казани на пароходѣ стоило въ третьемъ классѣ отъ 10 до 15 рублей, рѣдкій изъ хозяевъ отваживался на такую экскурсію, боясь что результаты поѣздки не окупятъ расходовъ.

Въ настоящее время, когда пробѣгъ отъ Рыбинска до Казани стоитъ только 2 р. 50 к., хозяева по нѣскольку разъ въ лѣто ѣздятъ со своимъ товаромъ въ низовыя поволжскія губерніи до Самары и даже до Астрахани, и всегда расходы по поѣздкѣ окупаются у нихъ съ барышомъ.

Въ прежнее время, когда пересылка по почтѣ простого письма стоила 14 к., когда почта изъ г. Пошехонья въ Рыбинскъ ходила разъ въ недѣлю, отправка золота почтою велась въ весьма скромныхъ размѣрахъ. Нынѣ, когда почта ходитъ до четырехъ разъ въ недѣлю, когда къ услугамъ публики явился наложенный платежъ, когда стоимость пересылки по почтѣ понизилась, отправка сусальщиками своихъ издѣлій почтою приняла внушительные размѣры.

Мѣстные мастера золотобойцы, разселясь по другимъ мѣстамъ, привили въ этихъ мѣстахъ и золотобойное производство. Такимъ образомъ, изъ Пошехонскаго уѣзда получили свое начало сусальныя фирмы: Дѣвкина въ Рыбинскомъ уѣздѣ, братьевъ Смирновыхъ [1]), Ивлева [2]), Виноградова [3]), Пичугина [4]) и другихъ московскихъ фабрикантовъ сусальнаго золота.

Нельзя не отдать должное той энергіи и той предпріимчивости, съ какою мѣстные сусальные заводчики стараются распространять свои издѣлія. Не проходитъ ни одной областной или всероссійской выставки, на которой бы не фигурировали въ числѣ экспонатовъ и издѣлія мѣстныхъ сусальныхъ заводчиковъ.

Одинъ изъ мѣстныхъ сусалей заводчиковъ К—ъ имѣетъ, напримѣръ, слѣдующія награды за свои издѣлія: 1. серебряную медаль на областной сельскохозяйственной выставкѣ въ г. Пошехоньѣ 1881 г.; 2. золотую медаль на сельскохозяйственной выставкѣ въ г. Рыбинскѣ 1883 г.; 3. бронзовую

[1]) Изъ дер. Баранова, Пош. у.
[2]) Изъ дер. Луковниковъ.
[3]) Тоже.
[4]) Дер. Кременева.

медаль на Московской Всероссійской выставкѣ 1882 года.; 4. бронзовую медаль на Всероссійской Нижегородской выставкѣ 1896 г.; 5. серебряную медаль на Кіевской выставкѣ 1897 г.

Подобныя же награды имѣютъ и другіе заводчики. Нѣкоторые изъ сусалей хозяевъ посылали свои издѣлія даже на Парижскую Всемірную выставку.

Съ цѣлью сбыть свои издѣлія сусали прибѣгаютъ и къ газетнымъ рекламамъ, и къ поѣздкамъ по отдаленнымъ городамъ нашего отечества. И нужно замѣтить, что разсчеты ихъ вполнѣ оправдываются. Если многіе изъ сусалей-заводчиковъ и не наживаютъ себѣ своимъ промысломъ палатъ каменныхъ, то не было еще ни одного случая на памяти старожиловъ, чтобы сусальщикъ хозяинъ разорился на своемъ дѣлѣ и, какъ говорится, вылетѣлъ въ трубу.

Сбывая свои издѣлія по отдаленнымъ мѣстамъ нашего отечества, сусали-хозяева хранятъ въ крѣпкой тайнѣ другъ отъ друга свои мѣста сбыта или свои „рынки". Ни одинъ хозяинъ не сообщитъ другому о томъ, куда и на какихъ условіяхъ онъ отправилъ тогда-то партію листового золота. Переписка сусалей съ заказчиками и покупателями ведется въ строжайшей тайнѣ. Чтобы скрыть адреса своихъ кліентовъ отъ постороннихъ глазъ, большинство хозяевъ имѣетъ въ мѣстной почтово-телеграфной конторѣ свои отдѣльные ящики, куда и опускается вся адресуемая на ихъ имя корреспонденція.

Не особенно давно съ сусалями случилась такая оккизія. Одинъ изъ богатыхъ сусальщиковъ выдалъ свою дочь за чиновника мѣстной почтово-телеграфной конторы. Дѣйствительно ли передавалъ этотъ чиновникъ своему тестю, куда отправляютъ его конкурренты свое золото, или это была напраслина, мы не знаемъ, но только всѣ сусальщики заподозрили чиновника въ этой нескромности. Полетѣли жалобы начальнику округа и въ концѣ концевъ сусальщики добились того, что чиновникъ, котораго заподозрили въ нескромности, по приказанію свыше былъ переведенъ для пользы службы на другое мѣсто.

Впрочемъ тѣ изъ золотобойцевъ, которые работаютъ на московскихъ фабрикантовъ (а есть и такіе), получая отъ нихъ снасти и матеріалъ, нисколько не скрываютъ отъ кого и на какихъ условіяхъ они работаютъ. Скрывать это для нихъ нѣтъ никакой надобности.

Червонное листовое золото, какъ мы уже говорили и выше,

употребляется исключительно только для болѣе цѣнныхъ издѣлій. Для болѣе дешевыхъ издѣлій, какъ въ иконописи, такъ и въ другихъ производствахъ, золото замѣняется листовымъ серебромъ. Какъ золото, такъ и серебро въ иконописи накладывается на иконы въ растворѣ яичнаго бѣлка, а на образа, писанныя на полотнѣ, на вареное съ краской льняное масло. Когда наложенное серебро или золото засохнетъ, то покрывается спиртовымъ лакомъ, отчего серебро переходитъ въ желтый, подобный золоту, цвѣтъ.

Другой способъ употребленія сусальнаго серебра и золота на иконы слѣдующій: нѣсколько листочковъ сусальнаго серебра или золота кладутъ на чистую краскотерную плиту (крохи и обрѣзки серебра или золота для этого не годятся) и растираютъ курантомъ съ разведеннымъ гуммиарабикомъ до той степени, когда получится совершенно мелкая металлическая краска, которая высушивается затѣмъ въ раковинахъ или чайныхъ блюдечкахъ. Краска эта, разведенная бѣлкомъ яйца, и накладывается затѣмъ на иконы кистью. Это серебро или золото называется „твореным“.

Въ большомъ количествѣ листовое серебро употребляется при поддѣлкѣ старинныхъ образовъ.

Для этой цѣли берутъ листочекъ серебра, вѣшаютъ его на длинную палочку и держатъ нѣсколько времени надъ горящими углями. Отъ жара листочекъ принимаетъ темно-красновато-желтый цвѣтъ—цвѣтъ позолоты на старинныхъ иконахъ. Изъ такихъ листочковъ и приготовляется, какъ было сказано выше, металлическая краска, идущая для поддѣлки древнихъ иконъ.

Для сундуковъ, подносовъ, дугъ и т. п. издѣлій употребляются въ большинствѣ случаевъ обрѣзки отъ серебра—крохи. Крохи эти трутъ, смѣшавъ съ медомъ на плитѣ, затѣмъ, стертую массу кладутъ въ сосудъ, наливаютъ водою и мѣшаютъ лопаткой; осадокъ серебра опускается на дно сосуда; вода сливается, наливается свѣжая. Такимъ образомъ серебро промывается до тѣхъ поръ, пока въ немъ не будетъ примѣси меда. Осадокъ этотъ просушивается и превращается въ тончайшій серебряный порошокъ. Порошкомъ этимъ посыпаютъ посредствомъ кожаной лосиной подушечки сквозь трафаретъ на сундукахъ и подносахъ всѣ мѣста, покрытыя вареннымъ льнянымъ масломъ, для изображенія цвѣтковъ, рамокъ, арабесокъ и пр. Золотые и серебряные обрѣзки или крохи употребляется также при гальваническомъ серебреніи или золоченіи. Для этой цѣли употребляется, впрочемъ, и настоящее листовое серебро и золото.

Выше мы говорили, что для выдѣлки листового серебра необходимо брать кусковое серебро самой высокой пробы. Обыкновенно берется для этой цѣли серебро не ниже какъ 94-й пробы. Серебро низшей пробы положительно не возможно бываетъ выковать въ тонкій воздушный листокъ.

При вышеуказанныхъ обстоятельствахъ и при сравнительно невысокой стоимости серебра о поддѣлкѣ листового серебра не можетъ быть и рѣчи.

Совсѣмъ иное дѣло червонное золото. Червонное золото одни изъ хозяевъ золотобойцевъ получаютъ кусками отъ петербургскихъ и московскихъ торговцевъ, съ наложенными па этихъ кускахъ пробирными клеймами. Такіе хозяева знаютъ, что они вырабатываютъ листовое червонное золото такой то пробы и вполнѣ могутъ ручаться за качество своихъ издѣлій. Другіе хозяева золотобойцы получаютъ кусковое золото изъ-за границы (съ клеймомъ, напримѣръ, Hamburg).

Можно ли ручаться, что выдѣлываемое послѣдними листовое золото—есть дѣйствительно червонное листовое золото? Конечно нѣтъ... Правда, сами золотобойцы утверждаютъ, что это золото настоящее высокопробное золото и ссылаются на то, что только изъ высокопробнаго золота можно выковать тонкій воздушный листокъ.

— Изъ плохого золота (т. е. низкопробнаго) не выкуешь золота сусальнаго, утверждаютъ единогласно кустари.

Но это едва ли такъ. Въ настоящее время наука дала возможность получать изъ золота и серебра съ примѣсью другихъ веществъ такіе ковкіе сплавы, что ковкостію своею они немногимъ уступятъ золоту. Очевидно, что золото, получаемое изъ-за границы, м. б. довольно подозрительнаго свойства.

— Почему вы не выписываете золото прямо изъ казны?—спрашивали мы однажды знакомыхъ сусалей.

— Пробовали, да не стоитъ!.. пустое дѣло!..

— Возни и хлопотъ лишнихъ много...

Всеобщія жалобы на волокиту и различныя формальности, когда приходится вести дѣло съ казною, раздаются и здѣсь,—и раздаются, повидимому, не безъ вѣскихъ основаній.

Въ настоящее время самыми сильными конкуррентами съ мѣстными сусалями золотобойцами являются московскіе фабриканты листового золота и серебра.

Правда, по цѣнѣ издѣлій и по качеству ихъ выдѣлки, мѣстные производители ни въ чемъ не уступаютъ московскимъ, но на сторонѣ послѣднихъ имѣется преимущество иного рода.

Каждую пачку червоннаго золота московскіе производители имѣютъ возможность отправить въ пробирную палатку, которая и кладетъ на золото пробу, удостовѣряющую, что это именно золото такой то пробы. Покупатели всегда охотнѣе покупаютъ пробное золото, нежели золото безъ пробы. Въ данномъ случаѣ они вполнѣ правы: настоящее золото никогда и нигдѣ не потускнѣетъ, поддѣлка же подъ золото быстро чернѣетъ. Между тѣмъ въ нѣкоторыхъ работахъ, какъ напримѣръ гальванопластика, золоченіе черезъ огонь и т. п., требуется именно высокопробное золото съ ручательствомъ за его пробу.

Но, что возможно для московскихъ сусалей фабрикантовъ, то является положительно невозможнымъ для мѣстныхъ сусальщиковъ. Ближайшая къ г. Пошехонью пробирная палатка находится въ Костромской губерніи, въ г. Нерехтѣ.

Чтобы отсылать туда листовое золото для наложенія на него пробы, мѣстные сусальщики должны вести расходы по упаковкѣ золота, по пересылкѣ его до г. Нерехты взадъ и впередъ, а главное, терять время, цѣнить которое они научились весьма хорошо. Въ то время, какъ московскій фабрикантъ, сработавъ партію листового золота, въ тотъ же день можетъ отправить его въ пробирную палату, а, затѣмъ, черезъ два, много черезъ три дня получить его обратно съ наложенною на немъ пробою, пошехонскій сусальщикъ долженъ сдать золото на почту, предварительно его упаковавъ. Почтою идетъ золото до пробирной палатки долѣе недѣли, такъ что въ общей сложности онъ получитъ обратно свое золото съ пробирнымъ клеймомъ не ранѣе трехъ, а то и четырехъ недѣль. За это время ловкій хозяинъ сусальщикъ успѣетъ продать свой товаръ и получить за него деньги.

Неудивительно поэтому, что только самая ничтожная часть вырабатываемаго въ уѣздѣ листового червоннаго золота направляется для наложенія пробы въ пробирную палатку, большая же часть продается безъ наложенія на него пробы. А вслѣдствіе этого и издѣлія фабрикантовъ московскаго сусальнаго района покупаются всегда охотнѣе, и конкуррировать съ нимъ пошехонскимъ издѣліямъ почти невозможно.

Въ настоящемъ случаѣ большую помощь сусальному дѣлу оказало бы назначеніе въ уѣздѣ самостоятельнаго пробирнаго чиновника. Нѣсколько лѣтъ тому назадъ между сусалями энергично толковали на эту тему, большинство соглашалось подать объ этомъ петицію г. министру, но, затѣмъ, все дѣло какъ то замолкло, и въ настоящее время о немъ никто уже и не помышляетъ.

Вещь вполнѣ понятная, что для тѣхъ, кто разрабатываетъ высокопробное червонное золото, пробирный чиновникъ принесъ бы большую пользу, но за то онъ послужилъ бы во вредъ тѣмъ изъ золотобоевъ, которые разрабатываютъ не листовое золото, а золото, выписанное изъ-за-границы, т. е. золото сомнительнаго качества. Естественно, что послѣдніе горячо запротестовали противъ всякихъ подобнаго рода ходатайствъ, и петиція о назначеніи въ уѣздъ пробирнаго чиновника осталась безъ движенія.

Въ настоящее время въ средѣ золотобойцевъ хозяевъ выдѣляются нѣсколько человѣкъ капиталистовъ, поставившихъ производство на широкую ногу и ведущихъ обороты на десятки тысячъ рублей. Такіе капиталисты имѣютъ передъ остальными мелкими производителями то громадное преимущество, что пользуются широкимъ кредитомъ въ мѣстномъ банкѣ, какъ мѣстные купцы. Всѣ они ведутъ дѣла по купеческимъ свидѣтельствамъ второй гильдіи. Мало того, одно время они забрали даже въ свои руки и управленіе мѣстнымъ банкомъ. Естественно, что при легкомъ свободномъ кредитѣ они могутъ развивать и дѣйствительно развиваютъ свое производство и въ количественномъ, и въ качественномъ отношеніи. Совсѣмъ другое дѣло мелкій производитель, мѣщанинъ или крестьянинъ кустарь: никакого кредита нигдѣ ему не оказывается и развивать ему свое производство бываетъ довольно трудно.

Не до жиру—быть бы живу! сытъ и слава Богу! говорятъ про себя такіе мелкіе кустари золотобойцы. Но, не смотря на это, каждый изъ нихъ старается расширить свое производство, какъ только представится къ этому малѣйшая возможность.

Завѣтною мечтою всякаго мастера-золотобойца, работающаго на другихъ, — это стать самому хозяиномъ золотобойной мастерской. Нужды нѣтъ, что въ такой мастерской работаетъ только хозяинъ самъ-другъ или самъ третей съ рабочими. — „Хоть лыкомъ шитъ, да хозяинъ!“ говорятъ въ шутку про такихъ хозяевъ болѣе крупные производители....

Что ожидаетъ золотобойное производство въ будущемъ? Пока на горизонтѣ сусалей золотобойцевъ нѣтъ ни одного облачка, да не предвидится и въ ближайшемъ будущемъ: трудно разсчитывать на то, чтобы позолота исчезла изъ обращенія и, какъ украшеніе различныхъ предметовъ, замѣнилась чѣмъ либо инымъ. За тысячи лѣтъ до Р. Х. дворцы и храмы украшались позолотой, украшаются они понынѣ и, всего вѣроятнѣе, будутъ украшаться и впредь... Очевидно, что требованіе на листовое

золото еще долго будетъ раздаваться отовсюду. Конечно золотобойный промыселъ могла бы убить машинная выработка листового золота, но пока что, а такихъ машинъ еще нѣтъ, да если бы ихъ и придумали, то машины эти едва ли могли бы конкуррировать съ ручнымъ производствомъ и по дешевизнѣ послѣдняго, и по качеству издѣлій. Правда, въ лабораторіяхъ путемъ гальванопластики получаютъ теперь листовое золото такой толщины, что оно какъ будто даже просвѣчиваетъ. Такого золота конечно не получить выковкою. Но вообще золото это обходится чрезвычайно дорого и конкурренція съ обыкновеннымъ сусальнымъ золотомъ для него невозможна. Дѣйствительно, чтобы получить листокъ золота мокрымъ путемъ, слѣдуетъ позолотить гальванически серебряный листокъ, и затѣмъ позолоченный серебряный листокъ подвергнуть дѣйствію азотной кислоты, въ которой серебро растворится и останется только тонкій золотой листокъ.

Способъ, очевидно, и дорогой, и кропотливый, и медленный.

Пригодно ли будетъ такое золото для практическихъ цѣлей, напримѣръ, для золоченія по дереву, по бумагѣ, кожѣ и т. п.—это еще вопросъ и вопросъ довольно спорный.

Съ этой стороны мѣстнымъ сусалямъ бояться нечего. Иное дѣло конкурренція крупныхъ фабрикантовъ московскаго района. Но пока и эта конкурренція мѣстнымъ производителямъ нисколько не страшна. При слабомъ развитіи кустарныхъ и отхожихъ промысловъ въ Пошехонскомъ уѣздѣ, цѣны на рабочія руки, т. е. на трудъ мастеровъ золотобойцевъ, продолжаютъ оставаться все таки очень низкими, гораздо ниже цѣнъ московскаго района. И, не смотря на это, заработокъ сусальщика для мѣстнаго крестьянина представляется весьма выгоднымъ, заманчивымъ заработкомъ, такъ какъ для этого заработка не нужно кидать свою семью, свой домъ и хозяйство и итти на чужую сторону.

А. Баловъ.

Финскія заимствованія въ русскомъ языкѣ.

По поводу статьи проф. А. Л. Погодина.

Для этимологическаго изученія русскаго языка выдѣленіе всѣхъ входящихъ въ составъ его словъ иноязычнаго происхожденія представляетъ дѣло чрезвычайной важности, и съ этой точки зрѣнія мы не можемъ не привѣтствовать появленія въ свѣтъ обширной работы проф. Погодина: „Сѣвернорусскія словарныя заимствованія изъ финскаго языка". Варшавскія Университетскія Извѣстія за 1904 г., IV, № 2 стр. 1—72, тѣмъ болѣе, что предметомъ ея является изученіе финскаго вліянія на русскій языкъ, которымъ наши лингвисты за послѣднее время занимались очень мало. Но для изученія вліянія какого-нибудь сосѣдняго языка на русскій требуется: 1) Хорошее знакомство съ *исторической* грамматикой обоихъ языковъ и серьезная начитанность въ обоихъ, затѣмъ, по возможности, знакомство съ *нѣкоторыми другими языками*, оказавшими вліяніе на русскій языкъ [1]. 2) Необходимо знакомство съ русскими (а подчасъ и вообще славянскими и аріоевропейскими) древностями, затѣмъ съ естественными науками, поскольку дѣло касается географическаго распространенія животныхъ и растеній [2]), наконецъ, и съ этнографіей, поскольку приходится имѣть дѣло съ названіями одеждъ, обрядами и проч. 3) При этимологическихъ сомнѣніяхъ необходимо не только считаться съ фонетикой, но и съ *семасіологіей*. 4) Необходимо тщательное использованіе всѣхъ этимологическихъ работъ, уже раньше посвященныхъ этому вопросу.

---

[1]) Только въ такомъ случаѣ, на нашъ взглядъ, и можно воздержаться отъ одностороннихъ толкованій, отъ излишняго стремленія видѣть во всѣхъ этимологически-неясныхъ словахъ заимствованія съ финскаго языка,—стремленія, которымъ въ высокой мѣрѣ обладаетъ большинство этимологическихъ изслѣдованій, посвященныхъ заимствованнымъ словамъ.

[2]) Съ этой точки зрѣнія наши лингвисты слишкомъ мало еще пользуются книгой Hehn-Schrader, Kulturpflanzen u. Haustiere. Berlin. 1902.

Эти, приблизительно, требованія по поводу другой этимологической работы недавно выставилъ Solmsen. Indogerm. Forsch. Anz. XIX, 23—27, и нельзя не признать ихъ справедливость. Авторъ указаннаго выше изслѣдованія, однако, совершенно не принялъ ихъ во вниманіе, не смотря на то, что въ спеціальныхъ разысканіяхъ, въ родѣ его работы, удовлетворить эти требованія — значительно легче, чѣмъ въ цѣльныхъ этимологическихъ словаряхъ.

Противъ перваго пункта г. Погодинъ грѣшитъ на каждомъ шагу: современныя формы вепсскаго діалекта онъ, за неимѣніемъ вепскаго словаря, приводитъ со звѣздочкой. При такомъ способѣ вѣдь рѣшительно невозможно отличить невѣроятное отъ правдоподобнаго; между тѣмъ, гдѣ дѣло касается современнаго языка вѣдь не слишкомъ уже трудно обратиться за справками относительно вепсскихъ словъ къ носителямъ вепсскаго діалекта или, по крайней мѣрѣ, къ финскимъ ученымъ. Только такимъ образомъ и можно удержаться отъ фантастичныхъ толкованій въ родѣ *коврига* (см. Погодинъ. Извѣст. отд. русск. яз. X, 2, 12—15).—Стремленіе во всемъ видѣть финскія заимствованія также замѣтно на каждой страницѣ работы проф. Погодина. Такъ, стр. 23 *ерякъ*, „старикъ", несмотря на семасіологическія затрудненія выводится изъ вепсск. *järie* „толстый, крѣпкій, сильный". Сюда же отнесено слово *ёрветь* „старуха". Дѣйствительно, на основаніи такихъ „культурно-историческихъ данныхъ" можно подумать, что въ нашихъ сѣверныхъ губерніяхъ обитаютъ однѣ амазонки.

Для слова *ёрветь* у меня этимологіи нѣтъ; но если бы г. Погодинъ обратилъ вниманіе на офенскіе языки, то онъ, быть можетъ, замѣтилъ бы, что этимологію перваго слова слѣдуетъ искать далеко отсюда въ юговосточномъ углу Европы. Въ офенскихъ языкахъ мнѣ пришлось отмѣтить слѣдующія формы: *ерóй*, старый, Могилевъ, Ж. Ст. I, 1, 11; *jóрый*, idem, тамъ же 15; Минскъ, Сб. отд. русск. яз. И. Ак. Н. XXI, 30; *jóр-ость*, старость, *jóр-оста*, староста; Минскъ, Сб. XXI 30, *яршинá*, старшинá, Бѣлоруссія, Сб. LXXI, 11; *jóритца*, старѣть, Бѣлоруссія. Сб. LXXI, 29. Далѣе: *ярýха*, старуха; *ярúкъ* „старикъ", Калуга, Извѣстія отд. русск. яз. IV, 1394, ib. II, 352; *ярóхъ* старикъ, *ярýха* старуха, Могилевъ, Ж. Ст. I, 1, 13, *хúрусъ*, староста, Калуга, Изв. IV 1396, *хéрустъ* староста, *хирýха* старуха, Москва, Извѣстія IV 1408, *гиръ* „старикъ", Суздаль, Извѣстія I 427. Всѣ эти слова я вывожу изъ греч. γέρος (-jéros) „старикъ" = др.-греч. γέρων. Указанная выше форма *ерякъ* пред-

ставляетъ собой такое же новообразованіе отъ *ерóй*, какъ *простякъ* отъ *простой*, *холостякъ* отъ *холостой* и проч. Другія же формы *ярýха*, [1]) *jóроста*=старуха, староста являются интересными случаями контаминаціи заимствованій съ исконно-русскими словами,—явленія (какъ я постараюсь показать въ ближайшемъ будущемъ уже въ другомъ мѣстѣ), столь распространеннаго въ русскихъ условныхъ языкахъ.

На стр. 26 слово *кадка* „горло“ въ выраженіи: „змѣя тебѣ въ кадку“ безъ основаній выводится изъ финскаго *kaati* „Halstuch, Halseisen“. И здѣсь я не вижу никакой возможности соединить эти значенія. Вѣдь гораздо вѣроятнѣе предположить контаминаціи словъ *кадыкъ* и *кадка* на русской почвѣ.—На стр. 27 *кáцця* „ручка цѣпа“ выводится изъ финск. *käsi* „рука“, *kätö* ручка. По фонетическимъ соображеніямъ слѣдуетъ предполагать контаминацію финскаго заимствованія (имѣвшаго, вѣроятно, форму **кяся* или **кя́са*) съ другимъ словомъ—*кáцця* изъ **кадця* „боченокъ“. — На стр. 65 Погодинъ недоумѣваетъ, сопоставляя зырянск. *čarki* „туфли“ съ олонецк. *чаркú* pl. id. (Куликовскій 131). Это сомнѣніе, на мой взглядъ, особенно противорѣчитъ тому желанію согласовать этимологическія толкованія съ данными культурной исторіи, которое г. Погодинъ нерѣдко подчеркиваетъ въ другихъ своихъ работахъ (см. Извѣстія X, 3, 11; 21 сл., Слѣды корней-основъ 232 сл.). Между тѣмъ вопросъ рѣшается очень легко: зырянск. *čarki* чрезъ посредство русскаго *чаркú* заимствовано съ турецк. *čarɛk* „сапогъ“, откуда греч. τσαρούκι, τσαρούχι, алб. *čariχe*, макед.-рум. ţăruhi и проч. см. Miklošič, Türk. Elemente I 37, Korais, Ἄτακτα IV 595 и 621, G. Meyer Alb. Wb. 439.—Слово *кокáчъ* „пирогъ небольшихъ размѣровъ изъ кислаго ржаного тѣста полукруглой формы“ Погодинъ стр. 32 выводитъ изъ фин. *kakko* „Laib. Kuchen“, олонецк. *кокоі*. Мнѣ кажется и это слово скорѣе можно связать съ греческимъ κοκκάκιν : κόκκος. Отъ другого образованія того же слова κουκκίον заимствовано наше *кутья́* (см. Korsch, Archiv. f. sl. Phil. IX 515).—

— Что проф. Погодинъ не использовалъ для своего изслѣдованія работъ своихъ предшественниковъ, на это указалъ уже Д. К. Зеленинъ, Извѣстія X, 2, 451. Кромѣ указанныхъ тамъ

[1]) Формы съ *я*—можно разсматривать или какъ ложно-этимологическія написанія, подъ вліяніемъ неударяемости слога ja,—или же какъ примѣры „перехода“ *е* въ *а* на русской почвѣ, о которомъ см. Соболевскій Лекціи [3] 85 сл., Опытъ русской діалектологіи I, 29.

работъ, однако, намъ извѣстенъ цѣлый рядъ мелкихъ статей, посвященныхъ тому же вопросу. Такъ какъ мы сами, въ виду направленія своихъ занятій, а также незнакомства съ финскими языками, пока не думаемъ позаняться этимъ вопросомъ, то считаемъ нелишнимъ указать здѣсь эти статьи:

Лѣсковъ. О вліяніи корельскаго языка на русскій въ предѣлахъ Олонецкой губерніи. Ж. Ст. II, 4, 97—103.

Я. К. Гротъ. Областныя великорусскія слова финскаго происхожденія. Матеріалы по сравн. и объясн. словарю и грамматикѣ I, 65—68.

С. К. Буличъ. Матеріалы для словаря русскаго языка. Извѣстія I, 304—322.—Если бы г. Погодинъ использовалъ эти работы и вмѣстѣ съ тѣмъ въ каждомъ случаѣ отмѣтилъ бы географическое распространеніе финскихъ заимствованій въ русскихъ говорахъ, то его изслѣдованіе, даже несмотря на неполноту (которой вообще въ подобнаго рода изслѣдованіяхъ нельзя достичь), стало бы такимъ же *памятникомъ культурной исторіи,* какъ въ области балканскихъ языковъ труды незабвеннаго G. Meyer'а (о кот. М. Фасмеръ Виз. Врем. XIII, 244—251)—труды, въ которыхъ такъ нуждается славянская филологія. При теперешнемъ своемъ состояніи эта работа скоро утратитъ свое значеніе: если авторъ ссылается на отсутствіе словарей финскихъ нарѣчій, то это—крайне слабый аргументъ; вѣдь ошибается же онъ, думая, что при этимологическихъ разысканіяхъ въ области иноязычныхъ заимствованій достаточно рыться въ словаряхъ. Если же онъ, въ концѣ своего труда, съ ложной скромностью называетъ собранные имъ матеріалы „незначительной частью" финскихъ элементовъ въ русскомъ языкѣ, то и это—плохое оправданіе: широкое заглавіе его труда указываетъ на *цѣль,* которую поставилъ себѣ нашъ авторъ, а содержаніе—на „добросовѣстное" исполненіе. *Что авторъ торопился,* это показываютъ не только опечатки, которымъ особенно подверглись финскія слова: стр. 71: вепсск. juraidau вм. juraidan; вепсск. kuradan вм. корел. kurandan и проч. (—что непростительно въ работѣ, посвященной *финскимъ* заимствованіямъ), но и неоднократное нарушеніе алфавитнаго порядка, значительно затрудняющее пользованіе его работой [1]).—Итакъ, вопросъ о финскомъ вліяніи на русскій языкъ еще можно считать откры-

[1]) Для примѣра: на стр. 27 сл.: карунъ, кацця, каска; стр. 30 сл.: кодоль, койкать, канабра, коволь, кода, стр. 32 сл. коппала, копсать, корба, корга. кордать, коледуха, колунъ, конда, стр. 39 лахта, лаймать и проч.

тымъ. Для облегченія его разработки я считаю нелишнимъ отмѣтить здѣсь рядъ словъ, извлеченныхъ изъ указанныхъ выше статей, а также изъ моихъ собственныхъ замѣтокъ:

аланъ sf. низменность—фин. *alanne* id.: *ala* внизъ; неточно Гротъ, 65.

арандать v. ворчать (о собакахъ)—карел. *arandan*, фин. *aristaa*. Лѣсковъ, 98, также Погодинъ, 14.

арда sf. вѣшалка—корел. *ardo* „шестъ на которомъ сушатъ неводъ, сѣти, бѣлье". Лѣсковъ, 98.

бýгра sf. землянка рыбаковъ и полѣсовщиковъ—корел. *bugri* „небольшой пологъ надъ постелью въ лѣтнее время для защиты отъ мухъ". Лѣсковъ, 98.

бурайдать v. ворчать—вепсск. *buraida*, неточно Лѣсковъ, 98, у Погодина, 14: бурандать.

варатóкъ sm. кипятокъ — фин. *wari* idem + кипятóкъ. См. Гротъ, 66.

гирвасъ sm. оленій самецъ—фин. *hirwas*. Гротъ, 66.

кадочка sf. ручка у молотила, Вологодск. Ж. Ст. V, 3, 390,

кáтцо sn. ручка у цѣпа Новгор. Череп. Ж. Ст. VIII, 3, 395. Другіе примѣры у Погодина, 27. Финское происхожденіе слова сомнительно, на что указалъ уже Д. К. Зеленинъ. Изв. X, 2, 456.

канка, канъ = курица—фин. *kana* idem. Гротъ, 66.

кáликка sf. брюква Петергоф.—ижорск. *kalikka* Буличъ 304.

канабра sf. растеніе Ledum palustre—корел. *kanabra* Лѣсковъ, 99, см. Погодинъ, 31.

каржаки, каршаки smpl. коты, сапоги безъ голенищъ — корел. *karšut* 1) веревочки, завязки, посредствомъ которыхъ берестяные лапти привязываются къ ногамъ; 2) истоптанные лапти, рваные сапоги. Лѣсковъ, 99.

каска sf. срубленный для пожоги лѣсъ, подсѣка — корел. *kaski* idem. Лѣсковъ, 99.

катка sf. воротъ рубахи, Вологодск. Ж. Ст. V, 3, 390 — фин. *kaati* idem.

кеньги smpl. большіе неуклюжіе сапоги, сшитые изъ бѣлой кожи худо, смазанные дегтемъ. Лѣсковъ, 99. Сюда же Погодинъ, 29.

кердега sf. сѣть—корел. *kierdäi* „скать нити", фин. *kiertyä*. Лѣсковъ, 99.

кережа sf. брюханъ, обжора—корел. *kereš* id. Лѣсковъ, 99.

керста sf. ящикъ—фин. *kirstu* id. Гротъ, 66, Зеленинъ, 454.

кúлоса sf. стоякъ, бабка изъ 10 сноповъ, Петергоф.—фин. *kuhila, kuhilas*. Буличъ, 305.

кипака sf. невысокій скалистый берегъ. Подвысоцкій, 66—фин. *kipakka*. Гротъ, 66.

кобра sf. горсть—фин. *kopra* id. Лѣсковъ, 100; Гротъ, 66.

кокка sf. мотыка для выкапыванія картофеля, Петергоф.—финск. *kokka, kuokka*. Буличъ, 305, см. еще Погодинъ, 31, Лѣсковъ, 100. Сюда же *кокшать*, копать.

конга sf. pinus silvestris—фин. *konka* idem. Гротъ, 66.

кондовый adj. крѣпкій, простой, Уралъ, Извѣстія, I, 305—зыр. *konda* изсохшее дерево, см. Погодинъ, 33.

корба sf. высокій густой ельникъ. Лѣсковъ, 100—фин. *korpi* idem см. Ervast, Suomalais.-Saksalainen Sanakirja, 222.

кукнышъ-карангышъ sm. цвѣты дикой розы—корел. *kukkoin-karangaine* id. Лѣсковъ, 100. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ олонецкой губерніи цвѣты эти называются *пѣтушками*, въ чемъ слѣдуетъ видѣть семасіологическое заимствованіе съ финскаго языка (см. Куликовскій, 97).

кукры sfpl. плечи—корел. *kukkuri* „верхняя часть плечъ". Лѣсковъ, 100.

курандать v. журчать. Лѣсковъ, 99—корел. *huranda:* фин. *hurata* см. Погодинъ, 15, гдѣ ошибочно сюда присоединено *гуркать*. Чрезъ контаминацію этого послѣдняго съ *курандать* получилось: *гурандать*, о чемъ Погодинъ, с. 1.

кургáти v. играть, *курга* sf. игра Нищенск.—финск. вепск. *kargaidan* плясать, эстон. *karg* скачекъ, *kargan* скакать. Иначе, едва ли не ошибочно, Jagić, Geheimsprachen bei den Slaven, 47.

курникъ sm. рыбный пирогъ—корел. *kurnikku* id. Лѣсковъ, 100.

курья́ sf. заливъ въ рѣкѣ. Вологодск. Ж. Ст. V, 3, 391. Печора. Изв., I, 307. См. еще Погодинъ, 38.

кутышкать v. щекотать—фин. *kutajaa* id. Erwast c. l. 247. Лѣсковъ, 100.

кя́брушка sf. поплавокъ, поддерживающій сѣть на верху воды—корел. *käbrü* 1) шишка еловая или сосновая; 2) берестянные поплавки, которые привязаны къ сѣтямъ. Лѣсковъ, 100, см. еще Погодинъ, 38.

кябра sf. стая собакъ. Лѣсковъ, 100, къ *кярба* id., о которомъ Погодинъ, 38.

кявели sfpl. неуклюжія, неловкія, вялыя руки, изъ которыхъ все валится, которыя за все зацѣпляютъ. Буличъ, 307—фин. *kaivella,—elen* „копать, ковырять" (впрочемъ, сомнительно!).

лалаки spl. дёсна — корел. *lailakat* pl. Лѣсковъ, 100.

лаймать v. стучать — корел. *läimätä* id. Погодинъ, 39.

левкóнуть v. промелькнуть—фин. *liuhkaa* id. Неточно Лѣсковъ, 100.

легандать v. колыхаться. Лѣсковъ, 100 считаетъ корельскимъ, но не указываетъ источника.

лейма sf. корова—фин. *lehma* idem. Гротъ, 66.

луда sf. отмель — корел. *luodo* каменистая мель въ озерѣ, фин. *luoto*. Erwast, 342, Лѣсковъ, 101.

лухта sf. мелкое мѣсто въ озерѣ, покрытое травой—корел. *luhta* „лужа". Лѣсковъ, 101.

лузикъ sm. ложка—фин. *lusikka*. Гротъ, 66, что со славян. лъжька см. Mikkola Berührungen, 41.

лявзать v. болтать—фин. *lausan* idem. Лѣсковъ, 101.

мутникъ sm. неводъ для мелкой рыбы — корел. *mutnikku: mutti*, мелкая рыба. Лѣсковъ, 101.

муштать v. знать, помнить — фин. *muistaa* idem неточно. Лѣсковъ, 101.

мянда sf. pinus silvestris—фин. *mänty* idem. Гротъ, 67, см. Погодинъ, 44.

негла sf. игла—фин. *negla*, *neula* „игла, хвоя". Гротъ, 67, см. Погодинъ, 46, что съ германск. яз., о чемъ Kluge, Et. Wb.[6] 279.

нетина sf. трава у рѣпы—корел. *näatti* idem. Лѣсковъ, 101.

нявгать v. мяукать — корел. *näukoa* id. Лѣсковъ, 101.

нюгандать v. „говорить въ носъ, невнятно"—корел. *nügandan:* фин. *nügistä* см. Лѣсковъ 101.

павна sf. небольшое озеро, лужа—фин. *pauni* id. Гротъ, 67.

пáрзелы spl. помостъ въ овинѣ, на который кладутъ снопы для сушки Петергоф.—фин. *parsi*, *parren* „перекладины, балки, потолокъ", pl. *parret*, adessivus plur. *parsilla*. Буличъ, 315.

пáхтусъ sm. комъ масла, спахтаннаго въ одинъ пріемъ; *пáхтать* v. сбивать жидкость, встряхивая самый сосудъ, либо лузовкой, *пáхтаться* v. возиться съ кѣмъ; *пáхтанье* sn. творожистая сыворотка, остающаяся по отдѣленіи отъ сливокъ и сметаны масла; *пахтанина*, *пáхтаница* sf. сыворотка etc. Архангельскъ, Даль III[3], 60 сл.—финск. *pahtaa* „сгущать".

пёккушки spl. молодые побѣги одного полевого растенія, употребляемые весной въ кормъ телятамъ и овцамъ, а дѣтьми

и въ пищу. Петергофъ.—фин. *pötkö* „длинный кусокъ, брусокъ, палка" откуда его выводитъ С. К. Буличъ, 320, не подходитъ по значенію. Скорѣе изъ фин. *pikku* „маленькій", откуда *пикушнóй* etc., см. Погодинъ, 50.

пехтиль, питкúль, пихтéрь sm. большой пестъ, Ряз., Сарат., Кур. Даль III³, 292—фин. *petkel*, неточно Гротъ, 67.

пирзать v. плакать — корел. *pirsottai, pärsistäj*. Лѣсковъ, 101.

пойга sm. мальчикъ, *пойгашъ* sm. id. — корел. *poiga*, фин. *poika* id. см. Гротъ, 67, Лѣсковъ, 101, см. еще Погодинъ, 47.

присйбриться v. подобраться, присосѣдиться, Петергоф. *присебриться* v. 1) подобраться 2) сѣсть ближе, Новг. 3) присвоиться, Пск. Твр., см. Буличъ, 320, сюда же *себра*: sf. община— корел. *siebra* id., фин. *seura* id., эстонск. *sõbr* „другъ" см. Thomsen, Beröringer mellem de finske og de balt. Sprog, 215, Лѣсковъ, 102. Слово—славянскаго происхожденія см. Solmsen, Kuhns Zeitschr. XXXVII, 592—597, G. Meyer Neugr. Stud. II, 56 сл., Thumb, Indogerm. Forsch. XIV, 349—354.

ратка sf. телѣжка одноколка, въ отличіе отъ четырехколесной телѣжки. Петергоф.—финск. *rattaat* „телѣга" pl. отъ *ratas* „колесо". Буличъ, 322.

ровга sf. ледъ, сюда же *ровка, ровда* id. Гротъ, 67, Погодинъ, 55.

рипать v. часто мигать—корел. *ripettäj* idem. Лѣсковъ, 101.

ропака sf. *рупака* sf. грязь по дорогамъ—финск. *ropakko* id. Гротъ, 67.

ропасъ sm. грязь — фин. *rapa* id. Гротъ, 67.

рябандать v. ширшать (бумагой, перьями) — фин. *räbistä*, корел. *räbandan*. Лѣсковъ, 102.

ряса sf. болотистое мѣсто—фин. *räisy* id. Гротъ, 67.

рячконуть v. хрустѣть—корел. *räčkeä* id. Лѣсковъ, 102.

сика sf. свинья—фин. *sika* idem. Гротъ, 67.

сурузну adv. немного—корел. *suurus* idem см. Лѣсковъ, 102. Отсюда ясно, что семасіологическое измѣненіе „завтракъ > крошка > немного" произошло уже на финской почвѣ. Нерѣшительно Погодинъ, 60 [1]).

---

[1]) Параллель къ этому переходу значенія я вижу въ нѣмецкомъ: Ein *Bisschen*, „немного": *beissen* „кусать", откуда *Imbiss* „завтракъ".

торбать v. распушивать весломъ рыбу при ловлѣ ея неводомъ или сѣтями—корел. *tarboa*, фин. *tarpoa* „стучать, плескать шестомъ". Лѣсковъ, 102.

торкать v. *тыркать*, v. толкать, дергать, стучать—корел. *turkaita* „толкать". Лѣсковъ, 102.

ховра sf. дура—фин. *houru* „глупый". Гротъ, 67.

хозать sf. бить—фин. *hosua* id. Гротъ, 67.

чича sf. сестра — корел. *čiča* id. Лѣсковъ, 102, см. Погодинъ, 65: *чика*.

чихкать v. болѣть—корел. *čihkoa* „горѣть, чахнуть". Лѣсковъ, 102.

чустякъ sm. болячка—корел. *čustäkko* „небольшой прыщъ". Лѣсковъ, 102.

шижликъ sm. ящерица—корел. *šiželihkö*. Лѣсковъ, 102.

шинать v. щипать—корел. *šinguo*. Лѣсковъ, 103.

шорпаки smpl. „сучки, неровности на какой-либо поверхности"—корел. *šorpakko, šorpu* id. Лѣсковъ, 102.

шуня sf. пристройка у двери — корел. *šünja* „ящикъ, помѣщеніе, гдѣ держатъ мякину", см. Лѣсковъ, 103.

южнуть, юкать v., о кот. Погодинъ, 69; это слово уже раньше отмѣтилъ Лѣсковъ, 103.

ятковать v. твердить нѣсколько разъ объ одномъ и томъ же, часто напоминать — корел. *jatkuo* „продолжать" см. Лѣсковъ, 103.—

Я, повторяю, не считаю себя знатокомъ финскихъ нарѣчій, и приведенныя сейчасъ случайныя замѣтки считаю нужнымъ сообщить для того, чтобы обратить вниманіе болѣе компетентныхъ изслѣдователей на вопросъ, далеко еще не рѣшенный на мой взглядъ. Надѣюсь, что эта статья побудитъ нашего лингвиста къ болѣе тщательной разработкѣ вопроса о финскихъ элементахъ въ русскомъ языкѣ.

М. Фасмеръ.

ЮЖНОСЛАВ. БРАВА „ЗАМОКЪ“.

Во всѣхъ балканскихъ языкахъ распространено названіе замка̀ происхожденіе котораго въ настоящее время признается невыясненнымъ: болг. *брава* (см. Дювернуа, 142, Геровъ, I, 66), серб. *бра̏ва* idem (Караджичъ, 40), алб. *bravε* idem (G. Meyer. Alb. Wb. 45), тур. *brava* (см. Bianchi s. v.), нгреч. *bράβα* idem. Velvendos (Македонія), 'Αρχεῖα I, 2, 80. Источникомъ всѣхъ этихъ словъ обыкновенно считаютъ турецкое *brava* „замо́къ“; между тѣмъ именно это послѣднее слѣдуетъ признать позднѣйшимъ заимствованіемъ (см. G. Meyer, Türk Studien. I, 2) и, если обратить вниманіе на то, что это слово имѣется со спеціальнымъ значеніемъ „замо́къ боснійскаго издѣлія“, (см. Blau, Bosnisch-Türkische Sprachdenkmäler 7), то славянское происхожденіе его не подлежитъ никакому сомнѣнію; и албанское слово восходитъ къ тому же источнику. Съ другой стороны южнославянскія формы остаются этимологически невыясненными. То обстоятельство, что онѣ этимологически совершенно обособлены, а затѣмъ и географически мало распространены, ясно указываетъ на иноязычное ихъ происхожденіе. Возводить же ихъ къ праславянскому языку по тѣмъ же причинамъ совершенно невозможно. Это дѣлаетъ невѣроятнымъ производство слова чрезъ посредство праслав. **borva* отъ ит. исп. *barra*, фрц. *barre* „палка, задвижка“ (см. G. Meyer Alb. Wb. 45, Thurneysen Kelto-rom. 49), что, впрочемъ, сомнительно уже потому, что во всѣхъ указанныхъ случаяхъ слово наше именно имѣетъ значеніе „замо́къ“, а отнюдь не „задвижка“.

Между тѣмъ, въ османскомъ языкѣ мы находимъ и другую форму: *pεrava* „замо́къ“ (см. G. Meyer, Türk. St. I, 2, Ngr. St. II 46, Alb. Wb. 45), которую нельзя отдѣлить отъ указанныхъ формъ. Svarabhakti гласнаго звука ε въ османскомъ языкѣ— явленіе обычное (см. G. Meyer, Türk. St. c. l.). Вмѣстѣ съ тѣмъ всѣ балканскія формы съ начальнымъ *b* слѣдуетъ разсматривать, какъ заимствованія съ греческаго языка, гдѣ начальные глухіе согласные въ Sandhi измѣняются въ соотвѣтствующіе звонкіе (см. M. Vasmer B. Z. XVI, 544—549). Такимъ образомъ, мы дошли до болѣе древняго греч. *πράβα*, сохранившагося въ османскомъ *pεrava*, а это слово, въ свою очередь, заимствовано изъ славянскихъ языковъ и, съ Sandhi-ческимъ исчезновеніемъ начальнаго *о*,—должно быть выведено изъ ст.-слав. *оправа*, не засвидѣтельствованнаго, но вполнѣ вѣроятнаго въ виду, напр., русскаго *опра́ва* „снасти для ремесла“ Пск. Твр. см. Даль II^3, 1770.

М. Фасмеръ.

Югославянскія древности въ изложеніи проф. Л. Нидерле. I ч. II т. Слав. древн.[1])

Проф. Нидерле, начавшій печатаніе обширнаго труда Слав. Древностей въ 1901 г., успѣлъ уже выпустить первый томъ въ двухъ частяхъ. Původ a počátky národa slovanského. Въ 1906 г. вышла первая часть второго тома, посвященная вопросу о происхожденіи южныхъ славянъ.

Вышедшая часть состоитъ изъ пяти главъ: 1—географическое и этнографическое обозрѣніе придунайскихъ и балканскихъ земель; 2—два направленія въ изученіи происхожденія южныхъ славянъ, одно, которое отстаиваетъ старобытность славянъ въ этихъ земляхъ, и другое, утверждающее ихъ поздній приходъ въ эти земли, 3—появленіе славянъ на Дунаѣ и Савѣ въ первыя столѣтія по Р. Хр.; 4—исторически засвидѣтельствованное движеніе славянъ въ V, VI и VII столѣтіяхъ и 5 — спорный вопросъ о приходѣ на Балканскій полуостровъ сербовъ и хорватовъ.

Вторая часть будетъ состоять изъ четырехъ главъ: 6—этнографическія отношенія на Балканахъ и на Дунаѣ въ VI—VIII стол.; жилища славянъ, грековъ и румынъ (Влаховъ); остатки первоначальнаго населенія и другихъ приходившихъ въ эти земли народовъ; 7—раздѣленіе южныхъ славянъ на группы: славянскую, сербо-хорватскую и болгарскую; славяне въ Дакіи, Греціи и Малой Азіи; 8—имена Σχλαυηνοί и Σχλάβοι—какъ народное имя славянъ и 9—что можетъ сказать археологія на вопросъ, когда и какъ славяне появились на Дунаѣ и Балканахъ.

Первая часть начинается описаніемъ карпатскихъ и балканскихъ горныхъ проходовъ и путей, которыми могло происходить передвиженіе славянъ изъ ихъ прикарпатской прародины.

---

[1]) Slovanské Starožitnoste díl II. Pûvod a počátky Slovanû jižnich. sv. 1. V Praze. 1906.

Далѣе слѣдуетъ перечисленіе горныхъ хребтовъ на Карпатахъ и Балканахъ, при чемъ сопоставляются имена, извѣстныя въ древности, съ новыми. Точно также перечисляются притоки Дуная и другія рѣки, впадающія въ Черное, Егейское и Адріатическое море. Оканчивается это обозрѣніе перечнемъ озеръ. При этомъ приложена карта: Бассейнъ Дуная въ древности съ границами римскихъ провинцій I — II в.; на этой картѣ рядомъ съ древними названіями мѣстами присоединены и современныя.

За этимъ обозрѣніемъ природы Балканскаго полуострова слѣдуетъ перечень искусственныхъ путей сообщенія, которые раздѣляются на четыре группы: сѣть дунайско-солунская, сѣть дунайско-царьградская, сѣть далматинско-паннонская и сѣть дакійская.

Отъ этого описанія путей авторъ переходитъ къ населенію балк. земель, которое греки подраздѣляли съ самаго начала своихъ сношеній съ прибрежьемъ и внутренностію полуострова на двѣ крупныя народныя группы — Ѳракійцевъ и Иллировъ. Ѳракійцы занимали въ Европѣ первоначально обширную территорію. Ихъ западная граница шла долиной Тиссы, Моравы и Вардара (Аксія), на югѣ Егейскимъ и Мраморнымъ моремъ, на востокѣ Чернымъ моремъ, на сѣверѣ они достигали Карпатскихъ горъ и занимали, судя по всему, въ старшую эпоху и значительную часть Закарпатья подъ именемъ Киммерійцевъ въ части южной Руси. Позднѣе они были вытѣснены изъ своихъ Закарпатскихъ жилищъ и изъ сѣверныхъ Карпатъ. Принимая во вниманіе позднѣйшее движеніе Ѳракійцевъ въ южномъ и юговосточномъ направленіи, проф. Нидерле предполагаетъ, что прародина Ѳракійцевъ находилась сѣвернѣе гдѣ нибудь при Карпатахъ въ близкомъ сосѣдствѣ съ прародиной Славянъ, занимала южные склоны Карпатъ и весь массивъ Седмиградскій съ бассейномъ Серета, Прута и Днѣстра, въ то время какъ прaславяне занимали сѣверныя пространства. Отсюда изъ этой Карпатской прародины Ѳракійцы расселялись къ югу на Балканъ, а съ Балкана въ Малую Азію.

На основаніи изслѣдованій Томашка и Кречмера г. Нидерле приходитъ къ заключенію, что Балк. полуостровъ, насколько онъ не былъ на западѣ занятъ Иллирами, принадлежалъ южной фракійской группѣ Мизамъ и Фригійцамъ, которые и языкомъ и культурой отличались отъ сѣверныхъ Ѳракійцевъ. Эта волна Ѳрак. не удержалась здѣсь, но въ результатѣ постояннаго натиска сѣверныхъ Ѳракійцевъ была отчасти оттѣснена

за Босфоръ и Геллеспонтъ въ Малую Азію, отчасти, насколько она осталась на Балканѣ, была разорвана, и позднѣе, между мелкими племенами Фриговъ и Мизами, мы находимъ племена, очень отличающіяся и нарѣчіемъ и низшей болѣе грубой культурой, принадлежавшія сѣверной группѣ. Въ распредѣленіи между этими двумя группами отдѣльныхъ племенъ возможны поправки, но для историка Слав. Древностей достаточно уже того факта, что въ историческую эпоху Балканъ на востокъ отъ линіи Морава—Вардаръ былъ наполненъ множествомъ народовъ разной культуры, разныхъ нарѣчій, но Греками и позднѣе Римлянами объединенныхъ въ понятіи одного Ѳракійскаго народа. Въ его составъ входили Эдоны по нижнему теченію Струмы, Мизы между Дунаемъ и Балканами, Сатры въ Орбельскихъ и Родопскихъ горахъ, Бессы по верхнему теченію Эбра, Одрысы на Тонзѣ и Ергиніи, Трибаллы на Моравѣ. Но не всѣ Ѳракійцы ушли изъ своей сѣверной прародины, значительная ихъ часть осталась въ низменностяхъ венгерской, валашской и молдавской, а именно въ котловинѣ Седмиградской. И не смотря на то, что въ историчекую эпоху они много разъ самовольно или по принужденію переходили за Дунай, всетаки на сѣверѣ ихъ осталось еще столько, что къ началу I в. по Р. Х. они были въ состояніи создать огромное, сильное государство. Для Ѳракійцевъ за нижнимъ Дунаемъ употреблялось имя Гетовъ, позднѣе Даковъ. И тѣ и другіе значительно отличались отъ южныхъ Дакійцевъ, настолько, что относительно Даковъ возникаетъ даже сомнѣніе, можно ли причислять ихъ къ чистымъ Ѳракійцамъ. Что касается Гетовъ и Даковъ, то опять таки не вполнѣ ясно, представляютъ ли они двѣ самостоятельныя группы, или Даки только римское имя Гетовъ.

Родина Иллирійцевъ точно также была гдѣ то въ Средней Европѣ и отсюда тѣснимые сѣверо-европейскими племенами рядомъ съ греками они постепенно продвинулись на югъ. Греки проникли въ самую южную часть Балк. полуострова, Иллиры заняли сѣверную часть Адріатическаго моря съ обѣихъ сторонъ. Подъ натискомъ Италійцевъ Западная часть оторвалась отъ цѣлаго и проникла на полуостровъ Калабрію, такъ что на сѣверѣ въ историческую эпоху остались только приадріатическіе Венеты. Большая часть Иллирійцевъ сосредоточивалась на противоположной территоріи Балк. полуострова. Тамъ въ историческую эпоху на пространствѣ, ограниченномъ на западѣ Адріатическимъ моремъ, на югѣ Эпиромъ, на востокѣ приблизительно долиной Вардара и Моравы, жили племена Автаріатовъ, Ар-

діевъ (Вардаіевъ), Далматовъ, Истровъ, Либурновъ, Яподовъ, Мазаевъ и Иллировъ въ тѣсномъ смыслѣ слова.

Сѣверную границу Иллировъ трудно опредѣлить, потому что мы хорошо не знаемъ, въ какомъ отношеніи они были къ Паннонцамъ. Можно только думать, что въ виду распространенія имени Иллирика на всю территорію отъ Вѣнскаго лѣса и Альпъ до болгарской Моравы племена паннонскія не отличались отъ иллирскихъ по своему происхожденію, и имя Панноніи первоначально было только понятіе территоріальное.

Но различить народность отдѣльныхъ племенъ трудно, потому что крупныя этнографическія перемѣны въ эпоху передъ римской оккупаціей внесены были приходомъ въ придунайскія земли Галловъ. Результатомъ ихъ движенія на юго-востокъ было то, что на Балканѣ, а еще болѣе въ Панноніи, между Ѳракійцами и Иллирами поселились галльскія племена. Во Ѳракіи въ 276 г. на верхней Тунджѣ возникло Галльское государство съ центромъ Τύλη (нынѣшнее Туловское поле). Въ Иллиріи, на югъ отъ Савы, въ восточной Боснѣ и Сербіи гальское племя Скордисковъ. Наиболѣе же была погальщена область между Альпами и Дунаемъ.

Дальнѣйшая часть первой главы посвящена тѣмъ перемѣнамъ, какія въ этихъ областяхъ явились результатомъ римской оккупаціи. Приложены три карты Балк. полуострова въ эпоху римскую: на первую нанесены провинціи, во второй размѣщены народности, третья представляетъ земли балканскія и задунайскія у Птоломея.

Во второй главѣ проф. Нидерле касается извѣстнаго взгляда объ старобытности славянъ на Дунаѣ и на Балканѣ. Напоминая, что имъ уже въ первомъ томѣ своего труда былъ разобранъ вопросъ о слав. прародинѣ и результатомъ разбора было заключеніе о томъ, что ее приходится искать въ сѣверной Европѣ, на сѣверъ отъ Карпатъ и что обратный выводъ о томъ, что всѣ славяне жили первоначально при Дунаѣ на Балк. полуостровѣ (преданіе нашей Кіевской лѣтописи) обнаруживаетъ искусственное происхожденіе и явился послѣдствіемъ примѣненія библейскихъ преданій о сотвореніи міра и разселеніи народовъ изъ земли Сенааръ,—проф. Нидерле кратко знакомитъ, съ какого времени и при какихъ условіяхъ этотъ взглядъ распространялся какъ въ старой слав. письменности, такъ и въ новѣйшей литературѣ.

Проф. Нидерле относится къ этому взгляду отрицательно. Древніе авторы въ извѣстіяхъ о Иллирахъ и Ѳракійцахъ счи-

тают ихъ самостоятельными племенными группами и никогда не отождествляютъ ихъ съ сѣвернымъ народомъ, извѣстнымъ имъ подъ именемъ Венедовъ или Венетовъ, а позднѣе подъ именемъ славянъ. Когда позднѣе въ VI—VII вв. славяне отождествляются съ Готами, или еще позднѣе съ Трибаллами, Даками и Иллирами, то такое отождествленіе есть результатъ перенесенія старыхъ именъ на новый народъ, подобно тому, какъ въ позднее время славянъ отождествляли съ Скиѳами, Сарматами, Гуннами, Аварами, Готами, или же какъ Готовъ и др. германцевъ обозначали именами Скиѳовъ, Сарматовъ, Гетовъ. Соединеніе славянъ съ старыми балканскими народами, спеціально съ Иллирами, было порождено теоріями о придунайской прародинѣ и о проповѣди у славянъ апостоловъ.

Что такая точка зрѣнія правильна, за это говоритъ сравнительное изученіе арійскихъ языковъ. Насколько позволяютъ судить сохранившіеся остатки яз. иллировъ и ѳракійцевъ, личная и географическая номенклатура, эти яз. были двумя самостоятельными арійскими группами. Ѳракійцы и Иллиры были самостоятельными народами, говорившими языкомъ, отличнымъ отъ слав. и родственнымъ только въ силу общеарійскаго происхожденія. То же можно утверждать и о племенахъ паннонскихъ. Номенклатура паннонская, поскольку она не есть галльская, обнаруживаетъ свой неслав. характеръ, какъ и номенклатура сосѣдняго Норика. То же можно сказать и о Дакійцахъ и Гетахъ. Ихъ языкъ былъ всего ближе къ языку Ѳракійцевъ. Если же обнаруживаются признаки, указывающіе на близость этихъ языковъ къ литов. слав. группѣ, то это легко можетъ быть объяснено тѣмъ, что нарѣчія гетодакскія издавна сосѣдили съ славянскими и до нѣкоторой степени гетодакійскую группу можно было бы считать переходной отъ собственныхъ Ѳракійцевъ къ славянамъ—не говоря уже о томъ, что въ понятіе Дакіи и Гетики въ древности включались и племена чуждыя, даже прямо славянскія. Съ этой стороны объяснять топографическую номенклатуру Иллиріи и Ѳракіи изъ языковъ славянскихъ ошибочно. Не говоря уже объ объясненіяхъ явно несообразныхъ, нельзя дѣлать никакихъ заключеній изъ сходства именъ, которое одно не можетъ быть доказательствомъ слав. происхожденія. Напр. Asamus—Осма, Utus—Видъ, Oescus—Искеръ, Timachus—Тимокъ, Savus—Сава и др. Таковы имена, близость которыхъ можетъ объясняться общими разнымъ арійскимъ народамъ корнями и формами, или же имена, которыя славяне передѣлали, придя на Балканъ, подъ вліяніемъ народ-

ной этимологіи. Напр. изъ Ulpiana—Липлянъ, изъ Curicum—*krk*, Cresta—*Krstac*.

Проф. Нидерле настаиваетъ на томъ, что для объясненія какихъ либо именъ изъ слав. яз. должно быть засвидѣтельствовано исторически, что на извѣстной территоріи были славяне, или же по крайней мѣрѣ, что съ ними надо считаться. Иначе, какъ выражался Миклошичъ, можно и Мекку съ Мединой соединять съ славянами.

Наибольшее сходство представляютъ по имени адріатич. Венеты ср. Венеды. Но судя по мѣстнымъ названіямъ, это имя произведено отъ корня общаго разнымъ арійскимъ народамъ. Что Венеты не были славяне, очевидно изъ того, что мы о нихъ знаемъ. Имена, какъ Tergeste Тржиште, Velunum, Velyn Волынь, Gradus градъ—не могутъ служить доказательствомъ: Tergeste напоминаетъ цѣлый рядъ именъ, каковы Este, Ladesta, Ateste, только Gradus можно было бы сопоставлять съ слав. градъ, но оно встрѣтилось впервые у Павла Діакона; да если бы было и старше, то вопросъ не рѣшался бы: есть Gradus недалеко отъ Марселя.

Не могутъ имѣть значенія по мнѣнію проф. Нидерле и доказательства, взятыя изъ этнографіи, археологіи и антропологіи. Напр. утвержденіе Богуславскаго о первичности задруги, которая де не могла быть принесена изъ сѣверной прародины; совпаденіе одежды черняго цвѣта у старожиловъ сѣвернаго побережья Адріатическаго моря и у Резьянъ: сколько разъ засвидѣтельствовано, что вновь пришлыя племена принимали обычаи, которые нашли, напр., мадьяры отъ славянъ въ Венгріи. Слова πῖνον, кметъ, коляда тоже ничего не доказываютъ. У 1-го слова общій арійскій корень; кмет—или отъ дакійскаго χομήτης, или отъ лат. comes, comitis; коляда изъ calendae, а не наоборотъ.

Археологическія объясненія славянскаго характера галльштатской культуры, центръ которой въ сѣверной Италіи, сѣверовосточныхъ Альпахъ и сѣверо-западномъ углу балканскаго полуострова, слѣдовательно не представляетъ особой племенной культуры, не выдерживаютъ критики. Сходство формы нынѣшнихъ сосудовъ и галльштадскихъ выражается только въ основныхъ первичныхъ формахъ керамики, которыя возникли по всему свѣту. Иначе, каждый опытный археологъ знаетъ, что между галльштатской керамикой и позднѣйшей славянской глубокая пропасть, благодаря вліянію римской керамики.

Галльштатская культура ведетъ насъ на югъ, гдѣ уже въ

силу историческихъ и лингвистическихъ доводовъ не можетъ быть рѣчи о родинѣ славянъ. Антропологическое доказательство— брахикефалія славянъ могло бы имѣть силу, если бы она была единственнымъ слав. типомъ—брахикефалія дѣйствительно концентрируется на югѣ Карпатъ, въ Альпахъ и иллирскихъ горахъ. Но противъ нея говоритъ начальная исторія славянъ, въ эпоху которой преобладаютъ иные типы. Да и вообще антропологическія проблемы въ настоящее время еще слишкомъ неясны и спорны, чтобы на нихъ полагать основаніе иллирско-дунайской теоріи о происхожденіи славянъ, какъ это дѣлаетъ Заборовскій.

Попытку примирить сторонниковъ старобытности славянъ въ придунайскихъ земляхъ и на Балканѣ сдѣлалъ Шафарикъ. Убѣдившись, что Иллиры, Ѳракійцы, Геты и Даки не были славянами и что движеніе славянъ на Балканскій полуостровъ засвидѣтельствовано историческими источниками только отъ конца V или отъ начала VI в. по Р. Х., Шафарикъ выставилъ такое положеніе: Славяне уже въ древности по приходѣ изъ Азіи распространились по всей средней Европѣ на такомъ обширномъ пространствѣ, что ихъ область въ V в. до Р. Х. простиралась отъ Вислы и Балтійскаго моря, озера Ильменя и Дона до Адріатическаго моря; но въ IV стол. передъ Р. Х. вслѣдствіе нападенія Галловъ одна часть слав. племенъ изъ Подунавья и Посавья вернулась назадъ на Карпаты и въ Закарпатье, а другая разсѣялась по Балкану, быстро исчезнувъ среди иллирскаго и ѳракійскаго населенія. Такъ объясняется преданіе Кіевской Лѣтописи. Только лишь часть славянъ болѣе компактная удержалась на сѣверномъ берегу Адріатическаго моря между Истріей и устьемъ Пада, сохранивъ имя Венетовъ. Адріатическіе Венеты и рядъ племенъ на Балканахъ, каковы Кровизы, т. е. Кривичи, Трибаллы сербы, Коралы, т. е. Горалы, Бессы, т. е. Бѣсы и Сарматы servi въ Венгріи сохранились, какъ остатки первоначально занятой славянами территоріи; такъ объясняется рядъ старыхъ топографическихъ именъ на Балканахъ, въ Паннонія, Дакіи. Только во II в. по Р. Хр. наступило вновь передвиженіе славянъ на югъ и только въ VI в. снова была ими занята венгерская низменность съ Альпами и въ VI и VII в. полуостровъ Балканскій.

Попытка эта не имѣла успѣха: начальная исторія славянъ говоритъ болѣе въ пользу сѣверной закарпатской родины славянъ, новая теорія о европейскомъ происхожденіи арійцевъ исключаетъ приходъ ихъ изъ Азіи черезъ Балканъ, а греческіе

и латинскіе историческіе источники умалчиваютъ о томъ, что движеніе Галловъ вызвало переселеніе славянъ.

На смѣну этой теоріи выступила другая, согласно которой о славянахъ на Дунаѣ и Балканахъ можетъ быть рѣчь только тогда, когда заслуживающіе довѣрія источники называютъ ихъ здѣсь и когда исторія того времени видитъ въ нихъ новый переселившійся съ сѣвера неизвѣстный ранѣе народъ. Въ числѣ многочисленныхъ ученыхъ, державшихся этого взгляда, Нидерле называетъ Добровскаго, Цейсса, позднѣе Мюлленгофа, Ресслера, Миклошича, а также весьма многихъ изъ современныхъ славянскихъ историковъ и филологовъ.

Расходятся только въ точномъ хронологическомъ опредѣленіи эпохи, когда славяне достигли Дуная и Савы. Одни относятъ ее къ 453 г.—паденію гуннской державы, другіе ко времени прихода болгаръ въ концѣ V в. и наконецъ большинство къ приходу Аваровъ во второй половинѣ VI в.

Наиболѣе твердо установленными могутъ считаться слѣдующія положенія.

1. До VI стол. источники не говорятъ о славянахъ въ Подунавьѣ, помѣщая здѣсь другіе многочисленные народы явно неславянскаго происхожденія.

2. Іорданъ въ исторіи Готовъ въ 551 г. прямо говоритъ, что славяне въ его время занимаютъ огромное пространство отъ Вислы и Днѣпра до Савы и нижняго Дуная.

3. Извѣстія того же автора и другіе ему современные источники упоминаютъ о первыхъ нападеніяхъ славянъ на Балканы впервые со времени вступленія на царство императора Юстиніана въ 527 г.

Отвергая всѣ попытки славянизаціи Паннонцевъ, Иллировъ, Ѳракійцевъ, Гетовъ и Даковъ, ученые историки исходятъ изъ датъ 527 и 551 г. Если Іорданъ въ 551 г. не знаетъ славянъ на югѣ Дуная, а только на сѣверѣ, то очевидно они еще не заняли къ тому времени всего Балк. полуострова и ихъ разселеніе изъ-за Карпатъ къ Савѣ и Дунаю должно было произойти незадолго передъ тѣмъ, ибо старшіе источники не приводятъ ихъ ранѣе въ Панноніи или Дакіи.

На основаніи своихъ собственныхъ изслѣдованій проф. Нидерле не находитъ однако возможнымъ вполнѣ примкнуть къ этому направленію. Не отвергая того, что занятіе славянами Балк. полуострова можно относить только къ половинѣ VI в., онъ высказывается въ пользу того, что движеніе Славянъ на югъ началось за долго ранѣе V в. и что отдѣльныя мѣстности

Подунавья были заняты Славянами еще передъ Р. Хр., или по крайней мѣрѣ въ I—II вв. по Р. X.

Славяне не были на Балканахъ старожилами, здѣсь не было ихъ прародины въ смыслѣ Кіевской Лѣтописи или новыхъ теорій, но изъ Закарпатья они проникли сюда ранѣе V — VI вв. по Р. X., хотя бы и только мѣстами среди старшаго иллирскаго и ѳракійскаго населенія.

Убѣжденный, что среди названій, приводимыхъ въ пользу старобытности Славянъ, есть хотя и не много несомнѣнно славянскихъ, проф. Нидерле считаетъ необходимымъ считаться съ этимъ, онъ видитъ въ наличности имени личнаго или имени мѣстности на картѣ указаніе на нахожденіе среди чуждой области слав. индивидуума, или слав. общины. Въ этомъ смыслѣ по его мнѣнію и можетъ и должна быть сдѣлана уступка сторонникамъ старобытности. Но при этомъ недостаточно только филологическаго объясненія, необходимо непремѣнно свидѣтельство въ пользу присутствія Славянъ въ такомъ мѣстѣ или по крайней мѣрѣ вѣроятности такого присутствія. Поэтому только въ томъ случаѣ, если удастся указать, что область, въ которой выступаютъ такія слав. имена, была въ сношеніяхъ съ Славянами, если удастся указать изъ исторіи, что дѣло идетъ объ области въ тѣсномъ сосѣдствѣ съ областію Славянъ, въ которой раннее появленіе Славянъ a priori мы должны предполагать и имѣется въ пользу такого предположенія рядъ различныхъ и важныхъ данныхъ, только тогда могутъ имѣть силу филологическія соображенія.

Въ слѣдующей третьей главѣ Нидерле и переходитъ къ вопросу о раннемъ движеніи славянъ къ Дунаю до конца V в.

Въ пользу этого говорятъ апріорныя соображенія и рядъ положительныхъ данныхъ изъ исторіи и географіи Подунавья.

Сгруппировавъ извѣстія о переселеніи на югъ въ эпоху римской имперіи сѣверныхъ народовъ Свевовъ, Готовъ, Вандаловъ, Гепидовъ и др., Гунновъ, объ уходѣ Готовъ на Балканъ и въ Италію, о приходѣ Лангобардовъ и Болгаръ, проф. Нидерле приходитъ къ слѣдующему заключенію.

Изъ-за горъ Судетскихъ и Карпатскихъ — чаще всего съ Одера и Вислы черезъ Моравію или Яблоновскій проходъ, начиная съ конца 1 стол. по Р. X., а главнымъ образомъ во II—IV в. подвигались на югъ разныя сѣверныя племена. Уже a priori неправдоподобно, чтобы этимъ теченіемъ не были увлечены и Славяне, жившіе на берегахъ Вислы и Одера, а равнымъ образомъ на Днѣстрѣ и Днѣпрѣ, откуда шли Готы, Гунны и

Болгаре—хотя бы историческіе источники прямо о нихъ и не упоминали.

Другимъ важнымъ доводомъ апріорнаго характера является исполинское расширеніе славянства въ VI—VII вв. Въ эту эпоху славяне живутъ на пространствѣ, ограниченномъ на западѣ Лабой, Салой, Шумавой и Альпами, на востокѣ Дономъ, и на югѣ за Дунаемъ они занимаютъ обширныя области Балк. полуострова, достигая морей Егейскаго, Адріатическаго и Чернаго. Они живутъ здѣсь на пространствѣ навѣрное въ 2—3 раза большемъ, нежели было то пространство, на которомъ согласно изслѣдованіямъ Мюлленгофа и Реслера должны были находиться въ своей закарпатской прародинѣ до начала V в.

Если бы такое распространеніе славянъ произошло въ теченіе двухъ столѣтій (съ конца V по VII), то естественно было бы ожидать освобожденія ихъ первоначальной родины аналогично тому, что замѣчается по отношенію къ Германцамъ. Когда Готы, Гепиды, Лангобарды, Вандалы, Бургунды вышли изъ восточной Германіи, она совсѣмъ освободилась. У славянъ замѣчается иное явленіе: старыя закарпатскія жилища ими полны, на Лабѣ нагромождены племена славянъ полабскихъ, сербскихъ, чешскихъ, въ Привисляньѣ съ этого времени возникнетъ сильное польское государство, далѣе между Днѣстромъ, Бугомъ и Днѣпромъ помѣщается сильное ядро будущаго русскаго народа, который не смотря на то неустанно высылаетъ изъ своей среды многочисленныя колоніи на сѣверъ и востокъ противъ финновъ. Это явленіе приводитъ къ убѣжденію, что не было быстраго разселенія славянъ въ V—VI вв., что напротивъ гораздо ранѣе постепенно славяне занимали земли, въ которыхъ мы застаемъ ихъ позднѣе.

Къ этимъ апріорнымъ соображеніямъ присоединяются и историческія указанія появленія славянъ въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ позднѣе они появляются съ этимъ именемъ.

Не говоря уже о томъ, что въ числѣ надвигающихся съ сѣвера народовъ возможно допускать славянское происхожденіе Костобоковъ и Карповъ, можно указать болѣе прямыя свидѣтельства. Это прежде всего Певтингерова карта III в. послѣ Р. Хр., на которой дважды нанесены Венеды вблизи Дуная. Нельзя предполагать позднее добавленіе на этой картѣ Венедовъ какимъ либо редакторомъ этой карты. Эсли бы это добавленіе было сдѣлано, напр., въ V или VI вв., то вмѣсто имени *Venedi* на ней бы явилось имя *Sclavaeni*.

Уже одно это обстоятельство свидѣтельствуетъ, что имя славянъ

вписано здѣсь во время, близкое къ тому, когда, какъ намъ извѣстно изъ Плинія, Тацита, и Птолемея, славяне были извѣстны римлянамъ подъ галло-германскимъ именемъ Венедовъ.

Другой фактъ представляетъ исторія венгерскихъ Сарматовъ.

Въ Банатѣ жили два племени Сарматовъ, сознававшія себя отдѣльными одно отъ другого и другъ другу враждебныя: свободные и несвободные Сарматы. На мѣстѣ этихъ послѣднихъ позднѣе являются славяне, при отсутствіи какихъ либо упоминаній о происшедшей здѣсь смѣнѣ народовъ. Это подтверждается этнографическими отношеніями въ Венгріи въ III—V вв. Когда въ концѣ IV в. господство Сарматовъ смѣнилось господствомъ Гунновъ, нижняя Венгрія стала ихъ центромъ. Ссылаясь на извѣстныя изъ описанія посольства Приска и исторіи готовъ Іордана слова μέδος, κάμος, strava, Нидерле склоняется въ пользу ихъ слав. этимологіи. Онъ понимаетъ первое какъ медъ, сближаетъ второе съ сербскими ком, комина, комов (объясненіе Гильфердинга), а что касается послѣдняго, то теперь это слово у славянъ значитъ пища, но еще въ XV в. у поляковъ и чеховъ оно значило погребальное угощеніе. Объяснять слово strava изъ готскаго языка не позволяетъ то, что Іорданъ, готъ родомъ, приводитъ это слово какъ принадлежащее языку мѣстнаго населенія, на что справедливо указывали Котляревскій и Брюкнеръ.

Отсюда вытекаетъ заключеніе, что народъ, въ половинѣ V в. жившій между Дунаемъ и Тисой и подчиненный Гуннамъ, былъ славянскаго происхожденія.

П. Лавровъ.

(Окончаніе слѣдуетъ).

Этюды по исторіи поэтическаго стиля и формъ.

(*Продолженіе*).

---

2. Начала пастурели.

Вопросомъ о происхожденіи такой популярной лирической формы какъ пастурель, историки литературы заинтересовались уже давно. Послѣ цѣлаго ряда неопредѣленныхъ указаній на ея народное происхожденіе и древность, сдѣланныхъ Diez'емъ, Wackernagel'емъ, Fauriel'емъ Bartsch'емъ, Gröber попытался впервые выяснить исторію ея происхожденія. Подобная работа (Die altfranzösischen Romanzen und Pasturellen, Zürich, 1872) явилась какъ естественное дополненіе въ изданному въ 1870 году Барчемъ сборнику пастурелей, и выросла изъ рецензіи на него, помѣщенной въ Jahrbuch für rom. und engl. Liter. Подробная оцѣнка работы Грёбера сдѣлана уже Jeanroy, поэтому, если я въ цѣляхъ методическихъ позволяю себѣ коснуться ея снова, то остановлюсь только на важнѣйшихъ положеніяхъ и моментахъ изслѣдованія. Пытаясь внести логическій распорядокъ въ нѣсколько внѣшнюю классификацію Барча, Грёберъ обратилъ особое вниманіе на составъ первой части его сборника, содержащей въ себѣ такъ называемые романсы. Изъ общей массы пьесъ, означенныхъ у Барча этимъ терминомъ, необходимо выдѣлить небольшую группу, именно пѣсни, которыя по содержанію примыкаютъ къ пастурели, но которыя переносятъ насъ въ обычную куртуазную среду и въ которыхъ предметъ ухаживанья поэта — замужняя дама, точнѣе malmariée.

Въ той системѣ, въ какой они помѣщены въ Romanzen und Pasturellen, они занимаютъ среднее мѣсто между этими послѣдними. Это обстоятельство подсказало, однако, повидимому, Грёберу его теорію, которая даетъ какъ бы историческое обоснованіе случайной классификаціи Барча. Грёберъ

различаетъ въ цитуемомъ сборникѣ три отдѣла (или даже четыре): первый—романсы; второй—состоитъ изъ пьесъ, которыя онъ характеризуетъ неудачно выбраннымъ терминомъ sons d'amour или sonnets (p. 10; ch. à personnages по терминологіи G. Paris'a; ch. dramatiques y Jeanroy, Les origines[2], p. 84 и сл. Sons выдѣляетъ отчасти и Барчъ, p. XI); третій — пастурели (четвертый или точнѣе третій — въ такомъ случаѣ пастурели составятъ особую четвертую группу — представятъ собою пьесы, напоминающія по своему объективному тону романси или chansons d'histoire, chansons de toile, какъ ихъ называли и въ средніе вѣка; но ситуація ихъ перенесена въ настоящее время; эта послѣдняя черта роднитъ ихъ съ chansons à personnages. Примѣромъ пѣсни четвертой категоріи можетъ служить I 10, Helier et Oriolanz). Первыя, изображающія „конфликтъ сердца съ долгомъ и обязанностью повиноваться или тоску по любимомъ существѣ и жажду соединиться съ нимъ" (p. 10),—стоятъ на почвѣ „amor loyal". То, о чемъ разсказываетъ поэтъ — дѣло прошлаго; героиня — дочь короля (I 2, I 9) или императора (I 16, I 4). Эти пѣсни— обработка, болѣе или менѣе куртуазная, народныхъ мотивовъ (p. 10, p. 13—14, сл. Bartsch, p. X). Sons d'amour представляютъ собою дальнѣйшую разработку мотивовъ chansons d'histoire, предпринятую придворными художниками-поэтами. Эпоха расцвѣта этой формы относится къ концу XII в. и опредѣляется началомъ извѣстной пьесы Conon de Béthune (= № 1574, по G. Raynaud): L'autrier avint en chel autre pais (ed. Wallensköld, № X, p. 239), написанной въ 1191 г. (по Валленшёльду не ранѣе 1192 г.; o. c., p. 174, cp. p. 105). Тѣмъ же словомъ, но не тѣмъ же образомъ начинаются и sons; но даже принимая сопоставленіе Грёбера, едва ли можно сдѣлать какіе-либо выводы на основаніи такой общей формулы. Позднѣйшее развитіе ch. d'istoire опирается на данныя культурно-историческія. Они отражаютъ въ себѣ ростъ буржуазіи, проникновеніе въ эту среду куртуазныхъ началъ, которыя очень скоро овладѣли буржуазными дамами; онѣ стали героинями галантныхъ приключеній, популярными въ силу меньшей доступности и необходимости, стало быть, борьбы для завоеванія ихъ сердца, покой котораго тщательно блюли ихъ ревнивые vilains—мужья, пришедшіе къ этой системѣ путемъ горькаго опыта, и извѣдавшіе опасность „jeu d'amors", которыми такъ легко смущали ихъ женъ блестящіе рыцари. Пастурели являются конечнымъ этапомъ развитія реа-

лизаціи старыхъ мотивовъ романсовъ (1 p. 18 и 21): вмѣсто сада передъ нами поле; вмѣсто дамы—пастушка, tosa, pucele. „Wie nicht von Volkssängern verfasst und nur zum Ergötzen hochstehender Kreise bestimmt, so ist auch nichts von einem populären Tone, der sie als Nachbildungen von Schäferliedern escheinen lassen könnte, in ihnen zu bemerken“ (p. 20; сл. p. 18). Пастурели куртуазны по своему характеру; они не могли, поэтому, развиться изъ народной формы; ихъ прототипъ — sons.

Если въ романсахъ есть достаточно данныхъ для опредѣленія общественнаго положенія героинь, то sons очень скудны ими; но это не даетъ намъ накакого права видѣть въ дамахъ, о которыхъ въ нихъ идетъ рѣчь, непремѣнно представительницъ городского сословія; указанія нѣкоторыхъ sons, вполнѣ отчетливыя и ясныя, наоборотъ, даютъ основанія совершенно иначе опредѣлить ихъ сословную окраску:

(I 46 v. 11) si ai trove au pie d'un munt,
chapel faisant en un prael,
la fille au seignor d'un chastel...

Въ II 61, относящейся къ тому же типу пѣсенъ, поэтъ встрѣчаетъ рыцаря (v. 7); въ I 63 онъ слышитъ въ саду, en un vergier clos d'aiglentier, звуки скрипки и видитъ затѣмъ танцующую парочку, un chevalier et une damoisele (v. 5 сл.). Если такъ, то строгая постепенность въ переходѣ отъ романса къ пастурели нарушается; одно изъ промежуточныхъ звеньевъ выпадаетъ, между тѣмъ какъ система Грёбера мыслима только при систематическомъ чередованіи отдѣльныхъ общественныхъ группъ въ данныхъ пѣсняхъ и подсказана именно этимъ, искусственно проведеннымъ чередованіемъ. Наконецъ, она не считается вовсе съ содержаніемъ сопоставляемыхъ пѣсенныхъ категорій. Почему malmariées стали возможны только въ буржуазной средѣ? Организація семейной жизни рыцарства, феодальной аристократіи давала не меньше поводовъ къ созданію подобнаго типа. Помимо sons Грёбера, тема malmaritata одна изъ наиболѣе популярныхъ темъ народной поэзіи различныхъ народностей. Съ другой стороны нѣсколько поражаетъ забвеніе этого, основного въ sons, мотива, когда въ пѣснѣ стали изображать рыцаря и пастушку, тогда какъ мы ждали бы, собственно говоря, простой пасторализаціи sons.

Обстоятельнымъ разборомъ положеній Gröber'а занялся впервые A. Jeanroy (Les origines de la poésie lyrique

en France au moyen-âge, Парижъ, 1889; 2-е изданіе, Парижъ, 1904. О теоріи Грёбера см. р. 6 и сл.), выступившій со своей теоріей происхожденія пастурели. Гипотеза Грёбера заставила пересмотрѣть вопросъ о sons d'amour и ихъ отношеніи къ пастурелямъ; но именно это сопоставленіе, которое представлялось невѣроятнымъ на первый взглядъ и въ предложенной формѣ, которое нужно было разрушить, опредѣлило направленіе позднѣйшихъ работъ. Вниманіе Жанруа сосредоточилось преимущественно на пастурели и, притомъ, на той ея формѣ, которая является наиболѣе популярной въ средневѣковой Франціи и которую подчеркивалъ въ своихъ выкладкахъ и Грёберъ. Она сложилась путемъ постепеннаго слiянія въ одну органическую форму трехъ элементовъ, существовавшихъ нѣкогда раздѣльно: первый, и существенный, Жанруа опредѣляетъ итальянскимъ терминомъ contrasto, имѣя въ виду извѣстную пьесу Cielo Dalcamo, которая иллюстрируетъ его мысль. Это любовный діалогъ, débat amoureux, между женщиной и мужчиной, добивающимся ея любви. Второй элементъ Жанруа называетъ oaristys, намекая на извѣстную псевдо-ѳеокритову идиллію, изображающую намъ встрѣчу и débat двухъ влюбленныхъ, Дафниса и пастушки, изъ котораго первый выходитъ побѣдителемъ (о. = la rencontre et l'union des amants). Третьимъ факторомъ въ вопросѣ о сложеніи пастурели, по мнѣнію Жанруа, нужно считать gab или vanto, такъ какъ поэтъ является самъ героемъ разсказываемаго имъ любовнаго приключенія. Авторъ припоминаетъ извѣстные gab въ Pélerinage de Charlemagne и итальянскіе vanti, по образцу которыхъ, принимая въ соображеніе распространенность обычая gaber, можно предположить существованіе во Франціи особаго поэтическаго жанра (р. 17). Необъясненнымъ остается пока пасторальная обстановка нашихъ пѣсенъ; поэтъ могъ встрѣчать простую дѣвушку-виланку. Жанруа, который нѣсколькими страницами выше указывалъ, до какой степени осторожно нужно обращаться съ реальными данными поэтическихъ памятниковъ (р. 10 и сл.), отдѣлывается въ данномъ случаѣ коротенькимъ замѣчаніемъ: tout le monde ne pouvait ce vanter d'avoir été à Constantinople; tout le monde, au contraire, avait certainement rencontré par les chemins quelqu'une de ces vilanes anonymes dont le démenti n'était pas plus à craindre que celui de la fille du roi Hugon (намекъ на gab Olivier въ Pélerinage). Peu à peu les bergères semblèrent toutes désignées pour jouer le principal rôle dans ces fantaisistes inven-

tions, et c'est à elles qu'on l'attribua invariablement. C'est donc toujours à la compagne que l'action se déroule: c'est une loi du genre; les portraits et les scènes rustiques y abondent (p. 18). Можно принять систему Жанруа, какъ характеристику, но не какъ объясненіе анализуемыхъ имъ пѣсенъ. Онъ отмѣчаетъ всѣ существенныя ихъ черты (только замѣчаніе о реальномъ значеніи пастушескаго элемента нѣсколько дисгармонируетъ съ остальными частями схемы); для выясненія генезиса пастурели надо было сдѣлать нѣчто большее, ибо пѣсня съ опредѣленнымъ содержаніемъ и цѣлымъ мотивомъ не есть механическая спайка деталей и ситуацій будто бы существовавшихъ до момента комбинаціи раздѣльно. Выяснить происхожденіе данной формы значитъ прежде всего подыскать форму ей аналогичную и исторически могущую ее предварить, изъ которой впослѣдствіи развился основной комплексъ образовъ и положеній, т. е. схема данной пѣсенной формы. Пастурель съ этой точки зрѣнія будетъ художественной обработкой oaristys, т. е. contrasto въ смыслѣ итальянскаго Rosa fresca, съ эпическимъ введеніемъ и заключеніемъ, которое неразрывно съ нимъ связано; однимъ contrasto пастурели не объяснить — это сознавалъ и Жанруа, но ради этого едва ли нужно было связывать его съ несуществующей въ смыслѣ la rencontre et l'union des amants, какъ справедливо замѣтилъ уже Г. Парисъ, пѣсней, а тѣмъ менѣе ссылаться на gab, ибо переходъ къ первому лицу, если его нужно предположить, могъ осуществиться самъ собой, и какъ результатъ поэтической формулировки антитезы, лежащей въ основѣ пастурели. Но, очень вѣроятно уже a priori, что разсказъ отъ перваго лица былъ исконной чертой въ прототипѣ пастурели, хотя оцѣнка „я" какъ рыцаря и отождествленіе его съ самимъ поэтомъ, позднѣйшая подробность, обусловленная опять таки требованіемъ антитезы, или естественное осмысленіе прежняго „я" оригинала. Contrasto было подсказано Жанруа провансальской пастурелью съ ея сильно развитымъ діалогомъ (см., напр., у Marcabru); но черта эта можетъ быть также объяснена просто какъ вліяніе весьма популярной въ средніе вѣка тенсоны, тѣмъ болѣе, что моментъ діалога одинъ изъ самыхъ характерныхъ моментовъ пастурели. Въ сѣверо-французскихъ пьесахъ діалогъ гораздо менѣе подчеркнутъ, а между тѣмъ есть основаніе считать сѣверную пастурель, какъ схему, гораздо болѣе древней. Открытымъ и послѣ Жанруа остается вопросъ о значеніи пастушескаго элемента въ пастурели.

Изъ анализа положеній Жанруа выясняется пока только одно: ближайшей исходной точкой развитія пастурели были пѣсни, въ которыхъ изображалась встрѣча двухъ молодыхъ людей; „она“ — пастушка, дѣвушка; установить общественное положеніе „его“ съ помощью тѣхъ данныхъ, которыя мы находимъ въ самихъ пастуреляхъ, невозможно.

Но содержаніемъ пастурелей этого типа далеко не исчерпывается содержаніе цѣлой пѣсенной группы; оно гораздо шире и разнообразнѣе, какъ мы видѣли выше. Послѣ того, какъ была сдѣлана попытка опредѣлить отношеніе sons къ пастурелямъ, предстояло перейти къ вопросу объ отношеніи различныхъ категорій этихъ послѣднихъ между собою. Жанруа сдѣлалъ больше всего для перваго; послѣдній не разработанъ достаточно глубоко. Онъ устранилъ изъ своего анализа тѣ пьесы, которыя рисуютъ намъ сценки изъ жизни пастуховъ, ихъ праздники, ихъ бесѣды съ рыцарями и между собой, ихъ любовь и ревность и т. п., ограничившись бѣглой характеристикой ихъ содержанія (p. 41—44). Между тѣмъ вопросъ о пасторальной обстановкѣ того типа, который Жанруа называлъ классическимъ, приводилъ какъ разъ къ изслѣдованію этихъ менѣе популярныхъ формъ. Подъ свѣжимъ впечатлѣніемъ Les origines de la poésie lyrique en France Г. Парисъ поставилъ его въ своей богатой фактами и мыслью рецензіи на эту книгу, впервые возбудившей среди западныхъ романистовъ интересъ къ обрядовой пѣснѣ по отношенію къ художественной лирикѣ среднихъ вѣковъ [10]).

Paris отправляется отъ термина: pastourelle, по мнѣнію его, указываетъ какъ позднѣйшія bergerettes или итальянскія vilanelle, на пѣсни, сложенныя пастушками или о пастушкахъ. Отсюда онъ дѣлаетъ совершенно произвольный выводъ, что 1) пастурель первоначально женская пѣсня — „chanson de femme“ и 2) появленіе на сценѣ поэта—черта позднѣйшая. Слѣдующее заключеніе Париса что древнѣйшей формой такой пастурели былъ монологъ дѣвушки, подсказано ему chansons à personnages, которыя представляютъ несомнѣнныя аналогіи содержанію пастурелей и въ основѣ которыхъ еще Жанруа предполагалъ монологъ malmariée; Г. Парисъ принялъ эту гипотезу. Такъ или иначе монологъ, вставленный въ обычныя рамки

---

[10]) Les origines de la poésie lyrique en France au moyen-âge, Paris, 1892 = Journal des Savants, ноябрь и декабрь 1891, мартъ и іюль 1892.

chansons à personnages мы встрѣчаемъ нѣсколько разъ, тогда какъ монологъ пастушки засвидѣтельствованъ только III 38 и то, если не считать эту пьесу фрагментомъ. Но допустимъ, что Г. Парисъ правъ безусловно. Замѣчаніе его о монологѣ нужно лишь для объясненія обобщенія термина. Почему же могъ онъ обобщиться? Парисъ предполагаетъ въ основаніи всѣхъ остальныхъ категорій пастурели дѣйствительно пастушескія пѣсни, связанныя первоначально, какъ на то указываетъ запѣвъ ихъ и содержаніе нѣкоторыхъ, съ весенней обрядностью. Дѣйствующими лицами въ нихъ были пастухи, ибо представители этого класса въ средніе вѣка были гораздо многочисленнѣе и музыкальнѣе (р. 740), какъ это видно изъ текста самыхъ пастурелей; предположеніе это само по себѣ возможно, но послѣдняя ссылка едва ли имѣетъ особую цѣну, если имѣть въ виду, что пастурели, на которыя опирается Парисъ, изображаютъ празднества и танцы. Пастурель „классическаго" типа—поздняя форма; „объективныя" пастурели значительно древнѣе. Правда, факты говорятъ обратное, но объективныя пѣсни могутъ отражать исчезнувшія схемы древней поры. Поэтъ выводится въ нихъ первоначально въ роли наблюдателя, зрителя, разсказывавшаго потомъ о видѣнномъ. Позже онъ вмѣшивается въ толпу пастуховъ, присоединяется къ ихъ веселью,—такія пѣсни стоятъ на перепутьи между объективной и классической пастурелью. Исходной точкой развитія послѣдней является, по мнѣнію Париса не схема проектированной нами выше, а любовный діалогъ — contrasto — пастуха и пастушки, какой можно предположить, хотя единственная сохранившаяся до насъ пьеса съ этимъ содержаніемъ II 47 входитъ въ составъ списка О, что затрудняетъ ссылку на нее. Поэтъ являлся первоначально простымъ свидѣтелемъ такого contrasto (чего нѣтъ въ II 47), потомъ его участникомъ, ставшимъ, наконецъ, главнымъ дѣйствующимъ лицомъ пьесы. Правда, фактовъ, свидѣтельствующихъ объ этихъ этапахъ развитія пастурели у насъ нѣтъ, хотя ихъ много за предѣлами классическаго типа, но Г. Парисъ могъ бы сослаться въ случаѣ возраженія съ этой стороны на древность послѣдняго: промежуточныя ступени вымерли, вытѣсненныя одержавшей верхъ формой, до эпохи самыхъ раннихъ записей; пастурели Cercamon'a—a la usanza antiga—могли быть какъ разъ обработками такихъ старыхъ схемъ.

Построеніе Г. Париса представляетъ собою развитіе основного положенія его статьи, написанной по поводу изслѣдованія

Жанруа: ст.-французская лирическая пѣсня опирается на народную весеннюю пѣсню. Если такъ, то центръ тяжести падаетъ на пастурель-сценку; къ ней, слѣдовательно, можно возводить и пастурель классическаго типа, оказывающуюся только ея разновидностью, видоизмѣненіемъ болѣе древняго débat пастуха и пастушки. Послѣднее предположеніе понимается, однако, Парисомъ, какъ обязательное.

Отсюда и остальныя подробности формы. Поэтъ вводится сперва какъ посторонній наблюдатель, и лишь позже становится активнымъ дѣйствующимъ лицомъ. Это связываетъ фактическія данныя, но внѣшнимъ только образомъ.

Мотивъ поэта-зрителя искусственъ. Не забудемъ, что Г. Парисъ разсматриваетъ пастурель, какъ передѣлку „d'abord jongleresque, puis aristocratique de chansons et de petites scènes appartenant au fêtes de mai“. Если жонглерамъ и пришла въ голову мысль пристегнуть къ описываемому себя, то едва ли бы они удовлетворились скромнымъ созерцаніемъ происходящаго. Правда, отсюда слѣдуетъ только необходимость внести поправку въ историческую схему Париса. Логичнѣе было бы построить ее въ обратномъ порядкѣ и показать на то, какъ постепенно затушевывалась активная роль поэта въ силу того, что интересъ сосредоточивался на изображеніи простонародной среды. L'autrier chevalchai и т. п. отвердѣвшія формулы, примѣнявшіяся по привычкѣ тамъ, гдѣ въ нихъ вовсе не было никакой нужды.—Итакъ, поэтъ, какъ активное лицо, произвольно введенный въ рамки пастурели мотивъ, сознательный художественный пріемъ, примѣненный впервые еще бродячими пѣвцами и разработанный позже въ уровень культурнымъ требованіямъ среды, заинтересовавшейся пастушеской пѣсней и эпохи. Деталь, вполнѣ отвѣчающая характеру веселой братіи странствующихъ потѣшниковъ. Новеллой отзывается романсъ Вильгельма IX, графа Пуату: Farai chansoneta nova, по поводу котораго припоминается извѣстная повѣсть Декамерона о нѣмомъ садовникѣ. Содержаніе альбы изображается поэтами то какъ картина, то какъ личный моментъ. Между тѣмъ указанный мотивъ проходитъ насквозь черезъ всѣ типы пастурели (въ формѣ прямой или отраженной). Онъ является въ роли обязательной подробности, исключающей полную объективность, словно передъ нами не художественная деталь, а какая то традиціонная черта, безъ которой не обойтись. Если мы имѣемъ дѣло съ сознательнымъ пріемомъ, то организація пастурелей сценокъ должна особенно остановить на себѣ наше

вниманіе: какъ этотъ типъ пастушеской пѣсни является болѣе эластичнымъ, ёмкимъ, менѣе опредѣленнымъ въ своемъ содержаніи. Здѣсь было гдѣ развернуть свою ловкость, хитрость, удаль, было чѣмъ хвастнуть, заинтересовать слушателей или потѣшить самого себя. На самомъ дѣлѣ вмѣшательство поэта въ предѣлахъ указанныхъ формъ—фактъ относительно рѣдкій. Объяснить ихъ малую податливость въ сторону новаго мотива можно только тѣмъ, что самая форма молодой литературный продуктъ и что мотивъ перенесенъ въ ея схему извнѣ. Но это противорѣчило бы соображеніямъ Г. Париса. Если же передъ нами отголоски древнихъ формъ, то непонятно разложеніе въ нихъ мотива, о которомъ идетъ рѣчь, въ то время какъ онъ процвѣтаетъ въ рамкахъ такъ называемой „классической“ пастурели.

Внимательное сличеніе имѣющихся въ нашихъ рукахъ историческихъ данныхъ убѣждаетъ насъ въ томъ, что упомянутый мотивъ раньше и тѣснѣе всего сплелся съ „классической“ разновидностью пастурели. Принимая гипотезу Г. Париса, что она развилась изъ débat пастуха и пастушки, трудно предположить, чтобы на всю категорію этихъ пастурелей обобщился вставной мотивъ. Общее соображеніе, формулированное выше, имѣетъ силу и для даннаго случая. Если бы мы имѣли дѣло съ древними данными, то можно было бы указать и на отсутствіе слѣдовъ стараго débat: поэтъ al pari съ Робеномъ совсѣмъ почти не встрѣчается; роль послѣдняго пассивна; онъ скорѣе аксессуарная фигура. Но, можетъ быть, процессъ организаціи новой формы—фактъ очень древній, почему промежуточныя звенья до насъ не дошли.—Роль мотива en question въ сохранившихся пьесахъ оттѣняетъ его скорѣе, какъ традиціонную подробность, несомнѣнно, тронутую поэтомъ въ силу запросовъ эстетики (это разумѣется само собою), но бережно охраняемую, ибо она поддержана формальнымъ преданіемъ. Она является обязательной и въ древнѣйшихъ изъ дошедшихъ до насъ памятниковъ пастурели—пастуреляхъ южной Франціи, для куртуазнаго общества которой она была не столько популярной, сколько, повидимому, традиціонной формой, которая исчезаетъ или, лучше, которую перестаютъ культивировать очень рано. Друрая разновидность пастушеской пѣсни, наиболѣе отвѣчающая тѣмъ требованіямъ, которыми мы вправѣ были бы съ перваго взгляда объяснять интересъ къ пастурели, пастурель-сценка, совсѣмъ неизвѣстна литературѣ Юга; „классическій“ типъ обновляютъ поэты XIII в.,

эпохи, когда провансальская поэзія начала постепенно замирать; это обновленіе сознательное, совершившееся не безъ вліянія Сѣвера, гдѣ мы встрѣчаемъ пастурель въ болѣе разнообразныхъ формахъ и гдѣ она явилась позже.

Мы принимали все время предложенную Г. Парисомъ теорію генезиса „типичной“ пастурели, чтобы оцѣнить сперва его построеніе цѣликомъ. Но и какъ частное положеніе оно едва ли пріемлемо: оно не встрѣчаетъ опоры въ фактическихъ данныхъ и является результатомъ нѣсколько механическаго отношенія къ пѣсенной схемѣ. Мы предпочли бы держаться ближе къ матерьялу и попытаться рѣшить вопросъ, исходя изъ него же самого.

Изложенныя соображенія приводятъ насъ къ слѣдующей догадкѣ.

Пастурели—сценки съ чертами классическаго типа—результатъ контаминаціи, обобщенія схемы этого послѣдняго, въ которомъ отмѣченная деталь объясняется не какъ вставка, а какъ развитіе исконной подробности, и который нѣтъ нужды, поэтому, выводить изъ пасторальнаго contrasto или aoristys, какъ II 47. Если исходной точкой и будетъ аористъ, то онъ будетъ иного состава, чѣмъ какой предполагалъ Г. Парисъ, и личнаго при томъ характера. Нѣтъ никакой необходимости считать объективность изложенія непремѣннымъ признакомъ народной пѣсни, исключающимъ „я“. Стоитъ пересмотрѣть, напримѣръ, любой сборникъ славянскихъ пѣсенъ, не тронутыхъ вліяніемъ (по крайней мѣрѣ такія пѣсни можно выдѣлить, особенно среди обрядовыхъ) лирики искусственной, чтобы убѣдиться въ томъ, какъ часто „я“—главное дѣйствующее лицо описываемаго, и какъ часто одинъ и тотъ же эпизодъ можетъ принимать обѣ окраски, личную и объективную. Разумѣется въ куртуазной поэзіи „я“ обратилося въ рыцаря и провансальцы особенно рѣзко подчеркнули соціальную разницу. Позже вводная формула обобщилась на цѣлый рядъ пьесъ, которымъ она первоначально была совершенно чужда. — Мы возвращаемся къ схемѣ, которую построили, какъ возможную, по поводу гипотезы Жанроу; терминъ pastourelle ей не противорѣчитъ.— Почему она не затерялась на югѣ Франціи, гдѣ мы встрѣчаемъ пастурель уже въ XII в. среди другихъ болѣе популярныхъ и куртуазныхъ формъ и мотивовъ? Это объясняется именно привычкой къ ней, ея традиціонностью. Она была также конечно извѣстна въ Провансѣ, какъ contrasto въ Италіи, гдѣ онъ подвергся тоже куртуазной разработкѣ. Но можетъ быть ея сохранность, жизнеспособность обезпечивало прежде

всего ея обрядовое значеніе. Если живая связь ея съ обрядомъ и была утрачена, или уже разрушалась постепенно, то осталось все же смутное представленіе о значительности пѣсни, о ея древности, и ее долго еще сохраняли какъ реликвію.

Итакъ личный элементъ пастурели коренится въ особой формѣ пѣсни, въ которой существовала уже пасторальная черта, но въ которой мѣсто поэта-рыцаря заступалъ скорѣе представитель извѣстнаго пола, нежели общественнаго состоянія, который въ то же время могъ являться разсказщикомъ происшедшаго. Другія категоріи пастушескихъ пѣсенъ существовали параллельно, но исходной точкой организаціи жанра является все же пастурель классическаго типа, подѣлившаяся съ тѣми, которыя она объединила, и нѣкоторыми деталями своей схемы. Одни примкнули къ ней; другія, какъ напримѣръ дидактическія пьесы Marcabru, G. de Bornelh'я, развились изъ нея [11]).

Несомнѣнно, что когда Г. Парисъ работалъ надъ пастурелью, его смущала аналогія между этой послѣдней и chansons à personnages. Послѣднія онъ выводилъ вслѣдъ за Жанруа также изъ монолога (настоящей „pastourelle" по его мнѣнію, какъ мы видѣли, является тоже монологъ дѣвушки) malmariée (1); остальныя формы chanson à personnages—варьяціи основного типа: сперва былъ введенъ мужъ (2), затѣмъ другъ (3), наконецъ поэтъ (4) и другая женщина (5) (o. c., p. 685). Но поэтъ заслонилъ ихъ собою, являясь то въ роли зрителя, то въ роли активнаго дѣйствующаго лица. Несомнѣнно, что и здѣсь, какъ въ пастурели, передъ нами условная фигура: il est clair, говоритъ онъ, que dans cette intervention indispensable du poete il y a une convention, une formule techniqne (p. 682). Жанруа объяснялъ ее какъ обобщеніе пріема пастурели. Г. Парисъ полагаетъ, что и тутъ и тамъ, она введена извнѣ, сознательно, введена еще жонглёрами, разработавшими въ этомъ смыслѣ оригиналы chansons à personnages и пастурели (p. 682, сл. Cesareo, Le origini della poesia lirica in Italia. Catania 1899, p. 108). Уже опредѣленіе темы malmariée, высказанное

---

[11]) F, Orth. (Ueber den Reim und Strophenbau in d. afr. Lyrik, Cassel, 1882) говоритъ о пастурели попутно, характеризуя ее, на основаніи данныхъ ритма и риѳмы, какъ искусственную форму (стр. 45 и сл.). G. Thurau (Der Refrain in d. fr. Chanson... Мюнхенъ, 1901) видитъ въ пастурели—сатирическія пѣсни по адресу представителей низшаго сословія. Пастурель, по мнѣнію этого изслѣдователя, первоначально не хоровая пѣсня-пляска, а пьеса, исполнявшаяся съ особой выразительностью мастеромъ-пѣвцомъ (стр. 53).

впервые Жанруа и поддержанное Парисомъ, какъ не народной, т. е. не традиціонной, а искусственной, характеризуетъ методъ обоихъ французскихъ изслѣдователей: они отправляются исключительно отъ французскаго матеріала, рѣдко заглядывая за предѣлы романо-германской пѣсни. Только неосторожностью и поспѣшностью можно объяснить заключеніе Жанруа: dans les pays où la poesie populaire s'est trouvée plus à l'abri des influences littéraires, les chansons de malmariées sont rares (p. 153). Сообщенныя ему русскія параллели мало помогли дѣлу (p. 456 сл.); онъ допустилъ тему malmaritata лишь для Италіи, но считалъ ее заимствованной отъ французовъ. Въ этомъ смыслѣ воззрѣнія Жанруа были подвергнуты критикѣ Cesareo (p. 64 сл.). Еще легче указать на несостоятельность гипотезы Жанруа, стоя на почвѣ славяно-русскаго пѣсеннаго матеріала, въ составъ котораго тема о malmariée входитъ какъ одна изъ наиболѣе популярныхъ Въ русскихъ сборникахъ мы найдемъ не только мотивъ отвращенія къ опостылому мужу, но и мотивъ незаконной любви, который Cesareo все же считалъ ненароднымъ (p. 65). Если бы Жанруа или Г. Парисъ были знакомы со сборниками пѣсенъ народностей, не знавшихъ вліянія куртуазной поэзіи, то они нашли бы въ нихъ объясненіе и вопроса о роли поэта.

Какъ и въ цѣломъ рядѣ пастурелей, поэтъ является простымъ свидѣтелемъ того, о чемъ онъ разсказываетъ. Такъ однажды, привлеченный пѣніемъ птицъ, онъ входитъ въ садъ и видитъ неподалеку красивую дѣвушку, которая поетъ о любви и поетъ такъ хорошо, что птицы заслушиваются ея и соловей проситъ ея любви (I 29). Въ другой разъ на небольшой зеленой лужайкѣ, усыпанной весенними цвѣтами, онъ услышалъ какъ дама жаловалась на судьбу, горюя о томъ, что у нея нѣтъ друга (I 40). Въ I 51 поэтъ передаетъ намъ подслушанную имъ случайно жалобу дамы на своего мужа (un ort vilain roufflant v. 26), который взялъ ее почти ребенкомъ (v. 44 сл.) и погубилъ ея юность; исчезла ея краса, ея смѣхъ и не поется ей больше. Аналогичную ситуацію рисуетъ намъ Colin Champiaus (I 72), и Moniot de Paris (I 68), гдѣ діалогъ съ поэтомъ второстепенная часть пьесы и можетъ быть опущенъ. Единственный raison d'être діалога это предложеніе любви со стороны поэта (v. 15 сл.); но дама отвѣчаетъ на него длиннымъ разсказомъ о своей судьбѣ и только послѣдніе стихи (v. 41 сл.) возвращаютъ насъ опять къ началу діалога. Въ коллекціи пастурелей у Барча, какъ мы видѣли, монологъ

совсѣмъ отсутствуетъ (единственное исключеніе и то сомнительное III 38). Наоборотъ, въ обстановку сценокъ-настурелей вводитъ насъ только одна chanson à personnages:

(I 13) Or vienent pasques les beles en avril
florissent bois, cil pre sont raverdi...
Sous un chastel q'en apele Biaucler,
en mout poi d'eure i ot granz bauz levez.
ces damoiseles i vont par caroler...

Въ параллель пасторальнымъ débats II: 26, 24 можно поставить цѣлый рядъ chansons à personnages, въ которыхъ мотивъ этотъ встрѣчается очень часто. Въ I 21 дѣло обходится безъ поэта: три дамы высказываютъ свои сужденія о любви и бракѣ. Въ короткомъ спорѣ (всего 3 строфы) дѣло доходитъ даже до побоевъ, которые старшая изъ присутствующихъ наноситъ младшей, осмѣлившейся признаться откровенно:

v. 8 je servirai mon mari
lealment en leu d'ami.

Остальные débats происходятъ въ присутствіи поэта. Онъ слышитъ разговоръ двухъ замужнихъ дамъ: одна даетъ совѣтъ другой, менѣе опытной, преслѣдуемой мужемъ и не умѣющей выйти изъ положенія. Діалогъ заканчивается появленіемъ рыцаря, друга этой послѣдней; слѣдуетъ сцена любви, которая съ избыткомъ подтверждаетъ значеніе полученныхъ совѣтовъ. Первая половина этой пьесы повторится въ I 47, въ I 67 (Giles le Viniers). I 48—амебейная ламентація въ предѣлахъ все тѣхъ же отношеній.

Въ нѣкоторыхъ пьесахъ, наконецъ, на сценѣ передъ нами самъ виновникъ всѣхъ этихъ ламентацій, ревнивый мужъ, vilain, ort vilain puant (I 67), на характеристику котораго страдающія отъ него жены не скупятся обыкновенно:

vilains bossus et malestrus

et toz plains de graipaille (?), ... говоритъ участница одного изъ приводимыхъ поэтомъ діалоговъ между мужемъ и женой (I 35), прибавляя наивно: je ne quier maix avoir per vos ne sorcot ne cotelle. Весна наполняетъ ее жаждой любви, которую только раздражаетъ присутствіе нелюбимаго мужа:

vez ci le dous tens ou vient,
ke renverdist la pree:

s'irons moi et mon ami
coillir la flor novelle. —

Dans vilains, barbe florie,

car vos estes si wiris, обращается къ мужу другая дама, которую онъ засталъ съ ея ami. Она нисколько не смущена—эта пьеса крайне интересна по своей простодушной откровенности;—любовь овладѣла ею—и, вотъ, другъ ея пришелъ къ ней. Напрасны увѣщанія мужа—онъ пытается пригрозить ей—si seres mal vestie (сл. I 42), но и это не помогаетъ: отказаться отъ друга не въ ея власти:

Mes maris n'estes vos mie,
mauvais vilains rasontes;
vos me ronchies les l'oie
cant je dor les vos costes,
et si ne me faites mie
le jeu d'amors a mon gre...

Сколько озлобленія противъ мужа въ I 42, съ какимъ отчаяніемъ вспоминаетъ дама, что она принадлежитъ ему: demain aies vos un mal jor, грозитъ она. Въ I 45 запѣвъ предупреждаетъ насъ уже о содержаніи послѣдующаго, перерывая ввидѣ рефрена каждый куплетъ пьесы и поддерживая въ сознаніи основной печальный образъ пѣсни:

Ne me bates mie,
maleroz maris,
vos ne m'aveis pas norrie.

Но дамы chansons à personnages гораздо терпѣливѣе женъ русскихъ народныхъ пѣсенъ, иногда жестоко мстящихъ своимъ опостылымъ мужьямъ. Такихъ тяжелыхъ картинъ, какія мы встрѣчаемъ напримѣръ у Соболевскаго II: 548; 53, 120, 121, 124; 125; 448, 449 и мн. друг., мы не найдемъ во французскихъ пьесахъ, по крайней мѣрѣ, тѣхъ, о которыхъ идетъ рѣчь: типъ мстительницы былъ слишкомъ жестокъ и грубъ; если онъ и былъ знакомъ французской пѣснѣ этой поры, то куртуазная поэзія его не допускала.

Къ этимъ chansons примыкаютъ тѣ, въ которыхъ поэтъ выступаетъ въ роли активнаго лица. Moniot d'Arras разсказываетъ намъ въ своей пьесѣ (I 68), какъ видъ наслаждающихся любовниковъ, рыцаря и молодой дѣвушки, наводитъ его на грустныя мысли о себѣ самомъ. Онъ подходитъ къ нимъ и разсказываетъ о своей безнадежной любви къ одной дамѣ; собесѣд-

ники его стараются его всячески утѣшить, и поднимаютъ въ немъ надежду на близкій успѣхъ. Въ пьесѣ Audefroi, наоборотъ, поэтъ, какъ въ III 34, успокаиваетъ рыцаря, горя котораго ему пришлось стать невольнымъ свидѣтелемъ (I 61).

Среди пьесъ, въ которыхъ поэтъ играетъ активную роль, первое мѣсто занимаютъ несомнѣнно тѣ, которыя можно сопоставить съ пастурелью классическаго типа, и которыя Г. Парисъ считаетъ поздними формами. Переходную ступень занимаютъ тѣ chansons, которыя въ сущности представляютъ собой монологъ, какъ I 43 или I 68 (Moniot de Paris, о которой уже было сказано выше. Во второй предложеніе поэта и отвѣтъ на него даны, по крайней мѣрѣ, намѣчены).—Обыкновенно поэтъ встрѣчаетъ даму [рѣдко дѣвушку: I (43), 44, (52), 70, (73)] на лугу (I 37), въ рощѣ или лѣсу (I 39, I 65), на дорогѣ (I 44, 70), подъ Парижемъ (I: 50, 64, 69), но чаще всего въ саду или подлѣ него (I: 43, 49, 64, 68, 73); она поетъ пѣсенку, въ которой говоритъ о своей любви или жалуется на судьбу, на преслѣдованія ревниваго vilain (I: 39, 43, 64, 68, 69). Поэтъ старается утѣшить ее, предлагаетъ свою любовь, отъ которой она отказывается, такъ какъ любитъ другого (I 50, fragm.? 44, 70), или принимаетъ на зло мужу (I 49); иногда дѣло кончается насиліемъ, такъ какъ поэтъ, возбужденный отказомъ, не въ состояніи болѣе сдерживать свою страсть (I: 44, 69), какъ это удается ему въ I 70. Второстепенныя дѣйствующія лица отсутствуютъ почти вовсе и только изолированныя фигуры матери, выговаривающей дочери за мужа (I 39), да друга (I 70) составляютъ немногочисленныя исключенія. Если присоединить къ отмѣченнымъ еще коротенькіе фрагменты I 53 — 55, то этимъ анализуемая группа будетъ исчерпана (особо I 52, 73).

Нѣтъ никакого сомнѣнія въ томъ, что огромное большинство chansons à personnages—позднія пьесы: среди авторовъ ихъ одинъ только Richard de Semilli можетъ быть отнесенъ къ XII в.; несомнѣнно также, что ихъ ритмическая структура гораздо болѣе изыскана и прихотлива (чистая риѳма);—все это не говоритъ еще противъ древности ихъ мотивовъ. Выше былъ отмѣченъ рядъ аналогій съ пастурелями: мотивы обѣихъ категорій пѣсенъ параллельны; въ I 44 проскользнулъ изъ пастурели въ роли ami даже вѣчный ея спутникъ Robin, какъ въ I 52 (v. 20 сл.), упоминаніе подарковъ; наконецъ, вводная формула chansons связываетъ ихъ съ пастурелями, и въ цѣломъ рядѣ ихъ поэтъ совершенно ненужное лицо, введенное въ основной текстъ

по привычкѣ. Но мы едва ли бы рѣшились вслѣдъ за Жанруа считать chansons à personnages или, какъ онъ ихъ называетъ, chansons dramatiques, переработкой монолога malmariée въ стилѣ пастурели. Мы охотно признаемъ его существованіе въ этой группѣ пѣсенъ (въ пастурели нѣтъ его слѣдовъ), тѣмъ болѣе, что нѣкоторые изъ сохранившихся монологовъ имѣютъ крайне интересную, простую народную форму съ запѣвомъ, но не видимъ основанія разсматривать поэта какъ лицо, введенное извнѣ тѣмъ или инымъ путемъ. Въ этомъ отношеніи Г. Парисъ едва ли правъ. Поэтъ — смѣнилъ простое „я" прежняго разсказчика, которое могло чередоваться первоначально (если это нужно допустить) съ какимъ-нибудь „онъ" объективной формы пересказа того же мотива, какъ чередуются обѣ эти точки зрѣнія, напримѣръ, въ русской пѣснѣ Собол. III 491, 492 и 493. Почему непремѣнно строить все на принципѣ объективности? Исходной точкой послѣдней категоріи chansons à personnages были бы, такимъ образомъ, пѣсни, въ которыхъ разсказывалось о томъ, какъ такой-то или „я" повстрѣчалъ замужнюю женщину и какъ „я" обратился къ ней съ предложеніемъ любви; oaristys въ весенней обстановкѣ, ибо пѣсни восходятъ, какъ на это указываетъ ихъ пейзажъ, къ весенней обрядности; это своего рода pendant къ contrasto сицилійскаго анонима (Lévati dalla porta—у Carducci, Cantilene e ballate p. 52), гдѣ дѣйствіе происходитъ ночью; такъ, въ русскихъ пѣсняхъ молодецъ приходитъ на свиданіе къ замужней женщинѣ, которая не можетъ выйти къ нему, потому что должна лежать возлѣ мужа.—Формула „я встрѣтилъ, я ѣхалъ" и т. п. обобщилась, ибо, какъ мы видѣли, въ цѣломъ рядѣ пьесъ она не имѣетъ смысла; но это не начало развитія пріема, а его конецъ, отвердѣніе формулы, готовый запѣвъ, перенесеніе котораго подсказано было общимъ мотивомъ malmaritata. Онъ существовалъ, очевидно, въ различной комбинаціи образовъ, въ нѣсколькихъ рядахъ пѣсенъ, но очень вѣроятно, что нѣкоторыя новыя группы ихъ не имѣли первоначально никакого къ нему отношенія. Параллелизмъ мотивовъ chansons и пастурелей настолько опредѣлененъ, что трудно не допустить возможности обоюднаго вліянія; но это далеко отъ того, что предполагалъ Жанруа. Нѣкоторыя искусственныя формы, какъ діалогъ автора съ рыцаремъ, могли быть инспирированы соотвѣтствующими формами пастурели, съ которыми въ провансальской литературѣ мы встрѣчаемся довольно рано; съ другой стороны такія пьесы какъ II 27 скорѣе всего навѣяны chansons à personna-

ges. Мы не рѣшились бы высказаться въ этомъ смыслѣ относительно débats двухъ женщинъ или сценокъ съ мужемъ, которыя Жанруа и Г. Парисъ считаютъ позднѣйшими искусственными формами; было бы, пожалуй, менѣе ошибочно говорить о искусственности ихъ разработки. Chansons à personnages вообще, какъ уже было замѣчено, стали популярны (не извѣстны) относительно поздно, при чемъ южная Францiя совсѣмъ не знала ихъ. Испытавъ влiянiе пастурели, они подверглись вѣроятно новой переработкѣ, давшей пьесы вродѣ I 33, 34, и вскорѣ стали постепенно исчезать изъ литературнаго обихода: центръ поэтическихъ интересовъ переносился изъ области сожалѣнiй въ область надеждъ и культа внѣбрачной любви; реальныя отношенiя malmariée должны были стушеваться передъ новымъ союзомъ, съ избыткомъ вознаграждавшимъ недочеты стараго.—Вернемся снова къ пастурели.

В. Шишмаревъ

ОТДѢЛЪ II.

Сибирскія пѣсенныя старины.

1.

Суханко сынъ Тумановичъ.

Скажу-ко-те, братцы, я стàрину вамъ скажу,
Стàрину скажу и старопрежнею,
Старопрежнею и стародавнею.
У нашева то у князья великъ празникъ—
Душенька князиня именинница.
Собирались къ ней князья-бóяры,
Князья, бóяры и могучіе и богатыри.
Князь ту по горенкѣ похаживаетъ,
Князь ту по свѣтлои по свѣтлицѣ погуливаетъ,
Изъ рѣчей ту етотъ князь выговариваетъ:
„Чѣмъ же васъ князинушкя будетъ подчивать,
„Чѣмъ же васъ князинушка будетъ чествовать?—
„Не случилось у князинушка сѣрой утицы
„И не случилось лебядки бѣлою.
Хто бы изъ васъ, братцы, съѣздилъ на сине море
И на тѣ же морски на тихія заводи
И на тѣ же на глубокія ржавчины,
Поймалъ бы хто лебядку бѣлою,
И безъ той бы безъ раны и безъ сердешною,
И безъ той ту раны и безъ кровавою,
Не выпустилъ бы хто крови горячýю".
Большей отъ за меньшова хоронитца,
Отъ меньшева богатыря отвѣту нѣтъ.
Не изъ большева стола и не изъ меньшева,
Изъ тово ту изъ стола изъ середнева,
Съ той ту со скамеенки бѣлодубовою
Выходилъ ту, *говоритъ*, дородной добрый молодецъ,
По имено Суханко сынъ Тумановичъ:
„Разѣ я, братцы, *говоритъ*, съѣжжу на сине море
И на тѣ же морскія тихія заводи,
И на тѣ же на глубокія на ржавчины,
Поймаю я ту лебядку бѣлою

И безъ той ту я раны и безъ сердешною,
И безъ той же безъ раны и кровавою,
И не выпущу я крови горячую.—
Налевай ко ты мнѣ чару зелена вина,
Небольшую то чару—полтора ведра!“
Выпивалъ ту ету чару на единый духъ.
Пошолъ ту Суханко на конюшный дворъ,
Имaлъ ту себя Сyханушко добрà коня
И не зауздывалъ, коня и не засѣдлывалъ,
Не бралъ съ собой Суханушко ни палицу
И не бралъ съ собой Суханушко вострà копья́,
Только взялъ съ собой Суханко плеть шелковую,
Простегивалъ коня до чэрнà тѣлà
Ево же добрый конь сталъ расержатися,
Отъ сы́рою отъ земли сталъ отдѣлятися.
Скàкалъ же ево конь съ го́ры на гору,
А мелкой раздолье межу ногъ пускалъ.
И пріѣхалъ Суханко на сине море
И на тѣ же морски тихія заводи,
И на тѣ же на глубокія ржавчины;
Поймалъ ту Суханко лебядку бѣлою
И безъ той ту раны и безъ сердешною,
И безъ той-ту раны и безъ кровавою
И не выпустилъ Суханко крови горячую.
. . . .
Подымалась туча чэрная,
Туча чэрная и туча грозная,
И сила невѣрная...
Опускали въ Суханку съ горы стрѣлы:
„Ле́ти, *говоритъ*, каленà стрѣла не на воду, не на землю,
А пади, *говоритъ*, Суханку въ бѣлыя груди!“
. . . . „Все же пріѣхалъ Суханко въ „кру́жку“ свою и принесъ лебедь бѣлу“.

д. Кежемск. Заимка. Е. Поповъ, 66 л.

2.

Добрыня Никитичъ.

Во Казанѣ было то городѣ,
Былъ Микитуша старенёкъ, состарился и преставился.
Оставались дѣти малыя, жена молодая.
Оставался Микитичъ, не могъ конемъ владать и копьемъ воевать.
Сталъ Микитичъ девяти годовъ, сталъ Добрынушка двѣнадцати,
Сталъ шутить шутки не малыя, не малыя и большія то:
Ково хватитъ за руку—руку оторветъ,
Ково хватитъ за ногу—ногу выставитъ.
Мать ево Горынище услыхало то,
Стала дѣтище журить-бранить:
„Гой-ести дѣтище, гой-ести родимое! Пошто такъ дѣлаешь?

Шутки шутишь не малыя, не малыя и большія".
Сталъ Добрынушка просить благословленіе:
„Взгой-ести матушка, взгой-ести родимая!
Дай мнѣ велико-большо благословленіе!
Сковать палицу двоичудную, сторублевую;
Я поѣду во чисто поле, во широкое во раздольицо".
Стала мать ему наказывати:
„Взгой-ести дѣтище, взгой-ести родимое!
Поѣдишь ты въ чисто поле, во широкое во раздольицо,
Хватятъ тибя жары лѣтнія и Петровскіе
И поѣдишь ты подлѣ синя моря,
Захотись тибѣ Микитичу искупатися:
Привязывай добра коня ко ракитову кусту,
Скидай съ себя платье цвѣтное,
Не скидай, *говоритъ*, чэрну шляпу пуховую;
Заплловешь во перву струю, заплловешь во втору струю,
А изъ третей струи назадъ вернись—
Третья струя невольная".
Ѣхалъ Микитичъ подлѣ синя моря,
Хватили ево жары лѣтніе и Петровскіе,
Захотись Микитичу искупатися:
Слезовалъ съ добра коня, изъ черкацкова изъ сѣдёлышка,
Привязывалъ добра коня ко ракитову кусту;
Скидовалъ съ себя платьё цвѣтное;
Заплылъ Микитичъ во перву струю,
Заплылъ Добрыня во втору струю,
Третья струя невольная
Понесла тово Микитича во желты пески, мелки пещёрочки.
Надлетаетъ надъ нево змѣй-отъ лютой и палючей:
„Али тибя, Микитичъ, живкомъ сглону,
Али, Добрыня, огнёмъ сожгу!"
Тутъ Микитичъ взмолился ему:
„Змѣй лютой и палючей, не ѣшь и не жги миня,
Выпусти миня на прикрутъ берегъ,—
Ты будешь большой братъ, я тибѣ меньшій".
Выпускатъ Добрыню на прикрутъ берегъ.
Нагребатъ онъ чэрну шляпу пуховую
Песку бѣлова и мелкова,
Бьетъ онъ змѣя лютова и палючева,
Отшибаетъ у нево три хобота.
„А больше не знаю"... (См. стр. 8, вып. 1).

Крестьянинъ-ангарецъ изъ д. Дворецъ, Кежем. в.

3.

Женитьба Алеши Поповича.

Поѣхалъ нашъ Добрыня во чисто поле гулять,
Поѣхалъ нашъ Никитичъ во роздольицо гулять:
„Жди ты, Настасья, первы шесть лѣтъ,

Жди же ты, Никулишна, втôра шесть лѣтъ,
Пройдетъ тому времени двѣнадцать лѣтъ,
Пройдутъ годы страшные, времена пройдутъ всѣ урошные:
Хошь, моя Настася, замужъ пойди,
Хошь, моя Никулишна, замужъ пойди,
Не ходи ты за недруга моёво, за тово жо Олёшиньку Поповича,—
Онъ недругъ мой, супостатъ мой:
Онъ въ очи тобой похваляется, по за вочію тобой возиошаетца,—
Онъ недругъ мой, супостатъ мой".
Прошло тому времю двѣнадцать лѣтъ,
Прошли тѣ годы страшные, времена прошли всѣ урошные.
Поневолилъ ее сонышко Владимеръ князь
Замужъ ити за тово жо Олёшиньку Поповича.
Пріѣхалъ нашъ Добрыня изъ чиста поля домой;
Выходила, стрѣчала родна матушка ево:
„Зво-ести родима матушка моя!
Какъ же не стрѣчаетъ молода моя жена,
Свѣтъ душа Настасіюшка Микулишна?"
„Нынче Настася за дубовымъ столомъ,
Нынче Микулишна за дубовымъ столомъ,
Со тѣмъ же с'Олёшой Поповичёмъ".
Тутъ-то доброму молодцу за бѣду показалося,
За великую досаду показалося.
Онъ бралъ сибѣ платьё скамаровское,
Во карманички клалъ чȏрвончики;
Приворотничкамъ давалъ по гривенкѣ,
Придворничкамъ давалъ по полтиночкѣ,
Пробирался онъ к'Олёшинькѣ на свадьбу:
Онъ крестъ отъ клалъ по писанному
Поклонъ воздавалъ по ученому—
Князью со княгиней на особь статью,
Сонышку Владимеру со той же со князиней королевной на особь статью,
„Приходи ко, приходи, нашъ весёлый скамаровъ,
„Звесели ко нашу свадебку Олёшинькину!"
Заигралъ онъ, скамаровъ, во иные во лады,
Всѣ князья бояре пріуснули за столомъ,
Одна у насъ не спитъ Настася Микулишна.
Заигралъ нашъ скамаровъ во иные во лады,
Всѣ князья-бôяре пробуждались за столомъ.
„Зво-ести, сонышко Владимеръ князь!
Прокажи всему поѣзду испить подать".
„Подавай, подавай, нашъ веселый скамаровъ,
Звесели ты нашу свадебку Олешинькину!"
Подаваетъ пȇрву чару зелена вина
Сонышку Владимеру со князиней-королевишной;
Подаваетъ вторую чару зелена вина Олёшинкѣ Поповичу
Съ той же Настасей Никулишной:
„Бери же ты, Настася, единой рукой,
Выпиваей единымъ духомъ!

Не пивать до дна, не видать добра—
Выпешь до дна, увидашь добра!"
— „Пропускай ты, сонышко Владимеръ князь,
Не пропустишь—черезъ столъ скочу!"
„Не скочи черезъ столъ, не ломай стола княжевецкова!—
Не диво Олёшинькю Поповичу;
А диво тебѣ, сонышко Владимеръ князь,—
Хотѣлъ ты отъ жива мужа́ жену отнять,
Здраво женилъ, да не съ кѣмъ спать!

Со словъ крестьянки Александры Андреяновны Смолиновой записалъ П. Тр. Вороновъ. С. Богучаны.

Поется „протяжно"...

Болѣе или менѣе сходные варіанты имѣются: у А. Гильфердинга (Онежскія былины, т. I, стр. 61); А. Григорьева („Арханг. былины" и пр., т. I, ч. 1, стр. 79, и т. II, 195).

4.

Здунай Ивановичъ.

„Здунай-то, Здунай, сынъ Ивановичъ!
„Не ходи ко, моё дитятко, на конюшенъ дворъ,
„Не имай, мое дитятко, коня доброва,
„Ко крыльцу то не подводи да не осѣдлывай,
„Не подтягивай двѣнадцать пóдпругъ шолковыхъ,
„Не ѣзди, мое дитятко, вдоль по улицѣ,
„Не подъѣжжай, мое дитятко, ко кружалому—къ цареву кáбаку—
„Для тибя то, мое дитятко, зелье налажено,
„Въ зелено вино намѣшано".
Не послушался де Здунай родимой матушки:
Пошолъ де Здунай да на конюшенъ дворъ,
Иматъ себѣ коня добрава,
Онъ сѣдло то одѣвалъ, самъ осѣдлывалъ,
Онъ подтягивалъ двѣнадцать пóдпругъ шолковыхъ,
Не для красы, а для крѣпости.
Поѣхалъ де Здунай ко кружалому...
Тутъ всѣ товаришши зрадóвалися,
Они брали де Здуная за бѣлы руки,
Подносятъ ему чару зелена вина,—
По краямъ-то етой чарочки огонекъ горитъ... [1])

с. Ужуръ, Ачинск. у. Андрей Титычъ Ананьинъ, 65 л.

---

[1]) Напечатано въ журн. „Живая Старина", вып. I, 1901 г.
По словамъ А. Ананьина имя „Здуная" упоминается въ другой былинѣ про „Княяя Владимера", которую зналъ другой крестьянинъ Петръ Алекс. Ананьинъ; съ послѣднимъ по нѣкоторымъ причинамъ я не былъ знакомъ и потому не записалъ второй варіантъ о Здунаѣ.

5.

Бой Добрыни съ бабой Горынищемъ [1]).

„Съѣхался Добрыня Никитичъ во чистомъ полѣ съ бабой Горынищемъ („богатыршица“). Съѣжжались другъ съ дружкой. Бьетъ она ево и вышибла изъ сѣдла Добрыню Никитича, начала ево пришибать, выбила палицу и копье. Онъ снялъ уже сапогъ съ ноги и сталъ отбиваться сапогомъ. Ѣдетъ Илья Муровецъ. Тутъ взмолился Добрыня Никитичъ: „Илья Муровецъ, возстань за миня! Убила баба Горынище девять богатырей, добиватъ, говоритъ, Добрынюшку десятова“.—„Не чесь и не хвала багатырская, штобы два богатыря на одну бабу шли. А не знашь бабьей ухватки: слевай бабу по щекѣ, пинай бабу подъ гузно, будетъ баба пятитьца!“—Сталъ Добрыня слевать бабу по щекѣ, пиналъ бабу подъ гузно, стала баба пятитьца... Убилъ онъ ее. Схватилъ „цинбалище“ - вострый ножъ, взрѣзалъ ей груди, а въ нихъ два вьюноши—двойниками брюхà, два богатыри были. Какъ Добрыня Никитичъ ушибъ ее, они такъ и *окáминтъли*“.

д. Кежем. Заимка. В. И. Сизыхъ.

6.

Неудавшаяся свадьба Олеши Поповища.

Поѣхалъ Добрыня Никитичъ во чисто поле, во широко во роздольицо.—Жди миня перво черезъ петнатцать лѣтъ; а не буду черезъ петнатцать лѣтъ, жди миня вдругоредь, мѝлушка, черезъ тридцать лѣтъ; а не буду вдругоредь черезъ 30 лѣтъ, женѣ сказыватъ, выходи за другова взамужъ.

Прошло 30 лѣтъ. Жена ево другова сибѣ мужа взела Олешу Поповища. У нихъ тысяцкимъ былъ Илья Муровецъ.

Вернулся Добрыня Никитичъ. Пошолъ съ гуслямъ на сватьбу. Сталъ играть-наигрывать, стали ево потчевать. Онъ проситъ позволеньё выпить: „Можно ли нѣтъ выпить съ вашею кнегиней по стаканчику?“ Велѣла она ему пива поднесть въ стаканѣ; онъ тайкомъ опустилъ (въ него) свой именной перстень; потомъ какъ выпила она свой стаканъ, увидала именной перстень и говоритъ:

— Хочешь ли, Добрынушка, кругомъ столъ обойду, али хочешь, Добрынушка, черезъ столъ скачу?

— Нѣтъ, говоритъ Добрыня, не гоже ломати стола княжева, лучше по за столъ обойди!

Сошлись они рука въ руку и пошли со сватьбы.

„Женился Олеша, да не съ кѣмъ спать,
„Да не съ кѣмъ спать, веселея встать!“—
Сказалъ на кончинѣ Илья Муровецъ.

д. Кежем. Заимка. В. И. Сизыхъ.

---

[1]) Запись не вполнѣ передаетъ мѣстное нарѣчіе.

7.

Олёша Поповища, Якимша слуга-парубокъ и Тугаринъ [1]).

Силой не силёнъ, а смѣлосью смѣлъ былъ Олёша Поповища. У нево былъ Якимша слуга-парубокъ тоже богатырь. Приходитъ къ Солнушку Владимеру. Хрестъ кладутъ по учёному, поклонъ кладутъ по писанному и садятца ко дверѣ на приступочикъ. У Солнушка у Владимера сидитъ Тугаринъ Змѣёвища-богатырь Несли ему пишшу-лебедь,—цѣлкомъ съѣдалъ. Какъ онъ на вилку подхватитъ лебедя то, онѣ со приступка и говорятъ:

— „У нашева городу во Ростовѣ, у нашева попа у Ивана была чэрна корова волошяная (?); барды-ста корова объѣдалася,—Тугарину Змѣёвищу тоже будетъ!"

Выдергиватъ Тугаринъ Змѣёвища изъ „цинбалища"—вострый ножъ и мечетъ въ нихъ. Олёша Поповища отвернулся отъ ножа, а Якимша слуга-парубокъ схватилъ ножъ за ручку и говоритъ:

— Хошь, Олёша, самъ мечи, али ты хочешь, штобъ я металъ?

— Самъ не мечу и тибѣ не велю. А из'утра я съ Тугариномъ поправлюся".

Далѣе Тугарину приносили гуся и (пропускъ), которыхъ тотъ „цѣлкомъ проглонулъ". Олёша съ Якимшей сравнивали его то съ „чэрнымъ кобелемъ", то съ „бурою свинней". Тугаринъ металъ въ нихъ ножемъ, Олёша увертывался, Якимша ловилъ. Происходилъ между ними извѣстный уже діалогъ...

„Тугаринъ змѣевища леталъ; у нево гумажны крылья были подделаны, и носилъ на сибѣ загонъ земли. Онъ не нашой, значитъ, вѣры былъ.

Сошлись на полѣ. Надлетѣлъ Змѣевища и говоритъ:

— Толи тибя огнемъ сожгу, али землей засыплю!

Никто подъ Олёшу не поручитца, никто подъ Олёшу не подпишитца... Старичёкъ бѣлборода поручится подъ Олёшу, а подпишится подъ Олёшу—Якимша слуга-парубокъ.

Олёша говоритъ: „Господи! подыми съ моря туманчики, понеси ты изъ туманчику тучу грозную, изъ тучи грозной мелки дожжички, подмочи у Тугарина крылья гумажныя".

Поднялся съ моря туманчикъ; изъ тово изъ туманчику понеслась туча грозная; изъ той ту изъ тучи грозной пошолъ того разу дожжичекъ, подмочилъ Тугарину крылья гумажныя. Тугаринъ тогда палъ на землю. Подбѣжалъ Олёша Поповища, вынулъ изъ цинбалища—вострый мечъ и говоритъ:

— Да не чесь, не хвала богатырская: на одново богатыря двое!

Какъ, говоритъ, обернулся Тугаринъ, а Олёша ему голову и снесъ; надѣлъ на копье востроё и повезъ въ Кіевъ городъ. Тамъ сказали: „Да видно свинья гуся съѣла!"

д. Кежем. Заимка — В. И. Сизыхъ.

Соотвѣтствующій варіантъ у А. Григорьева (т. I).

---

[1]) См. „Олеша Поповичъ, Екимъ-паробокъ и Тугаринъ змѣй".—Н. Ончуковъ. „Печерскія былины", стр. 333.

8.

По морю, по морéчку, морю сúнему
Плыли, выплывали три караблúчка:
Пéрвой отъ карабличекъ—напереть бѣжитъ,
Вторый отъ карабличекъ—какъ соколъ летитъ,
Третей отъ карабличекъ—йскалъ присталищицо
И нáшолъ крýтый бережокъ.
Наповадилася красная дѣвица
По кубцамъ ходитъ, по торговшичкамъ,
Наповадилася красная дѣвица во йгры играть;
Во йгры то, говоритъ, играла красная дѣвица во нѣмецкія.
И выиграла красная дѣвица три караблúчка:
Пéрвой отъ караблúчокъ—чистова золота,
Вторый отъ караблúчокъ—чистова серебра,
Третей отъ караблúчокъ—бѣлъ-горючь-камень.

(Вѣроятно неокончено).

д. Кежем. Заимка. Ф. В. Сизыхъ.

По сюжету сходна съ „нисшей эпической" пѣсней, отмѣченной А. Соболевскимъ (т. I, стр. 411, № 325—„Пѣсенникъ" 1780, ч. II).

9.

У нашева у царя, свѣта батюшка,
У нашею у царицы благовѣрную
Потерялася потерѐячка, потерялася немалая;
Немалая и невеликая—
Не вô сту рублей потерѧ́ и не во тысячу,
Потерялася потерѧ́ во три тысячи.
Изъ тово было изъ садичку изъ зелёнова,
Изъ той-ту изъ за рѣшоточки изъ середнію,
Изъ за середнію, изъ серебряною
Ушолъ у насъ, улетѣлъ младъ ясёнъ сокôлъ.
За сокôломъ бѣжитъ погонюшка—молодой солдатъ,
Кричитъ-зычитъ сокôлику вышнимъ голосомъ:
„Стой ко, постой, младъ-ясѐнъ сокôлъ, стой, не улетай!
„За тибя, *говоритъ,* миня, соколúчекъ, царь скáзнить хочетъ,
„Благовѣрная царица скáзнить—повѣсить хочетъ".
Умѣлъ сокôлъ ему отвѣтъ сдоржать:
— Когды я былъ, соколúчекъ, во поиманию,
Не умѣли миня, соколúчка, во честѣ́ доржать,
Кôрмили миня, соколúчка, хлѣбомъ-оржаниною,
Поили миня, соколика, водою болотною...
А типерь я, соколúчекъ, на своей волѣ́:
Полéчу я, соколúчекъ, но Мýрскія заводи,
Пôдшибу я, соколúчекъ, лебедь бѣлою,
Нáпьюся я, соколúчекъ, крови горячою,
Крôви горячою, лебединою,
Нáѣмся я, соколúчекъ, мяса лебединова.

Д. Кежем. Заимка. Бр. Пудовы.

10.

Ужъ вы, старыя старушки, вы послушайте,
Молодые вы, робятушки, вы подумайте,
Ста̀рину я вамъ скажу стародавнею—
Про царя было про Ивана про Васильевича.
Ужъ онъ, нашъ бѣло̀й царь, онъ хитёръ былъ мудёръ,
Онъ хитёръ и мудёръ, мудрѣй въ свѣтѣ ево нѣтъ.
По̀дходилъ бы царь подъ стѣны, подъ стѣны каменныя,
Подъ каменныя стѣны шолъ бы по̀дкопью,
Онъ подкатывалъ боченочки дубовенькіе,
Со лютымъ сильнымъ зельемъ чэрнымъ порохомъ,
Становилъ бы царь свѣчѝ и свѣчѝ сальныя,
Свѣчи сальныя и свѣчи подземельныя.
„И вы горите ко, свѣчѝ, и вы не га̀сните"!
И горятъ еты свѣчѝ, долго теплятца:
Аль нашъ же бѣлой царь расержатися сталъ.
Всѣ же енералы испужалися,
А одинъ ко те енералъ не устра̀шился,
Хотѣлъ ко, горить, съ царемъ слово молвити...
И начало стѣны рвать, только клòчни летятъ.
И злы татарченны со стѣно̀чки попадали.
Начали косить, по грудямъ въ крови бродить...

д. Кежем. Заимка. Евгр. Вас. Сизыхъ.

По сюжету подходящій варіантъ имѣется у А. Гильфердинга („Онежскія былины", стр. 563). У Терещенко есть сходный варіантъ.

11.

Середи торгу-базару, середь ярмонки
Тутъ стояла палата бѣлокаменная,
Бѣлокаменная, мелкирпищата.
Во этой во палатѣ живетъ благовѣрной царь.
Приходили ко царю солдатушки
Просили у ца̀ря суда-правежу;
„Дай намъ суда-правежу
На великова на князя Долгорукова"!
„По̀йдите, *говоритъ*, солдаты, во сы̀рой боръ,
Вырубите слеги девяти аршинъ,
Положите ети слеги на круты плечѝ,
Принесите ети слеги ко красну крыльцу,
Сдѣлаите ко князю мостикъ ко красну крыльцу"...

д. Кежем. Заимка. Бр. Пудовы.

По сюжету подходитъ къ пѣснѣ: „Жалоба солдатъ Петру I на кн. Долгорукаго" (А. Григорьевъ —„Архангельскія былины" и пр., 569).

12.

Во городѣ во Кряконѣ, во горнѝцѣ и во свѣтлою,
И на складномъ стулу, и на ремешчатомъ,
Сѝдѣлъ тутъ батюшко шветской король,

Передъ нимъ ту стояли князья-бо́яра и шветы мудрые:
„Ой вы, шветы мудрые, разсудите ночѐшный мой сонъ!
Не гора, бать, стоитъ, какъ снѣхъ бѣла,
На горѣ сидѣлъ младъ сизой орелъ,
Во кохтяхъ ту доржалъ чэ́рна ворона“.
Отвѣчаютъ ему шветы мудрые:
„Батюшко шветской король!
Не можемъ мы разсудить ночѐшный твой сонъ“.
Изъ за той ту изъ за занавѣсы полотняною,
Изъ за той ту печи кирпишчатой выходила красная дѣвица: [1])
„Разѣ я, бать, батюшко, шветской король,
Разсужу твой ночѐшный сонъ!
Не гора, бать, стоитъ—стоитъ русска армія,
Во арміи сидитъ бѣлой царь,
Во рукахъ доржитъ шветскова короля...
И заутра тибѣ, батюшко, быть пойману,
Быть пойману, али убитому“.

д. Кежем. Заимка. Ф. В. Сизыхъ.

13.

Про Платова казака небрѣтая голова.
Пла́товъ бороду обрѣлъ и ко французу подоспѣлъ;
Ево фра̀нцузъ не узналъ и за кубчи́ка почиталъ,
За купчика почиталъ и за дубовой столъ сажалъ,
За дубовой столъ сажалъ и рюмку водки налевалъ:
— Ужъ ты, кубчикъ, мой голубчикъ, и хто бы Пла́това сказалъ,
— И хто бы Платова сказалъ, казны денегъ много далъ.—
„Ужъ фра̀нцузъ, нашъ король, и на̀ што деньги намъ доржать,
„И на̀ што деньги намъ доржать, можно такъ ево сказать:
„Ужъ онъ, Платовъ енералъ, мнѣ ко брателко родной,
„Мнѣ ко брателко родной—отца матери одной“.
— Ужъ ты, кубчикъ, мой голубчикъ, покажи ка свой патретъ.
Онъ патретикъ вынималъ и Арену́шкѣ подавалъ,
Арену́шкѣ подавалъ, самъ изъ горенки бѣжалъ,
По лѣсенкямъ ступалъ и все записочки бросалъ,
На крылечко выбѣгалъ, ришнымъ голосомъ вскричалъ:
„Вы казаки, вы до̀нскіе казаки, подводи скоро коня,
„Подводи скоро коня подъ Платова казака“.
Платовъ енералъ во стремнушки ступалъ,
Во стремнушки ступалъ и какъ соколикъ залеталъ,
Какъ соколикъ залеталъ и вокругъ избы обѣгалъ,
Вокругъ избы обѣгалъ и къ Арену́шкѣ подбѣгалъ:
„Ты, говоритъ, ворона, блять-ворона, и гумѐнная корга,
„Не умѣла, блять-ворона, соколи́ка поймать,
„Соколи́ка поймать и сизы́ перья ощипать!“

д. Кежем. Заимка. Евгр. Сизыхъ.

А. Д. Григорьевъ, 189 („Арханг. былины“ и пр.).

[1]) Будто—дочь короля.

14.

Воръ, ты Капчевичъ, нашъ Капчевичъ,
Нашъ военный енералъ!
Заѣдаешь, нашъ Капчевичъ, наше жалованье,
Трудовое-годовое, нашо денежное!
На ети мы на деньги въ полѣ садикъ заведемъ,
Заведемъ въ саду палаточки не едакія:
Лучче и не хуже восударскова двора,
Тѣмъ ево не хуже—золотой кàзны нѣтъ,
Роскашетчаты окошечки, хрустальный потолокъ
И на етомъ потолочкѣ москварѣшная вода,
Москварѣшная вода по фантазу веденà,
По фантазу ведена, бѣла рыба пущена.
— Ужъ, ты рыба, моя рыба, рыба бѣлая моя,
Рыба бѣлая моя, моли Богу за миня́.

д. Кежем. Заимка. Евгр. В. Сизыхъ.

15.

Подъ славнымъ то было городомъ, подъ Орѣшкомъ,
По прозванницу тому городу Питенбуръ—
На добромъ то конѣ доброй молодецъ ѣздитъ-разъѣжаетъ,
Всѣ то полки солдатскіе разбиваетъ.
Подъ нимъ то добрый конь притомился,
А онъ ту сидѣлъ на добромъ конѣ, разнемогся.
Всѣ ту дружья-товаришши уѣжжаютъ,
Одново то миня, добра молодца, въ полѣ оставляютъ...
Голосомъ ту мнѣ ревѣть, не доревѣтьца,
Чэрной ту шляпой пуховой мнѣ не домахатьца.
Закажу ту я съ вами, дружья-товаришши:
Батюшку челобитье, а матушки низкой поклонъ,
Милымъ дѣтушкамъ благословленье,
Молодой жонѣ—своя воля́.

д. Кежем. Заимка. Е. А. Поповъ, 66 лѣтъ.

16.

Подъ славнымъ то было городомъ, подъ Орѣшкомъ,
По прозваньицу тому городу Питербуръ.
Всѣ дружья-товаришши ѣдутъ, разъѣжжаютъ,
Одново то миня, доброва молодца, въ полѣ оставляютъ:
Одинъ у насъ доброй молодецъ рознемогся,
Подъ нимъ конь, дòбра лòшадь, присталъ, притомился,
Въ головахъ у нево ле́житъ пуля́ быстрая,
Во ево то рѣзвыхъ ногахъ лѐжитъ сабля вострая.

д. Кежем. Заимка. Бр. Пудовы.

17.

Гòры вы, мои гòры, гòры, вы Воробьевскія!
Ничево жа вы, мои гóры, не ўродили;
Уродили вы, мои гòры, мѣлъ-горючъ камень...
Изъ подъ камешку изъ подъ сѣрова
Тéчетъ рѣченькя и быстрая;
Надъ рѣченькой тутъ стоялъ ракитовъ кустъ;
На кўстичкѣ сидѣлъ младъ сизòй орелъ;
Во кохтяхъ то доржалъ чэрнова ворона,
Бить ту онъ ево не бьетъ, и все выспрашиватъ:
„Гдѣ жа ты, ворòнъ, былъ и гдѣ сполѐтовалъ?"
— Былъ я, *говоритъ*, лѐталъ по дикóй степѣ,
На дикòй ту на Саратовской.
— Чево жа ты, ворòнъ, видѣлъ,
И чево жа ты, ворòнъ, слышалъ?
— Видѣлъ я, ворóнъ, диво-дивичко,
Слышелъ ту я, ворóнъ, чудо-чудочко,
И чудо-чудочко—и тѣло бѣлое,
Тѣло бѣлое, молодецкое,
Нихто то къ етому тѣло не прѝпахнетца...
Прилетали къ нему три птâшечки,
Три то птâшички и три касатыя:
Пѐрва то пташичка—мать родна;
Втòра то птâшичка—родна сѐстрица;
Трѐтья то пташичка—молодая жона.
Мать-то плачѐтъ, какъ рѣка течетъ;
Сѐстрица плачѐтъ, какъ ручьѝ тѐчутъ;
Жона то плачѐтъ, какъ роса падетъ".

д. Кежемск. Заимка. Евгр. Поповъ, 66 лѣтъ.

Очень сходный варіантъ съ однородной „нисшей эпической" см. у А. Соболевскаго („Великорусск. народн. пѣсни", т. I, стр. 447—48, 451. Губерніи: Тамбовская, Рязанская, Тульская, Орловская, Казанская, Курская, Терская область, Архангельская). Терещенко, стр. 47.

18.

Гóры, гóры Воробьевскія,
Были гóры Подмосковскія!
Чѐво ети горенки спóродили?
Спóродили мы сѣръ-горючъ камень...
Изъ подъ камышку течетъ рѣка быстрая;
Возлѣ ету рѣченьку лѐжитъ зѐленъ лугъ;
На етомъ на зѐленомъ на лугу
Стóитъ частъ ракитовъ кустъ;
На етимъ на кусточкѣ сидитъ младъ ясѐнъ соколъ,
Во кохтяхъ ту доржалъ чэрна ворона;
Ужъ онъ бить-ту ево не бьетъ, сизы́ перья рветъ,
Перья рветъ, вѣсти спрашиваетъ:

„Ужъ ты гдѣ, ворòнъ, былъ, дѣ сполѐтывалъ?“
— Ужъ я былъ, ворòнъ, на дикой степѣ,
На дикой степѣ на Саратовскія,
Видѣлъ я чэрный воронъ диво-дивное:
Лѐжитъ тѣло бѣлое, ничѣмъ оно не прикрытое,
Къ етому тѣлу нихто не прѝпахнетца.
Прилетали три птàшки касатыя:
Пѐрва ласкà—рòдная матушка;
Втòра ласкà—родная сѐстрица;
Третья ласкà—молодая жона.
Родная матушка плачѐтъ, какъ рѣка течетъ;
А сѐстрица плачѐтъ, какъ ключà кипятъ;
Молодая жона плачѐтъ, какъ роса падетъ,—
Сонцо взойдетъ—росу высушитъ“.

С. Богучаны, Пинчуж. в. Еф. Мутовинъ.

19.

Гòры вы, гòры, вы Воробьевскія!
„Де ты, ворòнъ, былъ, де, чэренъ, леталъ!“
—„Лѐталъ я, *говоритъ*, ворòнъ, на дикихъ степяхъ,
Видѣлъ я, *говоритъ*, чэренъ, диво-дивное,
Диво дивное, чудо чудное:
Видѣлъ я, *говоритъ*, воронъ, тѣло бѣло, тѣло человѣчецко.
Нихто то къ етому тѣло не приступитца...
Прилетали три пташки касатыя:
Одна пташичка—рòдна матушка;
Втòра пташичка—рòдна сѐстрица;
Третья то пташичка—молода жена.
Рòдна то мать плачетъ, какъ рѣка течетъ;
Сестрица плачетъ, какъ ручьѝ тѐчутъ;
Молода жена плачетъ, какъ роса падетъ,
Сонушко взòйдетъ росу высушитъ“.

д. Кежем. Заимка. Бр. Пудовы.

20.

Матушка Нева рѣка,
Нева рѣка и богатая.
Про тибя то лѐжитъ слава добрая,
Слава добрая, рѣчь хорошая:
У тибя дѐнышко серебряно,
Круты бережки позолочены,
Желты пески скатѐръ зимчугъ;
Скатѐръ зимчугъ разсыпаетца,
Молодецкое серцо разсержаетца,
Невой ту рѣкой похваляетца,
Нева ту рѣка быстро течетъ,
У сырà то дуба коренья рветъ,
Коренья рветъ и зло сердешная.

д. Кежем. Заимка. Е. А. Поповъ, 66 л.

21.

Ужъ ты, батюшко Уралушко,
Прорылъ ты, батюшко Уралъ, крýты горы́,
Крýты горы́ высокія,
До самово-то прорылъ до моря́ до Каспицкова;
Середи то моря́ Каспицкова лѐжитъ сѣръ-горючъ камень,
Подъ камышкомъ лѐжитъ золотая кàзна,
На кàзнѣ то сидитъ красная дѣвица.

д. Кежем. Заимка. Евгр. Ант. Поповъ, 66 л.

22.

Во славнымъ во городѣ и в'Астраганѣ
Появился дѣтинуша, незнамой человѣкъ,
Незнамой и незнакомой, и незнакома голова;
Шедро-шепетко по городу похаживаетъ,
На ёмъ бархатной халатъ, на врастепашочку ево носилъ,
Чэрны плисовы штаны на ево крýтыхъ бедрàхъ,
Чэрна плисова жилетка на ево бѣлыхъ грудяхъ,
Бѣлыя перстятки на ево бѣлыхъ рукахъ,
Козловы́е сапожки на ево рѣзвыхъ ногахъ,
Чэрна шляпа пуховая на одномъ ухѣ лежитъ.
Астраганскимъ то купцамъ онъ не кланяетца;
Астраганскому хубернатору и подъ судъ не йдетъ.
Астраганскій хубернаторъ ево из'окошка увидалъ,
Из'окошка увидалъ, слугъ вѣрныхъ посылалъ:
— „Слуги, вы мои слуги, слуги вѣрные мои,
— По́йдите, приведите и не сколь не меледите!"
Не сколь не медлили—тово часу привели,
Начали дѣтинушку допрашивати:
— „Скажи ка ты, скажи, дѣтина, не утай себя:
Али ты съ Дону казакъ, али казачей сынъ?"
„Я не съ Дону казакъ и не казачей сынъ,
„Я со матушки съ Рассеи—Сеньки Разина сынъ!"

д. Кежем. Заимка. Евгр. Ант. Поповъ, 66 л.

По сюжету подходящіе варіанты имѣются у А. Григорьева („Арханг, былины" и пр., стр. 214, 307). Ближе всего сходна пѣсня „Стенька Разинъ" (Н. Ончуковъ — „Печерскія былины", стр. 155).

23.

Изъ Тазу города шли два татарчѐнка,
Силу то бьютъ, какъ траву кося́тъ,
Просятъ у царя поединшика:
„Гой ты еси, Петрушка, православной царь,
Дай намъ, Петрушка, поединшика
Дай намъ, Петрушка, противника,
А не дашь противника—самъ иди!"

Не злата труба воспротрубилась,
Не серебряна чепочка воспрозыгралась—
Воспроговорилъ нашъ батюшка, провославной царь,
По именю Петръ, по величанню Алексѣевичъ:
„Хто, батъ, мою голову замѣнитъ животомъ своимъ?“
Не изъ пѐрвова ряду, не изъ середнева,
Изъ тово, говоритъ, ряду изъ послѣднева
Выступатъ тутъ дородной доброй молодецъ,
На немъ шубочка баранья навыворотъ
„Разѣ, *говоритъ*, замѣню голову твою животомъ своимъ!
Налевай, *говоритъ*, мнѣ турей рогъ мѐду сладкова,
Налевай ты мнѣ чару зелена вина,
Мѣрную ету чару полтора ведра!“
Принималъ чару единой рукой
Выпивалъ чару на единой духъ.

. . . .

„Сошлись на поединокъ. Татара говорятъ—„ну бей!“ А онъ имя сказалъ: „на зачинающаго самъ Господь подыматца“. Сталъ на мѣсто. Подошолъ татаринъ, ударилъ—онъ стоитъ; другой ударилъ—стоитъ. „Ну ставай на почотно мѣсто!“ Ударилъ—татарина убилъ и другова тоже!“

Вотъ Петра Алексѣевичъ и спрашиватъ молодца: „Чѣмъ я тибя буду чѣствовать-жаловать—сѐлами али деревнями, али городами съ пригородками?“

„Ничево мнѣ ко не надо, говоритъ тотъ, только выведи мово дядю Сенькю Разина изъ „проклятища“. А онъ стало быть ему племянникъ былъ, изъ „осилковъ“ былъ.

„Нельзя, говоритъ царь, онъ на *соборѣ проклянен*ъ.“

д. Кежем. Заимка. Вас. Ив. Сизыхъ, 60 л.

24.

Помутился славной тихой Донъ,
Помѣшался нашъ казачей кругъ:
Не стало въ полку воина,
Въ полку воина, въ полку полковника,—
Сеньки Разина Тимофеича...

„Должно померъ онъ. Болѣ никово не слыхалъ“.

д. Кежем. Заимка. Вас. Ив. Сизыхъ, 60 л.

По словамъ „политическаго“ ссыльнаго (въ с. Монастырскомъ), уроженца Саратовской губерніи, эта пѣсня, въ болѣе полномъ видѣ, поется населеніемъ этой губерніи.

У Терещенко, стр. 22.

25.

Сенка Разинъ.

„Сенкя Разинъ былъ изъ казаковъ изъ до́нскихъ. Когды онъ *предасица* нарочи. Возметъ нитки, какъ лодкѣ быть, и сядутъ въ нее, и подъ нее плеснетъ ложку воды, и поплывутъ изъ острогу по городу, и пѣсни поютъ.—Онъ по нашему, какъ бы, какъ дьяволъ былъ. Стрѣляютъ въ нихъ, стрѣляютъ, стрѣляютъ. „Стой-ко-те!“ кричитъ ево сила. Перестанутъ стрѣлять; они снимутъ съ себя одежды, повытряхнуть пули и отдадутъ назадъ; а сами стрѣляютъ, какъ „прядь“ дѣлаютъ.—Сенкя заговаривалъ отъ пуль.

Слава о его похожденьяхъ и о хорошей жисти у нево была на всю Расею. Вмѣстѣ съ бродяжной, вольной народъ ходилъ къ нему нарачи.

Шелъ кубецъ, двѣ бочки вина положилъ въ лотку. Разинцы остановили. Присталъ. Товары набрасоваютъ, набрасоваютъ себѣ въ добычу. Купецъ смекатъ, такъ весь товаръ выбрасаютъ. „Стойте!“ говоритъ, „братцы, у меня двѣ бочки вина есь“.—„А вино есь! Клади товаръ въ лотку, выкатывай вино-то“.

Какъ пошолъ купецъ, ево лямошникъ снялъ лямку и говоритъ кубцу: „Прощай, не то иду къ Сенькѣ“!..

Приходитъ: „Возьмите миня!“—„А мы такихъ и ищемъ!“—Одѣли ево какъ купца, а стару лопоть побросали въ огонь.

Сенкя Разинъ изъ осилковъ былъ. Померъ своею смертью. Вотъ какъ не стало Сеньки, евонны товаришши пѣли:

„Не спасибо тибѣ, матушка Волга-рѣка,—
„Исподѣлала часты городочки,
„Испоставила крѣпкй караулы...

д. Кежем. Заимка. — В. И. Сизыхъ, 60 лѣтъ.

26.

Какъ у насъ то на светой Русѣ,
На светой то Русѣ, во каменной Москвѣ,
У Ивана то было Великаго, у собора Успенскаго—
Вѐсилось большо́ колоколо, семитышешно.
Какъ ударили въ большо колоколо,
Штобы было слышно-то звонъ по всей землѣ,
По всей то землѣ, по всей каменной Москвѣ,
По всѣмъ улочкамъ и переулочкамъ,
По всей арміе и по всей гвардіе.
Молодой-то солдатъ на часахъ стоялъ,
Со штыкомъ ружье во рукахъ держалъ,
Онъ ударилъ штыкомъ объ сыру землю:
„Ты роздайся-ко, роздайся мать-сыра земля,
„Росколись-ко, росколись гробова доска,

„Ты роскинся-ко, роскинся тафта бѣлая,
„Ты востань-ко, востань православной нашъ царь,
„Православной царь, Александра Павловичъ,
„Посмотритко, посмотри на всю армію, на всю гвардію,—
„У насъ-то нынче не постарому и не попрежнему!“

д. Павловшина, Краснояр. у. Кр. Ст. Еф. Латынцевъ, 65 лѣтъ.

(Поется протяжно въ дни гулянокъ и трезвыми; записана П. Вороновымъ).

27.

Изъ за лѣсу было тёмнова,
Изъ за горъ то было высокихъ
Не бѣла̀ заря занималася,
Не красно сонцо выкаталося,
Это зна̀мечко знаменулося
И на знамечкѣ было написано,
Написано и напечатано,
Напечато на имя царское,
На имя царское, государское.
По утру то, *говоритъ*, йдетъ солдатичекъ,
Идетъ солдатичекъ, шатается
И за ковыль то тра̀вку заплетае(т)ца.
„Што же ты, *говоритъ*, солдатичекъ, состарился,
Состарился ты, *говоритъ*, солдатичекъ, и перестарился?“
— Состарился, говоритъ солдатичекъ, служба царская,
Служба царская и государская.
Есь ли у той у удовушки три сына,
Изъ трехъ то сыновей можно, говоритъ, во солдаты взять:
Бо́льшому бра̀тцу идти не хочется,
А середняво сы́на мнѣ жаль отдать,
А мѐньшому бра̀тцу—Богъ велѣлъ.
Ужъ вы, *говоритъ*, дѣти, вы, мои дѣти,
Вы дѣти и ро́димыя,
По́йдико-те вы вдоль по улочкѣ,
По улочкѣ и по широкою,
И за̀идите ко те вы, дѣти, въ нову кузницу,
И скуй ко те вы, дѣти, по ножичку,
Вы по ножичку и по укладному;
Здѣлай-ко те вы, дѣти, по жѐребью,
Аль вы пойди ко те, вы дѣти, ко синю морю
И брось ко те, вы дѣти, во сине морё“.
Большой братъ метнулъ, *говоритъ*, какъ соколъ летитъ,
Середнѣй братъ метнулъ, какъ корабль бѣжитъ,
Меньшой ко братъ, *говоритъ*, метнулъ, какъ ключъ ко дну.
Меньшой сынъ Ганя прирасплакался,
Прирасплакался и приразгнѣвался:

— Ужъ ты, мать, *говоритъ*, мать, мать родимая,
Ровно я те, говоритъ, нѐ сынъ
И ровно я те, какъ пасынокъ,
А ты, *говоритъ*, будто мнѣ нѐ мать ро́дна,
Нѐ мать родна, а будто мачиха!—

(Неокончена).

д. Кежем. Заимка. Евгр. В. Сизыхъ.

Первыми строфами этой пѣсни начинается одна изъ солдатскихъ пѣсенъ и двѣ „нисщихъ эпическихъ", отмѣченныя А. Соболевскимъ. („Великорус. народ. пѣсни", т. VI, стр. 97. „Пѣсенникъ", 1791. Ibid. т. I, стр. 437. „Пѣсенникъ", 1780 г.; ibid. т. I, стр. 458. Сибирь).

О томъ, что три брата метали „жеребья", чтобы рѣшить кому идти въ солдаты поется въ пѣсняхъ Самарской губ. № 82, Вологодская, №№ 83 и 84, Оренбургская, № 85 (ibid. т. VI, стр. 65—69).

28.

Ласкова привѣтлива се́стрица
Родимова-роднова братца провожала:
„Ужъ ты, *говоритъ*, братенко родимой, на̀чуй у миня ночьку!"
— И радъ бы я у тя начевати три ночи-четыри,
Бо́юсь-опасаюсь восударева указу,
Восударева указу, енеральскова приказу.
Енералушко по городу похаживаетъ,
Во звончевыя во гуслицы поигрываетъ
И свою братью-солдатовъ улещаетъ:
Встань ко те, вы солдатушки, и разбудитесь,
Скидовайте ко вы хресьянскіе кафтаны,
И надѣвайте ко вы солдатскіе мундеры,
Забирайте ко солдатскія фузеи!

д. Кежем. Заимка. Евгр. Сизыхъ.

29.

Мимо славнова городу, мимо Воронина
Пролегала путь-дороженькя торная;
И во длину етой дороженьки ко́нца-краю нѣтъ;
Въ ширину ета дороженькя и не широкая,
И въ глубину ета дороженькя и не глубокая,—
Добру то коню до подбрюшницы,
Доброму молодцу до стремёнъ сѣдла;
Изъ лу́ка-лука̀ дороженьки не перестрѣлити.
Никто по той дороженькѣ не прохаживалъ
И никто по той дороженькѣ слѣда не прокладывалъ.

Шли по той, *говоритъ*, дороженькѣ три шириночки,
Три шириночки и три широкія:
И шли по той дороженькѣ и три полка солдатъ.
Наперётъ то идётъ солдатичковъ горька-пьяница,
Позади идётъ солдатичковъ голь-кабацкая,
И говорила ета голь-кабацкая рѣчи неглупыя
И рѣчи неглупыя, и рѣчи нехорошія:
„За́йдемъ те ко, *говоритъ*, солдатушки, во царевъ кабакъ
И во́зьмемъ те ко, солдатушки, зелена вина,
Зелена вина возьмемъ те ко, солдатушки, на петь сотъ рублей,
А ежели намъ мало покажетца,
То мы возьмемъ на всю тысячу,
А ежели намъ ешшо мало покажетца,
Такъ возьмемъ—сметы нѣтъ.

д. Кежем. Заимка. Евгр. В. Сизыхъ.

Описаніе въ такомъ стилѣ дороженьки встрѣчается въ пѣсняхъ Терской обл. „Пролегала во полѣ дороженька“ (А. Соболевскій, т. VI, стр. 158, № 202) и Самарской губ. „Шириной ты, дорожка, не такъ широка (ibid., стр. 193, № 250), Симбирская губ., Донская и Уральская области (ibid., стр. 253—255).

30.

Молодой солдатъ на часахъ стоялъ,
На часахъ стоялъ призадумался,
Призадумался, призаплакался,
Онъ ударилъ штыкомъ о сы́ру землю:
„Ты раздайся ко, мать сы́ра земля,
И расколися ко, гробова доска:
Всѣ солдатички во строю стоятъ,
Офицерики по своимъ мѣстамъ,
Командеръ скричалъ—„ружже на плечо“!
Всѣ солдатички ружжамъ взбрякали,
Отецъ съ матерью слезно сплакали, (2 р.)
За камышъ травку запиналися
Со отцомъ, съ матерью распрощалися,
Про́щай, тятинька, про́щай, мамонька,
Какъ ишшо прощай, жена лютая,
Жена лютая, подколодная,
Какъ ишшо прощайте, красны дѣвушки,
Всѣ дружья мои товарищи“.

С. Ужуръ. Отъ рекрута Ег. Аѳ. Ананьина.

31.

Со́ловъ-соловеюшко, ты куды же лѐтишь,
Куды тибя Богъ несетъ?
—Я лѐчу, лѐчу, лѐчу, лѐчу соловеюшко,
Лѐчу черезъ рѣченьку, черезъ быструю,
Черезъ быструю, черезъ сы́рой боръ,
Лѐчу въ Питенбуръ въ городъ,
Лѐчу въ мелкую рощицу.
Въ мелкой рощицѣ не соко́лъ леталъ,
Не соко́лъ леталъ, а енералъ гулялъ,
Не одинъ гулялъ съ енеральшою,
А молодой солдатъ на часахъ стоялъ,
Стоялъ, ружжо доржалъ, артикулъ металъ
И самъ онъ выговаривалъ:
„Сторона ли моя, ты сторонушка,
„Сторона моя незнакомая"!

д. Каменка Пинч. в. Аѳ. К. Кокоринъ.

32.

Съ вечера но́годушка подымалася,
Со полуночи бѣлы́ снѣжки́ вы́падали,
Къ утру-свѣту три дороженьки пролегали;
И никто то, никто по етимъ по дороженькямъ,
Ни́кто не йдетъ и не гуляетъ.
Тутъ шли-прошли, по етимъ дороженькямъ,
Три полка солдатъ и три́ шириночки,
И промежу собой ети солдатушки рѣчь говорили:
„Ищо чья ета пашенкя сто́итъ, новая пашня, недопаханная?
„Ищо чьи ети малыя дѣтушки-сиротушки?"

д. Кежем. Заимка. Евгр. Поповъ, 66 л.

А. Макаренко.

(Продолженіе слѣдуетъ.)

Изъ якутской старины.

Въ числѣ собранныхъ г. *М. Овчинниковымъ* легендъ, сказокъ и преданій у якутовъ (см. „Этнографическое Обозрѣніе“, 1897 г., № 3: Изъ матеріаловъ по этнографіи якутовъ) имѣется небольшой разсказецъ о нѣкоемъ якутѣ Доюдусѣ. Изъ моихъ разспросовъ на мѣстѣ выяснилось, что въ названномъ разсказѣ рѣчь идетъ о якутѣ Нахарскаго наслега Восточно-Кангаласскаго улуса Якутскаго округа, по имени Додојус. Въ 1901 году мною былъ записанъ объ этомъ Додојус'ѣ варіантъ разсказа со словъ *М. Н. Андросовой* (природной якутки), а въ 1902 году воспитанникъ Якутскаго реальнаго училища *А. А. Наумовъ* доставилъ мнѣ записанную имъ (частію по-якутски) „біографію“ того же лица, подъ заглавіемъ: Дохсун Додујус. Желая подѣлиться съ читателями „Живой Старины“ имѣющимися у меня матеріалами объ одномъ изъ героевъ якутской старины, считаю небезполезнымъ, для полноты картины, предпослать своимъ сообщеніямъ разсказъ г. Овчинникова съ необходимыми поправками и поясненіями въ выноскахъ.

I.

Доюдусъ [1]).

Въ Бостонскомъ [2]) улусѣ Якутскаго округа жилъ князь Доюдусъ. Онъ имѣлъ 4 жены. Каждый годъ, когда наступало лѣто, Доюдусъ праздновалъ ысэхъ [3]) и приглашалъ гостей на этотъ праздникъ. Въ то время, когда гости съѣзжались всѣ, онъ приказывалъ своимъ женамъ являться въ чемъ мать родила; раздѣвался, между прочимъ, и самъ, приказывалъ то же дѣлать гостямъ безъ различія пола и возраста, и если кто не подчинялся этому, того били кулуты [4]) жестоко. Здѣсь разыгрывались страсти, и послѣ этого родившіяся дѣти не знали своихъ отцовъ. Пиры эти оканчивались тѣмъ, что Доюдусъ приказывалъ съ живыхъ жеребца и быка снимать шкуры и пускать ихъ въ стадо коровъ и кобылицъ.

Если случалось, что работники Доюдуса не въ состояніи были накосить столько сѣна, сколько надо было ему, тогда онъ призывалъ оюновъ [5]), чтобы тѣ просили для него косарей у Тангара (главное божество, живущее на 7-мъ небѣ [6]). Но такъ какъ Тангара не да-

---

[1]) Въ академическомъ правописаніи: Дојудус.

[2]) Такого улуса нѣтъ ни въ одномъ изъ пяти округовъ Якутской области, и слово „бостонскомъ“ есть, очевидно, неправильно прочтенное слово „восточномъ“ (т. е. восточно-кангаласскомъ).

[3]) *Ысых* — кумысный праздникъ.

[4]) *Кулут* — рабъ, холопъ.

[5]) *Ојун* — шаманъ.

[6]) *Тангара*—божество вообще; въ данномъ мѣстѣ разумѣется, очевидно, Бѣлый Создатель Господинъ (*Ӱрӱнг Ајы Тојон*), обитающій, по *Горохову*, на седьмомъ небѣ (см. Изв. Вост.-Сиб. Отд. И. Р. Г. О., т. XV, №№ 5—6: Юрюнгъ-Уоланъ. Якутская сказка, стр. 44).

валъ своихъ косарей, то Доюдусъ билъ шамановъ. Разъ у Доюдуса явилось желаніе женить своего сына на дочери Хара Соронъ [1]), а дочь свою отдать въ жены сыну Хара Сорона. Понятно, желаніе Доюдуса, передаваемое Сорону черезъ оюновъ, платившихся жестоко своими спинами, не исполнялось, потому что Хара Соронъ не хотѣлъ породниться съ Доюдусомъ. Наконецъ, нашелся одинъ оюнъ, который шаманилъ 9 сутокъ. Шаманство [2]) на этотъ разъ было успѣшное, потому что Хара Соронъ согласился спустить съ неба своего сына и дочь, которые поѣхали къ Доюдусу на вороныхъ коняхъ. Оставивъ ихъ на дворѣ, они вошли въ юрту, гдѣ жилъ Доюдусъ, прошли около камелька не съ правой стороны, а съ лѣвой, какъ злые духи. Доюдусъ, увидѣвъ гостей, сталъ просить ихъ, чтобы они удалились обратно, но гости не послушались, и всѣ находившіеся въ юртѣ уснули.

II.

Додоjус.

Въ Нахарскомъ *(Нāхра)* наслегѣ Восточно-Кангаласскаго улуса жилъ богатый и важный якутъ по имени *Додоjус*. Захотѣлось *Додоjус'у* породниться съ *Улӯтоjон'омъ*, т. е. сына своего женить на его дочери, а свою дочь выдать за его сына. Призвавъ шамана, *Додоjус* требовалъ отъ него устроить это дѣло. Шаманъ долго отказывался,— наконецъ, объявилъ, что въ 16-й вечеръ девятаго мѣсяца [3]) желаніе *Додоjус'а* исполнится и что къ этому вечеру онъ долженъ приготовиться. Въ назначенный день на дворѣ у коновязи появилось такое множество всадниковъ, что отъ дыханія ихъ лошадей стоялъ туманъ. Затѣмъ, въ юрту, въ *хаппаччы* [4]) влетѣло два огненныхъ глаза въ видѣ мячиковъ (это были глаза сына *Улӯ тоjон'а*), а на *біllipik* [5]) юрты точно такіе же два глаза (это были глаза дочери *Улӯ тоjон'а*). *Додоjус* сильно испугался и сталъ просить шамана избавить его отъ гостей. На это шаманъ отвѣтилъ, что онъ въ этомъ случаѣ ничего не можетъ сдѣлать: *Додоjус* самъ хотѣлъ всего этого, и вотъ исполнилось его желаніе. Послѣ этого (имя рекъ) сошли съ ума [6]).

III.

Дохсун Додуjус.

Въ Нахарскомъ наслегѣ жилъ нѣкогда якутъ по имени *Додуjус*. Прозвище *Дохсун* [7]) онъ получилъ впослѣдствіи потому, что былъ

---

[1]) Очевидно, это — Хара Суорун, братъ *Улӯ тоjон'а*, главы небесныхъ абāсылар'овъ или злыхъ духовъ.

[2]) Какъ извѣстно, терминомъ шаманство принято обозначать опредѣленный видъ исповѣдуемой нѣкоторыми народами первобытной религіи, въ разсказѣ же рѣчь идетъ о священнодѣйствіи шамана или *камланьи* (камлать значитъ шаманить; происходитъ отъ слова камъ — шаманъ).

[3]) *Тохсунjу ыі* — январь-февраль.

[4]) *Хаппаччы* — спальный чуланъ для дѣвушки, дочери хозяина.

[5]) *Біllipik* — красная лавка.

[6]) Къ сожалѣнію, имена лицъ, сошедшихъ съ ума, г-жа Андросова опредѣленно назвать не могла. Сопоставляя этотъ разсказъ съ разсказомъ Овчинникова, надо думать, что пострадала, прежде всего, семья *Додоjус'а* или даже „всѣ, находившіеся въ юртѣ“.

[7]) *Дохсун*—горячій, пылкій, наглый, дерзкій, забіяка.

своенравенъ; онъ считался какъ бы царемъ этого наслега и даже другихъ. У него было безчисленное множество рогатаго и коннаго скота. Будучи такимъ богачемъ, какого не было нигдѣ у якутовъ того времени, онъ вмѣстѣ съ тѣмъ сталъ ихъ полнымъ властелиномъ, сдѣлавши ихъ своими работниками. *Додујус* самъ не смотрѣлъ за своимъ скотомъ, а отдавалъ для присмотра всему наслегу. Не довольствуясь своимъ простымъ жилищемъ, *Додујус* задумалъ построить такой домъ, какого не было ни у кого и который отличался бы своей величиной. Въ виду этого, онъ приказалъ наслегу приготовить для его дома (юрты) двѣнадцать основныхъ столбовъ изъ вырванныхъ съ корнями цѣльныхъ лѣсинъ со срубленными вершинами. Якуты, зная крутой нравъ *Додујус'а*, поневолѣ должны были исполнить его требованіе, иначе ихъ ожидало страшное наказаніе. Во время обдѣлки столбовъ *Додујус* выходилъ и спрашивалъ у кого-либо изъ работающихъ, что онъ дѣлаетъ; если тотъ отвѣчалъ ему, что готовитъ столбы для дома своего господина, то онъ его засѣкалъ до безпамятства. Затѣмъ подходилъ къ другому работнику и задавалъ тотъ же вопросъ; если работникъ отвѣчалъ, что дѣлаетъ *тäбiäх* [1]) для могилы *Дохсун Додујус'а*, то онъ билъ себя по бедрамъ, хохоталъ и хвалилъ такого работника. Иногда выходилъ и спрашивалъ у кого-либо изъ работающихъ, хватило ли у него провизіи; если тотъ отвѣчалъ, что не хватило, то *Додујус* заставлялъ другого работника убить у того на провизію послѣднюю его скотину: быка, корову или лошадь. Между прочимъ, *Додујус* былъ страшно требователенъ и заставлялъ исправлять самое мелкое упущеніе въ выполненіи работы.—Когда столбы были окончены и нужно было копать для нихъ ямы, то, во время копанья ямъ, *Додујус* также выходилъ и спрашивалъ у какого-либо работника, что онъ дѣлаетъ; если тотъ отвѣчалъ, что дѣлаетъ ямы для столбовъ дома своего господина, то *Додујус* засѣкалъ того до безпамятства. Спрашивалъ, затѣмъ, у другого работника, и если этотъ отвѣчалъ ему, что дѣлаетъ могилу для *Дохсун Додујус'а*, то онъ становился веселымъ, билъ себя по бедрамъ, хохоталъ и прыгалъ.

Наконецъ, домъ былъ совершенно оконченъ. Собственно это былъ не домъ, а какой-то громадный сарай, въ которомъ стояли осѣдланныя лошади. Въ домъ можно было въѣхать верхомъ на лошади съ поднятымъ вверхъ кнутомъ, и то нельзя было достать до потолка, — такъ высоко было зданіе. Въ первой половинѣ дома на правомъ *біllipiк'ѣ* всегда у него находился пѣвецъ, на лѣвомъ — сказочникъ; въ концѣ дома, на правомъ *біllipiк'ѣ* находился *мäнäpiк* [2]), а на лѣвомъ, за печкой — шаманъ. Если изъ нихъ кто-либо понравится ему, того миловалъ, а если кого не взлюбитъ, то билъ до смерти. Самымъ любимымъ его развлеченіемъ было слѣдующее. Онъ собиралъ со всего наслега всѣхъ женъ, дочерей, невѣстокъ;

[1]) *Тäбiäх*—наружный гробъ въ родѣ дощатой обложки съ дномъ, сколачиваемый въ самой могилѣ поверхъ обыкновеннаго гроба, въ которомъ лежитъ трупъ.

[2]) *Мäнäpiк*—субъектъ, одержимый особымъ нервнымъ разстройствомъ, заступающій иногда мѣсто шамана; терминъ относится одинаково какъ къ мужчинамъ, такъ и къ женщинамъ.

выбравши изъ нихъ по пять лучшихъ, раздѣвалъ ихъ догола, расчесывалъ имъ волосы и, пустивши съ ними одного мужчину въ такомъ же видѣ, смотрѣлъ на нихъ, какъ на табунъ кобылъ, ходящихъ съ однимъ жеребцомъ. Такихъ табуновъ у него было около 15—16. Пустивши эти табуны, онъ самъ ходилъ каждый день съ кнутомъ въ рукѣ и слѣдилъ за своими мнимыми жеребцами: если, напримѣръ, замѣтитъ, что мужчина не исполняетъ обязанностей жеребца, то стегалъ того кнутомъ до́ смерти, говоря, что онъ въ жеребцы не годится, а если тотъ на его глазахъ исполнялъ эти обязанности, то такого ласкалъ, смѣялся отъ радости и говорилъ: «хорошій жеребецъ, плодовитый будетъ!» А потомъ, наглядѣвшись досыта, самъ раздѣвался, шелъ къ табунамъ, изображая изъ себя чужого жеребца, и дрался съ «жеребцами» тѣхъ табуновъ. Если, бывало, онъ кого побѣдитъ, то добиваетъ до̀ смерти и еле живого выгоняетъ изъ табуна, а если его кто побѣдитъ и задастъ ему хорошую трепку, того онъ ласкалъ и говорилъ: «ай, да мой жеребецъ! онъ годится въ жеребцы!» Другое его развлеченіе состояло въ слѣдующемъ. Онъ до того былъ богатъ, что не зналъ, сколько у него головъ коннаго и рогатаго скота, а потому онъ его не жалѣлъ, истязалъ и мучилъ. Заставлялъ, напримѣръ, привести себѣ трехъ жеребцовъ, привязывалъ къ столбу и выкалывалъ имъ глаза, а потомъ отпускалъ ихъ на волю, чтобы они дрались между собою Они, конечно, драться не могли и, наткнувшись на острый конецъ жерди, издыхали со стонами, отъ которыхъ *Додујус* приходилъ въ восторгъ. Третье развлеченіе: заставлялъ привести трехъ порозовъ (быковъ), связывалъ имъ ноги, а потомъ, содравши съ нихъ кожу, пускалъ на волю; пороза отъ боли мычали на разные лады, а онъ отъ этого опять же приходилъ въ восторгъ. Четвертое развлеченіе: заставлялъ привести кобылицу съ жеребенкомъ, обрубалъ ей ноги до колѣнъ, а жеребенка заставлялъ отгонять отъ матери, и кобылица ползла къ своему жеребенку, ступая обрубленными ногами.. Пятое развлеченіе: собиралъ каждую ночь по 12 шамановъ, требуя, чтобы они привели ему сверху дочь аба̄сы [1]), на которой онъ хочетъ жениться: онъ не довольствуется-де женщинами земными, и ему нужно имѣть женщину неземную. Такъ какъ шаманы этого исполнить не могли, то онъ выпускалъ ихъ изъ дому чуть живыми. Никто изъ шамановъ его наслега не могъ достать ему дочь аба̄сы, и это его слишкомъ огорчало. Онъ заставлялъ догонять на конѣ всякаго проходившаго мимо его дома и приводить къ себѣ, затѣмъ спрашивалъ, чѣмъ тотъ, главнымъ образомъ, занимается, и если это былъ шаманъ, то заставлялъ шаманить съ цѣлью достать дочь аба̄сы; если же тотъ не могъ выполнить требованія, то билъ до обморока, говоря: „какой же ты шаманъ, если не можешь вести разговоръ съ дочерью аба̄сы?“ И вотъ, наконецъ, одна шаманка, по имени *Бäдäрда̄х удаҕан* [2]), взявшая въ руки бубенъ и начавшая шаманить на 14-омъ году отъ роду, заказываетъ *Додујус*'у, что она можетъ достать ему въ жены дочь аба̄сы. Онъ обрадовался такому извѣстію и послалъ за шаман-

---

[1]) *Аба̄сы кы̄са*—злой духъ женскаго пола; о мужчинѣ, у котораго бываютъ любострастныя сновидѣнія, говорятъ, что онъ женатъ на дочери аба̄сы.
[2]) Шаманка, обладающая рысью (животнымъ).

кой человѣка, чтобы тотъ привелъ ее. Пріѣхавши, она шаманила девять дней и девять ночей. Наконецъ, *Додујус* вышелъ изъ терпѣнія и приказалъ своимъ, чтобы они сняли съ нея одежду и отстегали ее: „она смѣется надо мной! неужели за девять сутокъ она не можетъ вызвать дочь абасы?“ И обратился онъ къ шаманкѣ съ слѣдующими словами: „Я привелъ тебя сюда, чтобы ты достала мнѣ дочь абасы, а то иначе—трижды взгляни въ сторону солнца (т. е. попрощайся съ видимымъ міромъ)!“ Шаманка отвѣтила на это, что она „уже видѣлась и разговаривала съ дочерью абасы и что та назначила время, когда она спустится; именно она сказала, что спустится въ восьмомъ мѣсяцѣ и будетъ у тебя въ полнолуніе“. *Додујус* очень обрадовался, сдѣлалъ шаманкѣ множество подарковъ и отослалъ назадъ, домой, съ условіемъ, чтобы она въ назначенное время снова пришла сюда и спустила бы съ неба дочь абасы. За три дня до срока она наказала, чтобы онъ приготовлялся, такъ какъ придутъ сваты и сватьи, для которыхъ онъ долженъ приготовить угощеніе. Тогда онъ приказалъ якутамъ своего наслега, которые присматривали за его скотомъ, чтобы они приготовили для гостей обильное угощеніе, не жалѣя его богатства. Наканунѣ назначеннаго дня шаманка послала къ *Додујус'у* за лошадью для себя. Когда она пріѣхала, то *Додујус* посадилъ ее на правомъ *біllірік'ѣ*, какъ почетную гостью, и угостилъ ее. Наѣвшись-напившись досыта, шаманка заявила, что будетъ шаманить на мѣстѣ и что дочь абасы явится, когда солнце покажется изъ-за лѣса. Потомъ приказала *Додујус'у* одѣться въ самую лучшую одежду, какой онъ никогда не надѣвалъ. Онъ надѣлъ рысью даху, а потомъ, въ качествѣ жениха, долженъ былъ сѣсть на правомъ *біllірік'ѣ*, шаманка же шаманила до восхода солнца. Надѣвши даху, *Додујус*, никогда не во время не дремавшій, вдругъ началъ дремать. Какъ только онъ начиналъ засыпать, шаманка тотчасъ же заставляла будить его, чтобы онъ не пропустилъ свою невѣсту, а ее нужно было непремѣнно встрѣчать.

— *Додујус*, стали показываться головы лошадей сватниныхъ, поставь для встрѣчи возлѣ коновязнаго столба девять парней, стройныхъ, какъ журавли!

— Старикъ, — сказала шаманка, — ты пропустилъ, опоздалъ поставить людей. Она сильно сердится на тебя. Иди за мной!

Люди вбѣжали и сказали:

— Сваты прибыли-спустились, лошади у нихъ краснопѣгія, полонъ дворъ!

По приказу *Додујус'а* и шаманки открыли двери. *Додујус*, держась за полу одежды шаманки, пошелъ по направленію къ сѣнямъ. Вдругъ онъ дернулъ и остановилъ шаманку; та спросила, видитъ ли онъ свою невѣсту. Онъ увидѣлъ у коновязнаго столба огонь величиною съ урасу, которая была въ трехъ краскахъ: нижняя часть—красная, средняя—синяя, а верхняя—бѣлая. Увидѣвъ такое страшилище, онъ вдругъ растерялся и закричалъ во все горло людямъ, чтобы они пришли и спасли его, ибо онъ умретъ при видѣ такого страшилища. Прибѣжали люди, взяли его и положили на правый *біllірік*. Тутъ *Додујус* сталъ просить шаманку отпустить назадъ

этихъ страшныхъ гостей, объясняя, что онъ не можетъ жить съ дочерью абасы, такъ какъ она не по немъ. Шаманка вышла и сказала слѣдующее:

— Вашъ женихъ боится. Большеголовый якутъ-урянхаецъ не вынесъ вашего дыханія.

На это дочь абасы отвѣтила:

— *Дохсун Додујус*, взявши меня въ жены, введши въ домъ свой, спряталъ свое блестящее лицо. Этого *Додујус'а*, будь то его люди, будь то его скотъ, разорю прежде, чѣмъ исполнится три года, вовѣкъ не дамъ ему видѣть потомства. Сдѣлаю такъ, что твое дымовое отверстіе закуржевѣетъ, окна твои заиндевѣютъ, восемь основныхъ столбовъ твоего дома разойдутся въ разныя стороны. Этимъ я дамъ знать о себѣ!

Послѣ сихъ словъ она поднялась на свое мѣстожительство.

Съ этого времени у *Додујус'а* богатство начало „изнахрачиваться", т.-е. пропадать, а люди отъ разныхъ болѣзней вымирать. По прошествіи трехъ лѣтъ у него осталось лишь нѣсколько скотинъ, а впослѣдствіи и самъ онъ умеръ. Съ того времени шаманы начали воспѣвать его во время камланья.

Говорятъ, былъ еще вотъ какой случай. Когда *Додујус* бралъ первую жену, то во время свадьбы происходило состязаніе между его якутомъ и якутомъ тестя въ томъ, кто изъ нихъ больше съѣстъ. Во всемъ, что ни ѣлъ якутъ его тестя, онъ превосходилъ прожорливостью *Додујус'*ова якута. Ѣли они много мяса и масла, а первый все опережалъ послѣдняго. Наконецъ, якутъ тестя сказалъ, что онъ съѣстъ 50 карасей за время, пока упадетъ на землю пущенная стрѣла. И вотъ одинъ якутъ натянулъ лукъ и пустилъ стрѣлу, а якутъ тестя успѣлъ съѣсть всѣ 50 штукъ карасей, оставивши только кости.

Эд. Пекарскій.

21. V. 1907 г.

Печорскіе стихи и пѣсни.

(*Продолженіе*).

6.

Мученія Егорія.

У царя было да какъ у Ѳёдора,
Родилося да какъ два отрока,
Какъ два ётрока, какъ двѣ доцери,
Третей родился Егóрей свѣтъ.
Повезли Егóрья во цюжу землю,
Во цюжу землю да во невѣрную,
Стали Егорья выспрашивать,
Стали у Егорья вывѣдывать:
„Ты кому, Егорей, вѣру вѣруешь?
Ты кому, Егорей, Богу молишсе?“
—Вѣру вѣрую руды Даниловськой,
А молюся Богу—самому Христу,
Самому Христу царю небесному.—
Повезли Егорья на огни жогчи;
Свѣтъ-то Егорей на огни сидитъ,
На огни сидитъ, да самъ стихи поётъ
Стихи поётъ да Херувимскія,
Глáзы возноситъ по верхангельски.
Тутъ и царищо осержаеться
Дивьянишшо да оспилуетьсе
Приказалъ Егорья на огни топить.
Свѣтъ-то Егорей по-воды пловётъ.

7.

Мученія Егорія [1]).

У царя было ю Ѳёдора,
Родилося два ётрока,
Два ётрока—да двѣ дочери,
Третéй родился Егорей-свѣтъ.

---

[1]) Шальковъ Николай Петровичъ, 80 л.; село Великая Виска, Пустозерской вол.

Сталъ-то Егорей дваццети недѣль,
По суду по божьему—дваццети годовъ;
Прозналъ царишшно Демьянищо,
Тутъ-то царищо воспылаетца:
Русскую силу да въ пень повырубилъ,
Царя Ѳедора да подъ мецъ склонилъ,
Егорья-свѣта съ собой увёлъ,
Съ собой увёлъ онъ во свою землю.
Сталъ-то Егорья допрашивать:
„Ужъ-ты ой есь, Егорей да свѣты храбрые!
Ты каку, Егорей, да вѣру вѣруешъ?
Ты какимъ, Егорей, да богамъ молишсе?
Вѣруй ты вѣру нашу жидовскую,
Ты молись богамъ нашимъ-идоламъ".
Тутъ-то Егорей да возглаголуётъ:
—Я не вѣрую вѣру вашу жидовскую,
Не молюсь богамъ вашимъ идоламъ—
Молюсь я Спасу да Вседержителю
Присвятой Матерь Богородицы".—
Тутъ-то царищо осержаитца,
Демьянищо да воспылуитца,
Приказалъ Егорья въ топоры рубить;
Не добры Егорья топоры не берутъ,
Отъ свѣта-Егорья топоръ сыплютца,
По насадкомъ топоръ изломаютца,
Святой Егорей стихи поётъ,
Стихи поётъ онъ херувимскія,
Гласы возноситъ по ангельски
По ангельски и по ярхангельски;
Тутъ-то царищо осержаитца,
Демьянищо да воспылуицта,
Приказалъ Егорья во пилы пилить;
Не добры Егорья пилы не берутъ,
Отъ свята Егорья пилы сыплютца,
И о зубамъ пилы вси изщербаютца,
Святой Егорей стихи поётъ,
Стихи поётъ херувимскія,
Гласы возноситъ по ангельски,
По ангельски и по ярхангельски;
Тутъ-то царищо да осержаитца,
Демьянищо да воспылуитца,
Приказалъ Егорья на воды топить;
Недобры Егорей на воды не тонетъ,
Святой Егорей на воды пловётъ,
На плиты пловётъ, да самъ стихи поётъ,
Стихи поётъ по ангельски,
Гласы возноситъ по ярхангельски;
Тутъ-то царищо осержаитца,
Приказалъ Егорья на огнѣ жогчи,
Недобре Егорей на огнѣ не горитъ,

Святымъ Егорьемъ вода текётъ,
И вода текётъ и трава ростётъ,
Святый Егорей стихи поётъ,
Стихи поетъ по ангельски,
Гласы возноситъ по архангельски;
Тутъ-то царищо осержаитца,
Демьянищо да воспылуитца,
Приказалъ Егорея во погребъ садить,
Во глубокъ погребъ да сорока саженъ,
Сорока саженъ да сорока локотъ;
Посадили Егорья да во глубокъ погребъ,
Закрывали плитьёмъ залѣзнымъ,
Закатали сѣрымъ горючимъ каменьёмъ,
Зарывали хрещомъ да мелкимъ песочкомъ,
Тутъ-то царищо да приговариватъ:
„Полно Егорей да на свѣту бывать,
На бѣломъ свѣту, на светой Руси,
Не слыхать-тѣ звону колокольнёго,
Не цитать четья-пѣнья церковнаго“.
По Божьей-то было милости,
По Егорьевой-то большой участи,
Подымалась туча да темно-грозная,
Темно-грозна туча да со падéрою,
Разнесло хрещи-пески сыпучія,
Раскатало сѣры горючи каменьё,
Размѣтало плитьё залѣзное,
Вышолъ Егорей на бѣлой свѣтъ,
На бѣлой свѣтъ—на светую Русь.

8.

Никола-Святитель [1]).

Светитель, отецъ ты нашъ Микола,
Миракритской Чудотворецъ,
Опочиваютъ твои мощи
Въ славномъ ти Баргъ градѣ,
Въ невѣрной страны въ нѣмцахъ,
Во земли въ турской,
Твои велики чудеса
У насъ на святой Руси.
Пишемъ мы образъ твой
На чесну икону,
Украшаемъ серебромъ,
Краснымъ золотомъ,
Жемчугомъ окатистымъ,
Другученнымъ камень мъ,

---

[1]) П. Г. Марковъ.

Твоему чесну образу,
Церкви содвигаемъ,
Служимъ-те светителю,
Всё чесны молебны,
Просимъ у светителя
Всё Божьей милости.
Въ бѣдахъ и напастяхъ
Ты, свѣтъ, сохраняешь,
По морю плаваешь, свѣтъ,
Враговъ прогоняешь,
Въ лѣсѣ заблудящіихъ
На путь наставляешь,
Во тюрьмы сидящихъ
Всегда посѣщаешь,
Болѣзни лежащихъ
Ты, свѣтъ, исцѣляешь.
Слава Христу нашему
Со своимъ угодникомъ,
Съ Миколой Светителемъ.
Честь Христу слава
Во вѣки вѣкомъ.—Аминь.

Н. Ончуковъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

ОТДѢЛЪ III.

Библіографія.

Къ свѣдѣнію гг. авторовъ.

О книгахъ, брошюрахъ и оттискахъ статей этнографическаго характера, присланныхъ въ редакцію „Живой Старины“ (И. Р. Геогр. Об-во у Чернышева моста, съ надписью „для рецензіи“), кромѣ напечатанія ихъ списка, сотрудниками будутъ даваться рецензіи.

Труды второго областного Тверского Археологическаго Съѣзда 1903 года, 10—20 августа. Изд. Тверской Ученой Архивной Комиссіи. Тверь. 1906.

Въ этомъ огромномъ (болѣе 1200 стр.) томѣ этнографъ, историкъ и археологъ найдетъ очень много цѣннаго матеріала. Вначалѣ помѣщена исторія и обозрѣніе работъ второго областного въ г. Твери Съѣзда. Въ каталогѣ Археологической выставки имѣется цѣлый рядъ указаній на мѣстонахожденіе интересныхъ для многихъ спеціалистовъ предметовъ. На стр. XXXI—LXXXVI помѣщенъ дневникъ Съѣзда, съ которымъ читателю того или иного доклада приходится справляться, такъ какъ здѣсь записаны пренія, возникавшія по поводу даннаго доклада. Здѣсь же помѣщено и описаніе экскурсій, совершенныхъ участниками Съѣзда въ разныя мѣста Тверской губ.

Далѣе слѣдуетъ текстъ докладовъ. Изъ 58 прочитанныхъ на засѣданіяхъ Съѣзда докладовъ въ „Трудахъ“ напечатано 50. Изъ остальныхъ докладовъ нѣкоторые появились въ другомъ мѣстѣ, нѣкоторые еще не напечатаны. Всѣ доклады распредѣлены по отдѣламъ: I. Первобытныя древности—10 докладовъ; II. Областная исторія. Памятники гражданской старины — 18 докладовъ; III и V. Живая старина. Областная этнографія—5 докладовъ; IV. Областная исторія. Памятники церковной старины—11 докладовъ; VI и VII. Архивныя Комиссіи и Архивовѣдѣніе.

Отдѣлы III и V, занимающіе 125 стр., содержатъ пять слѣдующихъ докладовъ: „Изъ міра исчезающихъ обрядовъ и обычаевъ“ А. Г. Первухина; „Свадебныя причитанья Костромского края со стороны содержанія и формы“ В. А. Андроникова; „Свадебные крестьянскіе обычаи, пѣсни и приговоры, записанные въ Рыбинской вол., Бѣжецкаго у., Тверской губ.“ В. Н. Мальковскаго; „Замѣтка о ку-

ричьемъ богѣ въ Костромской губ." Н. М. Бекаревича и „О народномъ орнаментѣ финскихъ племенъ" д-ра А. О. Гейкель. Три первыхъ доклада (занимающіе 114 стр.) посвящены болѣе или менѣе детальному описанію свадебныхъ обрядовъ въ различныхъ мѣстностяхъ Ростово-Суздальской области.

Свадебный ритуаль почти вездѣ еще сохранился въ большей или меньшей степени неповрежденности. Его сопровождаетъ значительное количество пѣсенъ, причетовъ и наговоровъ. Матеріалъ для записей обильный — что обыкновенно и соблазняетъ начинающихъ собирателей. Но, при всемъ обиліи этого рода матеріала, въ немъ мало чего либо новаго, такъ какъ описаній свадебъ существуютъ буквально десятки для каждой губерніи. Авторы названныхъ выше докладовъ даже не дали себѣ труда справиться съ литературой о свадьбахъ въ данной мѣстности; а сдѣлать это было бы и нетрудно и далеко нелишне. Они или описываютъ по порядку все видѣнное и слышанное на одной свадьбѣ (гг. Первухинъ и Мальковскій) или сводятъ въ томъ же хронологическомъ порядкѣ матеріалы, записанные на пространствѣ цѣлой губерніи (г. В. Андрониковъ). Получается работа, пригодная почти что только для географіи обряда, пѣсни, причета и т. д.

Почти незатронутый вопросъ о такъ называемыхъ „куричьихъ богахъ" пытается разрѣшить, нынѣ уже покойный, археологъ и этнографъ Н. М. Бекаревичъ. Но, по недостаточности собранныхъ данныхъ и неправильной постановкѣ, вопросъ такъ и остается нерѣшеннымъ, ожидая дослѣдованія и привлеченія новыхъ матеріаловъ. Кромѣ того нельзя не отмѣтить, что авторъ пользуется довольно недостовѣрными источниками, не дѣлаетъ точныхъ ссылокъ и, повидимому [1]), упустилъ изъ виду большую статью доктора М. Н. Комарова, посвященную тому же вопросу.

Небольшая ($2^1/_2$ стр.) работа др. Гейкеля находится въ связи съ демонстрированіемъ имъ около 200 головныхъ уборовъ съ узорами, собранныхъ въ корельскихъ селеніяхъ Тверской губ. Характеризуя узоры, авторъ останавливается на трехъ мотивахъ орнамента: 1) изображеніе дерева съ животными по сторонамъ; 2) свастика и 3) рѣшетчатый или сѣтчатый, арабескообразный и звѣздчатый орнаментъ. Эти орнаменты, по мнѣнію д-ра Гейкеля, являются типичными для финскихъ племенъ.

Въ докладахъ I отдѣла читатель найдетъ цѣлый рядъ данныхъ по матеріальной культурѣ первобытныхъ насельниковъ Ростово-Суздальской области. Изъ II отдѣла слѣдуетъ отмѣтить доклады А. И. Соболевскаго „Названія озера Селигера въ связи съ вопросомъ о праславянской родинѣ"; Н. Н. Овсянникова „О Новгородскомъ и Московскомъ культурномъ вліяніи на Тверь въ эпоху самостоятельности Тверского княжества"; М. В. Рубцова „Деньги великаго княжества Тверского"; В. И. Колосова „Къ исторіи Тверского Музея";

---

[1]) Я говорю, повидимому, такъ какъ изъ словъ Н. М. Бекаревича нельзя понять цитируетъ онъ эту статью, или же опирается на краткое сообщеніе того же автора.

А. И. Струженскаго „Очерки къ исторіи медицины въ Россіи" и А. С. Мадуева „Вновь записанныя легенды о Стенькѣ Разинѣ". Изъ IV отдѣла—докладъ Н. Г. Первухина „Стѣнописныя композиціи въ церковныхъ галлереяхъ г. Ярославля". Въ VI отдѣлѣ — В. Н. Перетца „Къ вопросу о раціональномъ описаніи древнихъ рукописей" и А. Ѳ. Селиванова „Къ исторіи изученія Тверской губерніи".

Н. В—въ.

Извѣстія Таврической ученой архивной Комиссіи (годъ двадцать первый) № 40. Подъ редакц. правителя дѣлъ Арсенія Маркевича. Симферополь, 1907. 115 стр.

Въ этомъ выпускѣ болѣе интересныя для насъ: работы находятся въ концѣ. Замѣтка свящ. Н. Саркина „Татарско-Мусульманскія преданія, касающіяся пророка Давида и Вирсавіи" даетъ два текста татарской легенды о грѣхопаденіи Давида. Болѣе интересенъ первый варіантъ, взятый изъ написанной въ 809 г. гиджры на джагатайскомъ нарѣчіи книги „Разсказы о пророкахъ". Другой крымско-татарскій варіантъ приведенъ въ подлинникѣ и переводѣ.

А. Кашпаръ въ статьѣ „Императоръ Александръ I—пахарь въ окрестностяхъ Глубокой въ Чехіи" сообщаетъ чешскія пѣсни и преданія, имѣющія своимъ сюжетомъ пребываніе Александра I въ окрестностяхъ чешскихъ Будѣйовицъ (Будвейсъ—городъ въ южной Чехіи) и проведеніе имъ борозды плугомъ на полѣ одного крестьянина.

„Замѣтка о древностяхъ въ окрестностяхъ д. Кекенеизъ, Ялтинскаго уѣзда" прив.-доц. В. Данилевича содержитъ краткія свѣдѣнія о каменныхъ дольмено-образныхъ могилахъ (VI—V в. до Р. Хр.) и ящикообразныхъ могилахъ на урочищѣ Катра-Ташкаръ (XIII—XIV в.), объ обломкахъ черепицъ съ клеймами и пр.

Интересна переведенная съ чешскаго языка работа „О настѣнныхъ изображеніяхъ и рисункахъ въ пещерахъ палеолитическаго человѣка по новѣйшимъ изслѣдованіямъ". Къ тексту приложены 22 рис. и VI таблицъ снимковъ съ рисунковъ на скалахъ, камняхъ и костяхъ, сдѣланныхъ первобытными людьми и современными дикарями. Страннымъ только кажется появленіе подобныхъ работъ въ спеціально мѣстныхъ изданіяхъ.

Кромѣ перечисленныхъ выше въ книжкѣ помѣщены еще: „Переписка патріарха Іоакима съ воеводами, бывшими въ крымскихъ походахъ 1687 и 1689 годовъ", съ портретомъ патр. Іоакима—Л. М. Савелова; „Способъ поддѣлки древнихъ босфорскихъ монетъ М. Сазоновымъ, разсказанный имъ самимъ" и „Ашикъ и Карейша"—В. В. Шкорпила; „Протоколы засѣданій Таврической ученой архивной Комиссіи" въ 1906—1907 г.

Н. В—въ.

Харузина, В. Н. Къ вопросу о почитаніи огня. Введеніе въ программу для собиранія свѣдѣній о почитаніи огня у русскихъ крестьянъ и инородцевъ, съ приложеніемъ программы. „Этнографическое Обозрѣніе" 1906 г., № 3 и 4, стр. 68—205 (М. 1907).

Обширный трудъ г-жи *Харузиной* распадается, какъ это видно изъ подзаголовка, на двѣ части: „программу“ и „введеніе“ къ ней, которыя „имѣютъ цѣлью дать болѣе или менѣе нужное ему орудіе въ руки изслѣдователя, пожелавшаго спеціально заняться въ Россіи однимъ явленіемъ въ области духовной культуры человѣчества: почитаніемъ огня“. Авторъ справедливо говоритъ, что окончательнымъ выводамъ по многимъ вопросамъ этнографіи „должно предшествовать глубокое изученіе отдѣльныхъ явленій“. Но такому изученію мѣшаютъ отрывочность накопленнаго этнографіей матеріала по любому вопросу, сдѣланные собирателями пропуски и ошибки, вслѣдствіе „недостаточной ихъ освѣдомленности съ научными выводами этнографіи“, и, наконецъ, то обстоятельство, что „весьма нерѣдко они обходятъ вопросомъ какое-нибудь явленіе, потому что не подозрѣваютъ его значенія; нерѣдко они не замѣчаютъ, мимо какихъ существенно важныхъ моментовъ они проходятъ“ (стр. 68—9). Все только что сказанное въ полной мѣрѣ относится и къ такому важному отдѣлу этнографіи, какъ культъ огня и связанные съ нимъ вѣрованія, обряды и обычаи того или другого народа. Чтобы дать возможность будущему собирателю свѣдѣній о почитаніи огня „сознательно относиться не только къ занимающему его явленію, но, путемъ сопоставленія съ другими, и къ ряду другихъ“, г-жа Харузина сгруппировала въ своемъ трудѣ разсѣяннныя въ разныхъ книгахъ и періодическихъ изданіяхъ данныя по всѣмъ отдѣламъ своей програмы, заключающей въ себѣ 290 вопросовъ. Вопросы эти распредѣлены по слѣдующимъ рубрикамъ: а) Почитаніе огня, какъ стихіи. Персонификація огня. Связь огня съ родовымъ культомъ. б) Представленія о солнцѣ, молніи, блуждающихъ огняхъ, огнедышащихъ горахъ и проч. в) Народные игры, словесность, искусство, орнаментъ. г) Представленія о свойствахъ огня. д) Почитаніе огня. Собиратели, которые пожелали бы расширить свои познанія по данному вопросу, найдутъ въ выноскахъ указанія на литературу предмета, какъ русскую, такъ и иностранную. Я позволю себѣ дополнить здѣсь приведенную у г-жи Харузиной литературу указаніями на слѣдующія, повидимому, неизвѣстныя ей изданія: 1) Верхоянскій Сборникъ *И. А. Худякова* (Ирк. 1890), содержащій, между прочимъ, не пересказъ, какъ у Горохова, на котораго ссылается г-жа Харузина, а точный переводъ якутской сказки Юрюнг Уолан и многихъ другихъ, дающихъ незамѣнимый матеріалъ для этнографа, 2) Опытъ систематической программы для собиранія свѣдѣній о дохристіанскихъ вѣрованіяхъ якутовъ *В. Ф. Трощанскаго* (Казань, 1897), гдѣ удѣлено достаточно вниманія и вопросу о культѣ огня, и 3) Эволюція Черной вѣры (шаманства) у якутовъ *В. Ф. Трощанскаго* (Казань, 1902. Отд. оттискъ изъ „Ученыхъ Записокъ Императорскаго Казанскаго Университета). Въ послѣднемъ сочиненіи этнографъ можетъ найти нѣкоторыя поправки къ даннымъ, заимствованнымъ г-жею Харузиною изъ изслѣдованія г. Сѣрошевскаго: „Якуты“; къ сообщеніямъ котораго вообще слѣдуетъ относиться съ большою осторожностью, о чемъ намъ уже неоднократно приходилось говорить. Между прочимъ, напрасно г. Сѣрошевскій, а вслѣдъ за нимъ и г-жа Харузина, считаютъ прижиганіе зажженнымъ трутомъ или

тряпкою, извѣстное у врачей подъ именемъ *моксы*, явленіемъ рѣдкимъ, встрѣчающимся только у якутовъ. Такой способъ лѣченія употребителенъ еще и теперь въ Японіи (Энциклопедическій Словарь *Брокгауза*, т. XIX, стр. 615: Мокса), а также, подъ именемъ "ѣдно" или „ядно", среди крестьянъ Архангельской губерніи (*Даль*, Толковый Словарь, т. II, стр. 882, 3-е изд.).

Не можемъ не отмѣтить также замѣченной нами неточности въ приведеніи цитатъ изъ Сѣрошевскаго и Горохова (стр. 73), похожихъ скорѣе на изложеніе своими словами, чѣмъ на буквальную передачу текста, на которую указываютъ заключающія цитаты кавычки.

Въ заключеніе нельзя не пожелать, чтобы интересный трудъ г-жи Харузиной вышелъ въ свѣтъ отдѣльнымъ изданіемъ и получилъ, такимъ образомъ, болѣе обширное распространеніе, котораго онъ вполнѣ заслуживаетъ, пріобрѣтеніе же спеціальнаго этнографическаго журнала или отдѣльной его книги со статьею г-жи Харузиной не всегда и не для всѣхъ интересующихся предметомъ доступно.

Эд. Пекарскій.

50 пѣсенъ русскаго народа для мужского хора изъ собранныхъ въ 1902 г. въ Саратовской губ. И. В. Некрасовымъ и Ѳ. И. Покровскимъ. Положилъ на голоса *И. В. Некрасовъ*. Сочиненіе литера Ж. Издано съ Высочайшаго соизволенія Пѣсенною Комиссіей И. Р. Г. О. Москва. 1907 г.

Какъ видно изъ краткаго предисловія, съ Высочайшаго соизволенія въ 1897 г. была учреждена особая Пѣсенная Комиссія для составленія и изданія отдѣльныхъ сборниковъ русскихъ народныхъ пѣсенъ, изъ числа собранныхъ пѣсенными экспедиціями И. Р. Г. О., для распространенія ихъ среди пѣвцовъ художниковъ и любителей, среди войскъ, а также въ попечительствахъ о народной трезвости и въ школахъ. Настоящій выпускъ (52 стр. большого формата) изданъ этою Комиссіей. Онъ составляетъ третью часть второго тома хорового сборника и предназначается, главнымъ образомъ, для войскъ, а также для любителей хорового пѣнія. Изъ числа собранныхъ И. В. Некрасовымъ и Ѳ. И. Покровскимъ въ 1902 г. въ Саратовской губерніи въ настоящій выпускъ вышло лишь 50 пѣсенъ, кои распредѣлены на 12 группъ: I. Пѣсня вродѣ духовнаго стиха; II. Былина; III. Коляды (4 пѣсни); IV. Свадебныя (7); V. Вѣшнія (7); VI. Хороводныя (2); VII. Плясовыя (4); VIII. Частая (1); IX. Протяжныя (20); X. Рекрутская (1); XI. Воинская (1) и XII. Шуточная (1). Выборъ пѣсенъ, ихъ обработка и подтекстовка принадлежитъ И. В. Некрасову. Пѣсни положены на ноты итальянской системы съ текстомъ внизу, подъ которымъ обозначена мѣстность, гдѣ пѣсня записана.

Выпускъ предназначенъ для мужскихъ голосовъ: 20 пѣсенъ положены на два голоса (теноръ и басъ); 27 на три (I и II теноръ и басъ) и 3 на четыре голоса (I и II теноръ и I и II басъ).

Изданъ выпускъ безукоризненно и вполнѣ соотвѣтствуетъ предназначенный цѣли (для войскъ и любителей хорового пѣнія), но въ

этнографическомъ отношеніи не имѣетъ научной цѣнности, такъ какъ пѣсни обработаны искусственно и, приспособленыя для мужского хорового пѣнія, не даютъ яснаго представленія о той своеобразной музыкальной прелести, какою отличаются русскіе народные мотивы. Цѣна небольшой тетради нѣсколько высока.

А. Сержпутовскій.

В. И. Срезневскій. Сказаніе о молодцѣ и о дѣвицѣ. По списку XVII в. библіотеки Академіи Наукъ. СПб. 1907.

Этотъ оттискъ изъ „Извѣстій Отд. р. яз. и сл. И. А. Н.", содержитъ въ себѣ новый варіантъ старинной эротической повѣсти „Сказаніе о молодцѣ и дѣвицѣ". Напечатанъ онъ по рукописи конца XVII в. и даетъ болѣе полный и болѣе исправный текстъ „Сказанія", чѣмъ ранѣе напечатанные два варіанта. Въ концѣ, въ видѣ приложенія, напечатанъ отрывокъ той же повѣсти (начало). „Эта послѣдняя находка, полученная изъ первыхъ рукъ, даетъ право думать, что повѣсть эта не такая рѣдкая вещь, какъ думали до сихъ поръ, и что списки ея еще ходятъ по рукамъ"... Интересно отмѣтить, что три изъ четырехъ извѣстныхъ списковъ повѣсти—сѣвернаго происхожденія.

Н. В—въ.

Ст. Смоленскій. О колокольномъ звонѣ въ Россіи. (Отдѣльный оттискъ изъ „Русской Музык. Газеты", 1907 г., №№ 9—10).

Авторъ написалъ небольшую брошюру (26 страницъ), въ которой затронулъ очень любопытный вопросъ объ особомъ у насъ на Руси искусствѣ колокольнаго звона. Кто любитъ своеобразную, дивноторжественную, чисто русскую симфонію, когда талантливый виртуозъ-звонарь изъ чудеснаго органа созвучныхъ, подобранныхъ по камертону колоколовъ извлекаетъ иной разъ самые удивительные ритмическіе и мелодическіе экспромты, когда издали чудится, что въ воздухѣ разливается какъ бы отъ Эоловой арфы, то замирая, то усиливаясь, протяжный хоралъ необычайно мягкихъ мажорныхъ и минорныхъ аккордовъ, чарующихъ массой новыхъ эффектовъ и уносящихъ слушателя въ горній, таинственный міръ, — тотъ найдетъ въ брошюрѣ г. Смоленскаго очень много интереснаго.

Авторъ, повидимому, большой любитель русскаго колокольнаго звона; съ увлеченіемъ, доходящимъ до поэзіи, говоритъ объ этомъ заброшенномъ искусствѣ и объ его артистахъ-виртуозахъ. Онъ справедливо жалуется, что на искусство колокольнаго звона почти никто не обращалъ вниманія, хотя эта своеобразная чисто русская музыка заслуживаетъ иной участи: она интересна не только узкому спеціалисту, артисту-композитору или этнографу, но и каждому образованному человѣку, который пожелаетъ ознакомиться съ искреннимъ, чисто народнымъ искусствомъ, хранимымъ простыми людьми.

Нельзя не пожалѣть, что эта статья появилась въ спеціальномъ органѣ, а отдѣльные оттиски, повидимому, не предназначены къ распространенію ихъ среди большой публики, между тѣмъ, повторяю, эта брошюра читается съ удовольствіемъ.

А. Сержпутовскій.

В. И. Сергѣевичъ. Крестьянскія права и общинное землевладѣніе въ Архангельской губерніи въ половинѣ XVIII вѣка. Спб. 1907. (Отд. отт. изъ „Журн. Мин. Юстиціи").

Въ этой небольшой брошюрѣ (30 страницъ) В. И. Сергѣевичъ, со свойственной ему ясностью, на основаніи документовъ, помѣщенныхъ въ 123 томѣ изд. Имп. Русск. Историч. О-ва, даетъ отвѣтъ на далеко не рѣшенный вопросъ о происхожденіи нашего общиннаго землевладѣнія въ Архангельской губ., занимавшей въ половинѣ XVIII вѣка и всю Вологодскую, и еще три уѣзда Костромской губ.: Галичскій, Чухломскій и Солигаличскій. Въ брошюрѣ разсмотрѣны отдѣльные вопросы: крестьянская старина, подушная подать и ея послѣдствія, половники, новыя ограниченія крестьянскихъ правъ и отношеніе императрицы Екатерины II къ наказамъ. На стр. 13 авторъ приводитъ „сущность" очень любопытнаго документа—межевой инструкціи 1754 г.—и говоритъ: „половина XVIII вѣка встрѣтилась почти съ тѣмъ же вопросомъ, который занимаетъ и людей начала XX-го". При этомъ авторъ справедливо замѣчаетъ, что хотя, законодательствовавшій и всѣмъ управлявшій при Екатеринѣ II, Россійскій Сенатъ, состоявшій изъ бюрократовъ, издалъ первый соціалистическій законъ, но онъ (сенатъ), дѣйствовалъ въ цѣляхъ государственныхъ, а не соціалистическихъ, и что въ этомъ существенная разница крестьянской реформы половины XVIII вѣка и стремленій современныхъ соціалистовъ. Чрезъ „отмѣну частной земельной собственности, права наслѣдованія и гражданскаго оборота" соціалисты стремятся къ „достиженію всеобщаго человѣческаго счастья". „Наши сенеторы половины XVIII вѣка—(продолжаетъ авторъ) были люди зрѣлые и умудренные опытомъ жизни, а потому о всеобщемъ человѣческомъ счастьѣ они не мечтали. Они желали достигнуть только правильнаго полученія подушной подати" (стр. 14—15).

Въ виду разсмотрѣнія въ настоящее время въ Государственной Думѣ аграрнаго законопроекта, брошюра В. И. Сергѣевича получаетъ особенный интересъ.

А. Сержпутовскій.

Филярет Колесса. Ритміка українських народних пісень. (Записки наук. товар. імени Шевченка. 1906, 1—4 в.).

Въ „Запискахъ наук. товар. ім. Шевченка" въ 1906 г. помѣщается статья Ф. Колессы, привлекающая вниманіе изслѣдователя народной поэзіи. Правда, данная работа не представляетъ всесторонняго научнаго изслѣдованія по указанному вопросу, но во всякомъ случаѣ— весьма интересное явленіе, какъ первый болѣе или менѣе систематическій опытъ освѣщенія украинской народной ритмики. Въ этой области такъ еще мало сдѣлано, что нельзя не привѣтствовать появленіе всякой попытки пролить хоть сколько нибудь свѣта на до сихъ поръ остающіеся въ тѣни, но въ то же время очень важные, вопросы изъ сферы народно-художественнаго творчества. Ф. Колесса задается цѣлью выяснить основы украинской нар. ритмики въ ея теперешнемъ состояніи и дать по возможности полную систематику пѣсенныхъ формъ.

Не ограничиваясь этимъ, авторъ стремится выяснить также и исторический ходъ развитія украинской народной ритмики, стороннія вліянія и пр. Столь сложную задачу, требующую многихъ подготовительныхъ работъ, совершенно не подъ силу разрѣшить одному человѣку, тѣмъ болѣе въ сравнительно небольшой статьѣ. Поэтому неудивительно, что работа Ф. Колессы страдаетъ многими недочетами. Не входя въ подробное разсмотрѣніе названной статьи, отмѣтимъ только между прочимъ неясность и даже неопредѣленность въ сужденіяхъ автора и въ разрѣшеніи имъ нѣкоторыхъ вопросовъ.

Такъ, авторъ говоритъ, что онъ пользовался общею теоріей ритма; но, что это за теорія, онъ умалчиваетъ. Да и что можно сказать, когда этотъ вопросъ, особенно относительно ритма въ народной поэзіи, еще ждетъ изслѣдователей.

Совершенно не понятно, что Ф. Колесса разумѣетъ подъ *основою* украинской народной ритмики и почему онъ не признаетъ „складочислене“ за такую основу? Вѣдь самъ же онъ считаетъ счетъ слоговъ за внѣшнее выраженіе внутренней симметріи и равномѣрности въ строѣ высшей ритмической единицы (синтаксическая скала) тѣмъ болѣе, что въ числахъ, говоритъ Ф. Колесса, лучше всего можно дать ритмическую схему стиха и что между числовыми отношеніями стихотворныхъ группъ и тоновъ музыкальныхъ существуетъ тѣсная связь. Отказываясь отъ слогочислительнаго стихосложенія въ украинской поэзіи Ф. Колесса тутъ же и признаетъ его. Если же число слоговъ не является основою украинскаго стиха, то съ какой же стати авторъ группируетъ всѣ пѣсни, пользуясь принципомъ слогочислительнаго стихосложенія?! Думается, что въ данномъ случаѣ отразилась классификація А. Потебни (Рец. на сбор. Головацкаго), располагавшаго пѣсни по числу слоговъ въ стихѣ и полустихѣ. Вообще нужно сказать, что принципъ украинскаго пѣсеннаго стиха не выясненъ авторомъ съ надлежащей отчетливостью.

Все это, а равно и другіе промахи и недочеты разсматриваемой работы заставляютъ читателя относиться къ ней съ осторожностью.

Не можемъ не пожалѣть, что авторъ не понаблюдалъ пѣнія пѣсенъ въ ихъ естественной средѣ; тогда нѣкоторые факты печатныхъ сборниковъ, на которые онъ ссылается, могли получить иное толкованіе. Не отрицая научной цѣнности ихъ, мы однако рекомендовали бы относиться въ нѣкоторыхъ случаяхъ къ нимъ критически. Что, напр., въ пѣснѣ: „Плини, плини сиве шорце, долїв заводов“ означаетъ неритмическая стѣна ритма:

$^2/_4 + {}^2/_4 + {}^4/_4$

$^3/_4 + {}^2/_4 + {}^4/_4$? (IV вып., стр. 103 из. Етн. Збір. XI, стр. 156).

Почему въ первомъ стихѣ первый ритмъ $^2/_4$, а во второмъ стихъ $^3/_4$? и почему Ф. Колесса тотъ и другой стихъ схематизируетъ одинаково:

$$(4 + 4 + 5)?$$

Почему наконецъ, авторъ усматриваетъ здѣсь три колѣна, а не два (8 + 5)? Вѣдь не передадимъ же мы стихъ коломыйки:

$$^2/_4 + ^2/_4 + ^2/_4 + ^2/_4$$

такъ: 4 + 4 + 4 + 4?

Съ своей стороны мы уже высказывались относительно слогочислительнаго стихосложенія въ украинскихъ пѣсняхъ въ Изв. II отд. Имп. Ак. Н. 1907 г., кн. I (Къ вопросу о коломыйкахъ).

По другимъ частямъ работы Ф. Колессы выскажемся по ознакомленіи съ нею цѣликомъ.

А. Зачиняевъ.

Козацкі часи в народній пісни, з замітками *В. Будзиновскаю.* Львів. Накладом В. Будзиновского (годъ не означенъ). Стр. VIII+327.

Въ такой книгѣ давно нуждается такъ называемый „широкій читатель" не только въ Галиціи, но и на Украйнѣ, и мы убѣждены, что не найдется никакихъ препятствій для распространенія книги В. Будзиновскаго въ Россіи.

Здѣсь собраны лучшія украинскія пѣсни, какъ спеціально казацкаго періода, кончая уничтоженіемъ Новой Сѣчи, такъ и тѣ, которыя относятся къ исторіи болѣе ранней борьбы Южной Руси съ татарами и турками. Составитель воспользовался изданіями Антоновича и Драгоманова, изданіями, кстати сказать, дорогими и сравнительно малодоступными, а также 288 книжками „Кіевской Старины". Но перепечатка сдѣлана имъ не всегда буквально. Лучшіе варіанты, напечатанные въ указанномъ изданіи Антоновича и Драгоманова отдѣльно, внесены здѣсь въ основной текстъ; къ нимъ прибавлены отрывки, которые когда-то принадлежали самостоятельнымъ пѣснямъ наконецъ, большія пѣсни, составленныя путемъ соединенія въ устахъ позднихъ пѣвцовъ, расчленены на первоначальныя части и т. д. Правописаніе, конечно, также измѣнено; что касается языка, то измѣнено лишь то, что можетъ быть названо въ большей или меньшей степени „москвицизмами". Кромѣ того, изучая историческую основу пѣсенъ въ связи съ документальными источниками, В. Будзиновскій иногда вносилъ въ текстъ такія собственныя имена и названія, которыя, по его мнѣнію, болѣе соотвѣтствуютъ исторической дѣйствительности. Конечно, такой пріемъ слишкомъ смѣлъ и можетъ повести къ недоразумѣніямъ, о чемъ мы и желаемъ предупредить интересующихся южно-русскимъ фольклоромъ. Такимъ образомъ, научнаго значенія изданіе это не имѣетъ, на что вполнѣ опредѣленно указываетъ въ предисловіи и самъ составитель, опустившій даже цитаты, которыя интересны для спеціалистовъ и ничего не говорятъ для обыкновеннаго читателя.

Вполнѣ естественно, что первымъ же результатомъ редакторской работы г. Будзиновскаго, опытнаго популяризатора и прекраснаго стилиста, является то, что въ его изданіи пѣсни вышли стройными, изящными, красивыми, удобными для чтенія и даже для декламаціи,

хотя вообще народныя произведенія поются, а не читаются. Въ то же время, по мѣрѣ возможности, имъ не искажена и этнографическая сторона пѣсенъ, такъ какъ составитель хорошо постигъ духъ народнаго творчества, а „этнографическій тактъ“ не позволилъ ему вводить неподходящія къ общему колориту выраженія или слова. Не менѣе цѣнными слѣдуетъ назвать и небольшія предисловія къ каждой группѣ пѣсенъ, напримѣръ, „Борьба съ татарами и турками“ (стр. 1—8), „Борьба казачества съ Польшей“ (142—151), „Уничтоженіе Запорожья“ (289—299), а также рядъ вводныхъ замѣтокъ къ отдѣльнымъ пѣснямъ: о Самуилѣ Кишкѣ (58—61), Взятіе Азова (73), Походъ Свирговскаго на Молдавію (75—76), Жена атамана Богданка (77—78), Иванъ Сѣрко (90—94), Маруся Богуславна (100—101), Смерть Байды (121—122), Польско-еврейскій гнетъ и возстанье (165—170), Походъ на Молдавію (202—203), Битва подъ Берестечкомъ (207—209), Мазепа, Петрикъ и Палій (232—236), Грабежъ Украйны (243—247), Военные походы XVIII вѣка (261—263) и мн. др. Написаны онѣ живо, съ темпераментомъ, въ общихъ чертахъ согласны съ исторіей и всегда красивы. Послѣднія качества предисловій и вводныхъ замѣтокъ искупаютъ нѣкоторыя фактическія неточности и враждебный тонъ къ представителямъ враговъ малорусскаго казачества былыхъ временъ.

Книга В. Будзиновскаго можетъ и должна послужить образцомъ для аналогичнаго собранія общерусскихъ историческихъ пѣсенъ, для доступнаго изданія ихъ въ цѣляхъ популяризаціи фольклора среди слишкомъ равнодушнаго къ нему „широкаго читателя“.

А. Яцимирскій.

Э. Пекарскій. Къ вопросу о происхожденіи слова „тунгусъ“. Отд. отт. изъ „Этногр. Обозр.“, 1906, № 3—4.

Знатокъ якутскаго языка и быта инородческихъ племенъ, населяющихъ Сибирь, *Э. К. Пекарскій* въ своей статьѣ даетъ подробный разборъ статьи А. И. Шиманьскаго, сдѣлавшаго въ томъ же „Этнографическомъ Обозрѣніи“ (за 1905 г., № 4, стр. 109) попытку выяснить происхожденіе и дѣйствительное значеніе слова „тунгусъ“. Соглашаясь съ доводами Э. Пекарскаго, редакція „Этнографическаго Обозрѣнія“ оговаривается въ примѣчаніи, что помѣщая въ 67-ой книгѣ статью г. Шиманьскаго, она „не имѣла въ то время возможности дать ее на просмотръ спеціалисту якутскаго языка“ и что въ настоящее время этотъ промахъ она охотно возмѣщаетъ критической статьей Эд. Пекарскаго (стр. 206).

Прочитывая глубокомысленныя разсужденія и тонкости филологическихъ аналогій г. Шиманьскаго, невольно является вопросъ: для какой цѣли почтенный беллетристъ написалъ эту работу? Если для того, чтобы лишь дать головоломную статью, то онъ забываетъ, что эта забава многимъ приноситъ вредъ: одни даромъ утомляютъ зрѣніе при чтеніи „серьезныхъ научныхъ трудовъ“, другіе же ради выясненія истины затрачиваютъ время на написаніе критическихъ отзывовъ. Для автора прекраснымъ примѣромъ, могъ бы служить

г. Сѣрошевскій, о которомъ упоминаетъ и г. Пекарскій въ своей критической статьѣ. Обнаруживъ огромный художественный талантъ въ беллетристическихъ произведеніяхъ, г. Сѣрошевскій, которому, какъ и г. А. Шиманьскому, не достаетъ основательнаго знакомства съ языкомъ и бытомъ якутовъ, сдѣлалъ въ своемъ большомъ этнографическомъ трудѣ объ этомъ народѣ много непростительныхъ ошибокъ.

Статья г. Пекарскаго и не спеціалистами читается съ большимъ интересомъ.

А. Сержпутовскій.

Waldemar Iochelson. Kumiss Festivals of the Yakut and the Decoration of Kumiss Vessels. New-York, 1906.

Книжка подъ этимъ заглавіемъ представляетъ отдѣльный оттискъ статьи В. И. Іохельсона, помѣщенной въ юбилейномъ сборникѣ, изданномъ въ честь двадцатипятилѣтней ученой дѣятельности извѣстсаго американскаго этнолога проф. Франца Боаза (Boas anniversary Volume. Anthropological Papers written in honor of Franz Boas, professor of Anthropology in Columbia University, New York, 1906).

Авторъ указанной статьи составилъ во время своего путешествія (1900—1902) по сѣверо-восточной Сибири для Американскаго Музея Естественныхъ Наукъ въ Нью-Іоркѣ, между прочими этнографическими коллекціями, и значительную якутскую коллекцію. Эта коллекція заключаетъ въ себѣ также старинные и весьма цѣнные экземпляры всякаго рода посуды изъ кожи, бересты и дерева, употреблявшейся для приготовленія, храненія, потребленія кумыса и во время кумысныхъ праздниковъ, такъ называемыхъ ысыах'овъ, теперь совершенно исчезнувшихъ. Одинъ такой праздникъ былъ спеціально для В. И. Іохельсона устроенъ якутами въ Ботурусскомъ улусѣ, къ востоку отъ Якутска. Авторъ описываетъ прежнее значеніе кумыса въ хозяйственной части якутовъ, культъ лошади и приготовленіе кумыса. Онъ останавливается подробно на кумысныхъ праздникахъ, имѣвшихъ какъ религіозный, такъ и общественный характеръ. Они устраивались весной и осенью. Весенній праздникъ устраивался въ честь творческихъ божествъ, а осенній—для умиротворенія разрушительныхъ силъ. Особый интересъ въ этой статьѣ представляетъ описаніе орнаментаціи кумысной посуды, главнымъ образомъ, большихъ деревянныхъ бокаловъ (чорōн). Декоративные мотивы образуютъ почти исключительно геометрическій, скюоморфный орнаментъ. Животный орнаментъ, въ смыслѣ реалистическаго или стилизированнаго изображенія животныхъ и людей, отсутствуетъ. Имѣется только изображеніе части животнаго, какъ конское копыто, человѣческій палецъ, ноготь или позвонокъ. Растительный орнаментъ рѣдокъ и, судя по якутскому названію усуор (съ русскаго *узоръ*), онъ заимствованъ изъ русскихъ декоративныхъ мотивовъ. Всѣ основныя фигуры якутскаго орнамента на кумысныхъ сосудахъ, геометрическаго характера, имѣютъ спеціальныя якутскія названія. При статьѣ имѣются 6 отдѣльныхъ фотографическихъ таблицъ и въ текстѣ рисунки декоративныхъ мотивовъ.

Слѣдуетъ отмѣтить одну опечатку въ статьѣ. На стр. 267, седьмая строка снизу, вмѣсто tonohos oyū, что значитъ позвонокъ-орнаментъ, должно быть köhüör oyū = кумысный сосудъ орнаментъ.

В.

Dr. Josef Karasek. Slavische Litteratur-geschichte. Sammlung Göschen. Leipzig. 1906. Давно уже чувствуется потребность въ новой работѣ по исторіи славянскихъ литературъ, такъ какъ вышедшая болѣе тридцати лѣтъ тому назадъ исторія славянской литературы Пыпина и Спасовича въ настоящее время во многихъ частяхъ устарѣла. „Исторія славянской литературы" д-ра Карасека отчасти восполняетъ этотъ пробѣлъ. Положивши въ основу своей работы трудъ Пыпина, авторъ дополнилъ его свѣдѣніями о новѣйшемъ періодѣ славянскихъ литературъ. Наиболѣе подробно разработана чешская и польская литература. Сербская, хорватская, лужицко-сербская и словенская представлены слабѣе. Совсѣмъ мало мѣста удѣлено болгарской литературѣ. Кирилло-меѳодіевская эпоха изложена неполно и довольно поверхностно; богомильство—тоже. Русской и малорусской литературы авторъ не касается, такъ какъ въ этой серіи изданій (Sammlung Goschen) имѣется уже отдѣльная книжка Полонскаго, посвященная этому вопросу.

Несмотря на краткость, сухость и нѣкоторые другіе недостатки, было бы очень желательно появленіе этой работы Карасека въ русскомъ переводѣ. Нужно хоть что нибудь для ознакомленія съ славянскими литературами нашей публики, глубоко невѣжественной въ этомъ отношеніи.

Н. В—въ.

Журналы за 1906—1907 г.

Древности. Труды Славянской Комиссіи Имп. Московскаго Археологическаго О-ва. *Т. IV, в. 1.* М. 1907. *К. В. Покровскій.* Книга, глаголемая Назиратель, сірѣчь урядъ домовныхъ дѣтель (Изъ исторіи древней сельско-хозяйственной литературы). *Н. Н. Кононовъ.* Изъ области астрологии. Обзоръ статей Планетника, Звѣздочтеца, Колядника, Громника, Лунника, Трепетника, Тайная тайныхъ, Лѣчебника и пр. рук. XVIII в. А. Г. Первухина. *Н. Н. Дурново.* Легенда о заключенномъ бѣсѣ въ византійской и старинной русской литературѣ. *И. Е. Евсьевъ.* Словеса святыхъ пророкъ. Противуіудейскій памятникъ по рукописи XV вѣка. *М. И. Соколовъ.* Апокрифическое откровеніе Варуха. *М. Н. Сперанскій.* Откровеніе святыхъ апостолъ. *А. С. Орловъ.* Древне-русское поученіе съ апокрифическимъ элементомъ. *А. И. Яцимирскій.* Дарственныя, жалованныя, льготныя и подтвердительныя грамоты молдавскихъ господарей XV в. (тексты и библіографическія указанія). *К. С. Кузьминскій.* О сборникѣ молитвъ, извѣстныхъ подъ названіемъ „Абагаръ". Дополненія и поправки къ статьямъ Дурново, Покровскаго и Орлова. Протоколы засѣданій №№ 60—90, съ изложеніемъ содержанія прочитанныхъ рефератовъ.

Журналъ Мин. Нар. Просвѣщенія. № 5. *С. Ѳ. Ольденбургъ.* Фабло восточнаго происхожденія. *Н. М. Петровскій.* Къ исторіи сказаній о свв. Кириллѣ и Меѳодіи. Рецензіи: *М. Ростовцева* на „Б. В. Фармаковскій. Раскопки въ Ольвіи въ 1902—1903 г.г."—*А. И. Соболевскаго* на „Н. К. Никольскій. Матеріалы для исторіи древне-русской письменности".

Извѣстія Кавказскаго Отдѣла И. Р. Г. О-ва, т. XVIII. 1905—1906. *И. Кальфоглу.* Древнѣйшія извѣстія о Батумѣ.—*Е. Цагарейшвили.* Свадьба въ въ Имеретіи.—*А. Дьячковъ-Тарасовъ.* Бзыбская Абхазія.—*Г. Мерцбахеръ.* Къ этнографіи обитателей кавказскихъ альпъ.—*И. Петровъ.* Духоборы Елисаветпольскаго уѣзда.—*И. Кальфоглу.* Городъ Петрацихисъ-дзири.—*И. Петровъ.* Нѣмцы-колонисты въ с. Георгіевскомъ, Елисаветпольскаго уѣзда.—*М. Поповъ.* Развалины древняго грузинскаго монастыря близъ с. Ніакомъ и крѣпость Ванкъ. Рецензія *Н. Егорова* на: А. А. Арутиновъ. Удины. (Матеріалы для антропологіи Кавказа). Отчетъ Отдѣла за 1904 и 1905 гг.

Извѣстія Отд. русскаго языка и словесности. И. А. Н. 1906 г., № 4. *В. Срезневскій.* Сказаніе о молодцѣ и о дѣвицѣ по сп. XVII в. библіотеки Академіи Наукъ.—*К. Радченко.* Апокрифическое житіе Самарянки по прологамъ Бѣлградской Народной библіотеки.—*В. Добровольскій.* Культъ зерноваго хлѣба въ повѣрьяхъ крестьянъ Рязанской губерніи.—*Г. Ильинскій.* Patronymica на —ово въ русскомъ языкѣ.—*В. Рѣзановъ.* Изъ исторіи русской драмы. Дѣйствіе о князѣ Петрѣ Златыхъ Ключахъ. I.—*С. Кульбакинъ.* Замѣтки о славянскомъ количествѣ и удареніи.—*А. Яцимирскій.* „Черная шаль" А. С. Пушкина и румынская пѣсня.—*Н. Виноградовъ.* Дополненія къ работѣ о „Вертепной драмѣ" и къ указателю по этому вопросу I—II. Рецензіи *Н. Виноградова* на „Келтуяла В. Исторія древней русской литературы. Пособие для самообразованія". *Его-же* на „Шайжинъ, Н. Олонецкій фальклоръ". *Г. Ульянова* на „И. Эндзелинъ. Латышскіе предлоги".

Národopisný Věstník (Этнографическій Вѣстникъ Чешскославянскій) **№ 3—4** (двойной). *I. Янко.* О „словахъ и вещахъ" славянскихъ въ этнографическомъ отношеніи.—*А. Богачъ.* Развитіе языковыхъ меньшинствъ и острововъ въ Моравіи за послѣднее десятилѣтіе (1890—1900).—*Рецензіи* на: Три пряхи. Ербена; Воспоминанія Фр. И. Вавака, сосѣда и старосты Мильчицкаго, 1770—1816 г.; Древняя Жмудь, Л. Кржививцкаго; Науковий Збірник, присьв. пр. М. Грушевському; Пісня про Правду і Неправду. I. Франко; Угорськи король Матвій Корвінъ въ славянській устній словесности, З. Кузели; Die Märchen Charles Perrault's; Великорусскія пѣсни въ народной гармонизаціи. Записаны Е. Линевой, чешск. перев. В. Крижи-

ванковой; Contes arméniens. Traduits de l'arménien moderne par F. Malcer; М. Алешъ. Сборникъ ста народныхъ пѣсенъ и поговорокъ.—*Библіографія*. IX. Народныя письма; надписи; воззванія, восклицанія, при извѣстныхъ занятіяхъ; ругательныя слова. X. Названія путей, земель, мѣстъ, мѣсяцевъ, растеній и др. XI. Тайные говоры.—Этнографическія мелочи.—Сообщенія о музеяхъ и этнографическихъ о-вахъ.—Годичный отчетъ О-ва Этнографическаго Музея чешскославянскаго 1906 г.

Старые Годы. № 1. *А. И Успенскій*. Ризница Чудова Монастыря въ Москвѣ. *Бар. А. Фелькерзамъ*. Нѣкоторыя свѣдѣнія о С.-Петербургскихъ золотыхъ и серебряныхъ дѣлъ мастерахъ за 100 лѣтъ (1714—1814) № 2. *В. Голубевъ*. Легенда о трехъ живыхъ и трехъ мертвыхъ. *Н. Макаренко*. Развалины въ Старогородкѣ. № 3. *А. И. Успенскій*. Царскій живописецъ дворянинъ Иванъ Іевлевичъ Салтановъ. № 4. *А. И. Успенскій*. Обстановка теремовъ Кремлевскаго дворца въ Москвѣ. *Э. Ленцъ*. Оружіе, приписываемое историческимъ личностямъ (№ 4 и 5). Всѣ статьи богато иллюстрированы. Въ каждой книжкѣ хроника и рядъ мелкихъ замѣтокъ. Въ приложеніи—*бар. Фелькерзамъ*. Алфавитный указатель С.-Петербургскихъ золотыхъ и серебряныхъ дѣлъ мастеровъ, ювелировъ, граверовъ и проч. 1714—1814.

Украіна. № 1. *І. Нечуй-Левіцький*. Сьогочасна часописна мова на Украіні. (по № 3). *І. Франко*. Вій, Шолудивий Буняка і Юда Іскаріотський. *І. Стешенко*. Історія украінськоі драми (также—№ 2—4). № 2. Продолженіе статей І. Стешенко и І. Нечуй-Левицкаго. № 3. *Г. Баранъ*. О библейско-агадическомъ элементѣ въ повѣстяхъ и сказаніяхъ начальной русской лѣтописи. *Н. Петровъ*. Правило увѣщательное пияницамъ къ покаянію и трезвости ихъ, пѣваемое не въ церквахъ, но въ школахъ, 1779 года. *В. Данилів*. Додатки до огляду украінських лубяніх співанників та малюнків. № 4. Продолженіе статей І. Стешенко и Г. Бараца. Др. *М. Пачовський*. Літературна мова на Украіні.

Университетскія Извѣстія. № 2 и 3. Продолженія работъ.—*Г. Максимовича*. Ученіе первыхъ славянофиловъ. *А. Богумила*. Начальный періодъ народничества въ русской художественной литературѣ.

Н. В.

Новости этнографической литературы.

Билимовичъ, Ал., прив.-доц. По поводу книги Д. И. Менделѣева „Къ познанію Россіи". Кіевъ.

Бобровъ, Е. А., проф. Мелочи изъ исторіи русской литературы. Тетр. вторая. VII—X. Варшава.

Богородицкій, В. Діалектологическія замѣтки. Спб. 1906. 16 стр.

Его-же. Замѣтки по экспериментальной фонетикѣ. В. 2. Казань. 21 стр.

Его-же. Наблюденія посредствомъ мышечнаго чувства надъ произношеніемъ звуковъ русскаго языка. 9 стр. (Отд. отт.).

Его-же. Экспериментально-фонетическое изученіе природы русскаго ударенія. 10 стр. (Отд. отт.).

Будде, Е. Ө., проф. Лекціи по исторіи русскаго языка. Казань.

Васкевичъ, П. Очеркъ быта японцевъ въ Пріамурскомъ краѣ. Владивостокъ. 1906. Стр. 25+9 табл.

Василиевъ, Никола. Избрани народни умотворения. Книга първа. Обредни и битови пѣсни. Пловдивъ.

Воронежская Старина. Выпускъ шестой. Воронежъ. 305+129 стр.

Геттнеръ, А. Европейская Россія. Антропогеографическій этюдъ. Съ 21 картой въ текстѣ. Переводъ съ нѣмецкаго Л. Д. Синицкаго. Изданіе журнала „Землевѣдѣніе". М.

Гнѣдичъ, П. Исторія искусствъ. 3-е изд., вып. II и III.

Головачевъ, П. М. Очеркъ заселенія Сибири въ XVI и XVII столѣтіяхъ. Спб. 1906.

Дурново, Н. Н. Легенда о заключенномъ бѣсѣ въ византійской и старинной русской литературѣ. I—III. М. 110 стр.

Евсеевъ, И. Е. Словеса святыхъ пророкъ. Противоіудейскій памятникъ по рукописи XV вѣка. М.

Ефименко, А. Я. Исторія Украйны и ея народа. Съ портретами и рисунками. Спб.

Извѣстія Кавказскаго Отдѣла И. Р. Г. О-ва. Т. XVIII. № 4. Тифлисъ. 1906. Стр. 211—318+Прилож.

Извѣстія Таврической ученой архивной Комиссіи. № 40. Симферополь. 115 стр.

Иконописный сборникъ. Выпускъ I. Изданіе Высочайше учрежденнаго Комитета попечительства о русской иконописи. Съ 21 рисункомъ въ текстѣ. Спб.

Калужская старина. Изд. Калужской церковн. Историко-археологическаго О-ва. Изд. подъ ред. И. Ѳ. Цвѣткова и В. М. Кошкарова. Т. IV, ч. IV. Калуга.

Лавровъ, П. А., проф. Лекціи по Болгарскому языку, съ приложеніемъ краткаго болгарско-русскаго словаря. Изд. Доброхотова и Сердаковскаго. Спб. (Литографированное изданіе университетскихъ лекцій).

Лютостанскій, И. Талмудъ и евреи. Талмудъ есть религіозный катехизисъ. Евреи и дѣянія ихъ по ученію талмуда. Компиляція изъ разныхъ талмудовъ и комментаріевъ. Книга VI. Изданіе третье, исправленное и значительно дополненное. Спб.

Малевичъ, С. Бѣлорусскія народныя пѣсни. Спб.

Менделѣевъ, Д. Дополненія къ познанію Россіи. Посмертное изданіе, съ портретомъ автора. Изданіе А. С. Суворина. Спб.

Мейеръ, Эдуардъ. Рабство въ древнемъ мірѣ. Перев. съ нѣм. А. В. Вихерскаго. М. 55 стр.

Монголія и Камъ. Труды экспедиціи И. Р. Г. О-ва, совершенной въ 1899—1901 гг. подъ руководствомъ *П. К. Козлова.* Т. VIII, вып. послѣдній. Спб. 1906. 40 стр.

Морозовъ, Николай. Откровеніе въ грозѣ и бурѣ. Исторія возникновенія апокалипсиса. Съ 62 рисунками и снимками съ древнихъ астрономическихъ картъ Пулковской обсерваторіи. Спб.

Мочульскій, В. Н. Отзывъ о диссертаціи С. Г. Вилинскаго: „Посланія старца Артемія" (XVI вѣка). Одесса. 10 стр.

Некрасовъ, И. В., (положилъ на голоса) 50 пѣсенъ русскаго народа изъ собранныхъ въ 1902 г. въ Саратовской губ. И. В. Некрасовымъ и Ѳ. И. Покровскимъ. М. 52 стр.

Пекарскій, Эд. Къ вопросу о происхожденіи слова „тунгусъ". (Отд. отт. изъ „Этногр. Обозр.", стр. 206—217).

Перетцъ, В. Новые труды по источниковѣдѣнію древне-русской литературы. Кіевъ. 42 стр.

Пещное дѣйство. Исполнено полнымъ хоромъ синодальныхъ пѣвчихъ въ открытомъ засѣданіи Комиссіи по изученію памятниковъ церковной старины г. Москвы и Московской епархіи 18 марта 1907 г.

Пивень, А. „Весела бандура". Полный сборникъ малороссійскихъ веселыхъ и шуточныхъ пѣсенъ, а также припѣвовъ къ національнымъ танцамъ. М. 160 стр.

Платоновъ, С. Ѳ. Московское правительство при первыхъ Романовыхъ. Спб. 56 стр.

Политическая Энциклопедія, подъ редакц. Л. З. Слонимскаго. Т. I, в. 4. Спб. 481—640 стр. со мног. картами и рис.

Полянскій, М. Новгородская памятка для туристовъ. Новгородъ, 1907. 16° 512 стр. + 5 табл. рис.

Поповъ, П. С. Китайскій пантеонъ. Съ десятью таблицами. (Сборникъ Музея по антропологіи и этнографіи при Императорской Академіи Наукъ. VI). Спб.

Протоколы засѣданій и сообщенія членовъ Туркестанскаго кружка любителей археологіи, ч. XI, Ташкентъ. 88 съ рис. и табл.

Пыпинъ, А. Н. Исторія русской литературы. Томъ I. Древняя письменность. Изданіе 3 безъ перемѣнъ. Спб. 537 стр.

Реклю, Элизе. Человѣкъ и земля. Томъ четвертый. Выпускъ XXIII. Переводъ съ французскаго, съ разрѣшенія автора, прив.-доц. Имп. Спб. Университета П. Ю. Шмидта. Изданіе Брокгаузъ—Ефронъ. Спб.

Романченко, Н. Ѳ. Древности Старой Ладоги въ памятникахъ зодчества. Вып. I. Церковь св. Димитрія Солунскаго. Спб.

— Вып. II. Церковь св. Георгія Побѣдоносца. Спб. 1906.

Россіевъ, Павелъ. Фэрерскіе острова Москва.

Рѣзановъ, В. И. Памятники русской драматической литературы. Школьныя дѣйства XVII—XVIII в. Приложеніе къ изслѣдованію „Изъ исторіи русской драмы". Нѣжинъ. XVI+329 стр.

Сборникъ статей, посвященныхъ почитателями академику и заслуженному профессору В. И. Ламанскому

по случаю 50-лѣтія его ученой дѣятельности. Часть I. Спб.

Свѣдѣнія о рукописяхъ, печатныхъ изданіяхъ и другихъ предметахъ, поступившихъ въ рукописное отдѣленіе библіотеки И. А. Н. въ 1904 г. Спб. 403 стр.

Сѣнницкій, И. Обзоръ сношеній Карпатской Руси съ Россіей въ 1-ую половину XIX в. Спб. 1906. 109 стр.

Сергѣевичъ, В. И. Крестьянскія права и общинное землевладѣніе въ Архангельской губерніи въ половинѣ XVIII вѣка. Спб. 30 стр.

Сказаніе о Мамаевомъ побоищѣ. Съ предисловіемъ С. К. Шамбинаго. Спб. 108 стр. и 74 таблицы снимковъ:

Смоленскій, Ст. О колокольномъ звонѣ въ Россіи. Спб. 26 стр.

Соколовъ, М. И. Апокрифическое откровеніе Варуха. М. 58 стр.

Соловьевъ, К. Н. Родное село. (Бытъ, нравы, обычаи и повѣрья). Спб. 1906.

Срезневскій, В. И. Сказаніе о молодцѣ и о дѣвицѣ по сп. XVII в. библіотеки Академіи Наукъ. Спб. 12 стр.

Старина и Новизна. Историческій сборникъ, издаваемый при обществѣ ревнителей русскаго историческаго просвѣщенія въ память Императора Александра III. Книга двѣнадцатая. М.

Труды второго областного Тверского Археологическаго Съѣзда. Изд. Тверской учен. архивн. Комиссіи. Тверь. 1906. Болѣе 1200 стр.

Труды Оренбургской ученой архивной Комиссіи, в. XVI. Оренбургъ. 1906. 296+V+V.

Турцевичъ, Ив. Филологическіе этюды и замѣтки. В. 1. Нѣжинъ. 1906. 48 стр., в. 2. Нѣжинъ. 1907. 49—83 стр.

Хвостовъ, Михаилъ. Изслѣдованія по исторіи обмѣна въ эпоху эллинистическихъ монархій и Римской имперіи. I. Исторія восточной торговли греко-римскаго Египта (332 г. до Р. X.—284 г. по Р. X.). Казань.

Хлѣбниковъ, П. X. Астрахань въ старые годы. I. Вторая половина XVI вѣка. Спб.

Цвійчъ, д-ръ. Замѣтки по этнографіи македонскихъ славянъ. Переводъ со второго дополненнаго изданія. 1906 г. А. О. Спб. 1906.

Шароволъскій, И. Сказаніе о мечѣ Тюрфингѣ (Hervarar saga ok Heideks). III. Историко-литературное изслѣдованіе. Кіевъ. 1906. Ц. 1 р. 50 к.

Языковъ, Д. Д. Обзоръ жизни и трудовъ русскихъ писателей и писательницъ. В. 10. М. 101 стр.

Н. В.

ОТДѢЛЪ V.

Смѣсь.

1. О снохѣ и свекрови.[1])

Жили въ деревнѣ сноха со свекровью.

Свекровь была женщина вздорная. Только одинъ разъ и сдѣлала она доброе дѣло: нищему вилокъ капусты подала. Она въ огородѣ работала, а нищій подошелъ просить милостыни и надоѣлъ ей. Выбрала она гнилой кочанъ да въ него и кинула. А тотъ поднялъ и говоритъ: „И за то спаси тебя Богъ".

А сноха была совсѣмъ другая: кроткая женщина. Во всемъ она хотѣла свекрови угодить и людямъ помочь. Разъ послала ее свекровь поглядѣть, не отелилась ли корова. Она пошла и видитъ, что отелилась—и телочкой. Взяла она теленка да бѣдной вдовѣ-сосѣдкѣ и просунула.

А свекрови сказала: „Отелила, да мертвенькаго". А та ей: „Коль мертвенькаго, поди", говоритъ: „убери его". Тѣмъ разговоръ и кончился. А у сосѣдки телочка выходилась, стала коровой, и полегче стало жить вдовѣ.

Вотъ умерла свекровь. И снится она разъ снохѣ: будто приходитъ она, да такая печальная. Сноха и спрашиваетъ: „Что ты такая, матушка? Каково тебѣ тамъ?" Свекровь-то и отвѣчаетъ: „Плохо", говоритъ: „дочка. Одну только капусту гложу. А вотъ тебѣ тамъ хорошо приготовлено: мѣсто тебѣ свѣтлое, и корова тамъ гуляетъ съ золотыми рогами". А сноха и говоритъ: „Ну, возьми мое мѣсто себѣ, матушка, а я буду другое наживать". Сказала она это и проснулась. И съ тѣхъ поръ стала еще больше добра дѣлать.

2. Какъ материна рубашка дѣвку спасла.[1])

Затѣяла дѣвка подъ новый годъ въ банѣ гадать и слышитъ она, что идетъ къ ней нечистый. Испугалась дѣвка и не знаетъ, о

---

[1]) Оба разсказа записаны близь г. Коломны Московской губ.

чемъ съ нимъ говорить. Чуетъ она, что разорветъ онъ ее и сидитъ ни жива ни мертва [1]).

А посреди бани мать повѣсила свою рубаху сушиться. Рубаха-то и мѣшаетъ окаянному къ дѣвкѣ подойти. Онъ было хотѣлъ ее въ сторону отодвинуть, а она ему: „Что“, говорить, „ты меня такъ-прешь? Погоди-ка. Знаешь ли ты сколько за мной трудовъ-то было?“ — „Нѣтъ“, говоритъ нечистый: „не знаю. А что? Разскажи“.—„Да мужикъ-то вѣдь еще съ осени землю-то пахалъ, а весной опять перепахивалъ. А тамъ бороновать надо, сѣять да опять бороновать“. Выслушалъ окаянный и хочетъ отодвинуть рубаху. А та: „Ты“, говоритъ, „погоди. Еще не все. А какъ ленъ-то выросъ, брать его надо. Выберутъ да въ бабки [2]) поставятъ. Подсохнетъ онъ немного, тутъ его на гумно свезутъ, да вальками молотить будутъ“. Сунулся было окаянный, а рубаха опять: „Нѣтъ, погоди. А какъ вымолотили ленъ-то, разстелютъ по лугамъ, да мѣсяцъ онъ и мочится. А тутъ соберутъ, сушить станутъ, мять, трепать, толочь да чесать, да щеткой гладить“.—„Все что ли?“ спрашиваетъ окаянный. А рубаха ему: „Что ты! Вѣдь, еще прясть надо, пряжу-то золить, а тутъ основу сновать, станъ обряжать да ткать. А холстъ то соткешь, бѣлить его надо. Ну ужъ выбѣлишь и рубаху кроить да шить можно“.

Какъ кончила рубашка, нечистый-то какъ кинется... А пѣтухъ-то и запѣлъ. Такъ и не пришлось окаянному дѣвку разорвать.

К.

Пѣсня,

записанная въ д. Масловкѣ, Курской г., Старооскольскаго у., въ іюнѣ 1906 г.

Вѣтеръ вѣетъ, повѣваетъ,
Лѣсъ зелёненькій шумитъ;
Сама дѣвица не знаетъ,
Котораго съ (изъ) трехъ любить.
Полюбила я мальчонка,
Котораго здѣсь и нѣтъ;
Онъ у городѣ Адессѣ,
На улицѣ на ровнѣ.
Тамъ стояло же три башни,
Посередкѣ большой домъ;
То ни домъ же ни больница—
Настоящая тюрьма.

---

[1]) Если гадать въ банѣ подъ новый годъ, то надо накрыть столъ на двоихъ и ждать. Въ полночь въ образѣ суженаго придетъ нечистый, и надо съ нимъ до первыхъ пѣтуховъ разговаривать. Коли дѣвка испугается да замолчитъ, черти ее разорвутъ. А одну такъ за ребро къ потолку подвѣсили. Такъ ее поутру и нашли.

[2]) Выраженіе „поставить ленъ въ хороводы“ употребляется во Владимирской губерніи.

А въ той тюрьмѣ сидитъ мальчикъ,
Знать судьба его така.
Ничего въ тюрьмѣ не слышно,
Только слышенъ звонъ ключей.
Ключникъ двери отворяетъ:
Выходи-ко, братъ, сюда!
Вышелъ мальчикъ на свѣтъ Божій,
На (а)рестанское крыльцо.
Глянулъ вправо, глянулъ влѣво—
Окружилъ его конвой.
Отколь взялся переписчикъ,
Переписывалъ бродягъ.
Отколь взялся тотъ священникъ,
Сталъ на ухо мнѣ шептать:
Признавайся ты, мой мальчикъ,
Сколько душъ ты загубилъ?
Я тихонько отвѣчаю:
Девяносто православныхъ и сто двадцать пять жидовъ;
А за тѣхъ же трехъ татаровъ
Въ тюрьму-каторгу попалъ.
Вотъ и взялся тотъ судебный,
Сталъ рѣшеніе читать;
Прочитавши же рѣшенье,—
Двадцать выстрѣловъ мнѣ дать!
Девятнадцать пролетѣло
Мимо тѣла моего,
Ну, двадцатая злодѣйка
Прямо въ грудь же мнѣ впилась.

С. Бумаковъ.

Изъ деревенскихъ наблюденій.

Въ нашей бѣлорусской деревнѣ сохранилось много дѣдовскихъ языческихъ обрядовъ и обычаевъ, которые неупустительно выполняются и нарушеніе ихъ считается большимъ грѣхомъ и позоромъ. Напримѣръ, четвергъ на масляной недѣлѣ въ Слонимскомъ уѣздѣ называется „Волосье“. Въ этотъ день бабы съ самаго утра готовятъ въ изобиліи мясную закуску: изъ свинины и воловьяго мяса, если послѣдняго удобно купить. Крестьяне хозяева въ свою очередь запасаются водкой, приглашаютъ другъ друга, т. е. сосѣдей, родственниковъ въ гости и затѣмъ, подгулявши, бродятъ по улицамъ своихъ деревень, чтобы мужчинамъ велась скотина, а бабамъ родился волокнистый ленъ. Въ первый день великаго поста съ самаго утра у винной лавки толпа мужчинъ, бабъ, нерѣдко подростковъ толкается, кричитъ, поетъ, валяется на землѣ, дерется, ругается. Если спросите, что это за праздникъ, то вамъ отвѣтятъ: „Полощемъ зубы, штобы мясо у зубахъ не зоставалося, а то грѣхъ, якъ ено въ зубахъ будзе“. Надо сказать, что нашъ бѣлоруссъ религіозенъ и ни за что не согласится въ постные дни употреблять мясную пищу.

Даже кража считается меньшимъ грѣхомъ, чѣмъ скоромная пища въ постъ.

Въ понедѣльникъ Ѳоминой недѣли нашъ бѣлоруссъ считаетъ своею обязанностью побывать въ церкви у обѣдни и посѣтить могилу своихъ близкихъ родныхъ. Этотъ день онъ называетъ „Задушный дзень". На могилу отправляется вся семья крестьянина, для чего берется съ собою водка, закуска, крашеное пасхальное яичко и кость отъ пасхальнаго мяса. Придя къ могилѣ, вся семья вокругъ могилы становится на колѣни, молится Богу по усопшему или усопшей, а затѣмъ выпиваетъ водку, закусываетъ. Предъ первой рюмкой глава семьи произноситъ: „Вѣчный покой змарлэй души, царство небесное, а намъ доброе жице". При этомъ всѣ присутствующіе вздохнутъ. Этимъ выражается сожалѣніе по умершемъ. Вторая рюмка водки выливается на могилу умершему. Все время трижды восхваляются добрыя качества покойнаго, какихъ у него можетъ быть и не было. Всѣ поддакиваютъ восхвалителю и съ своей стороны высказываютъ много похвалъ. Послѣ закуски вторично молятся о душѣ умершаго, исправляютъ его могилу, обкладываютъ ее камнями, дерномъ и затѣмъ оставляютъ покойнику на могилѣ пасхальное яичко, кусокъ пирога, кусочки мяса и втыкаютъ въ могилу отъ пасхальнаго мяса кость. Бѣлоруссъ суевѣренъ: онъ того мнѣнія, что умершіе могутъ выходить изъ могилъ, принимаютъ образъ человѣческій, въ извѣстные дни принимаютъ пищу и если не являются людямъ, то потому, что боятся тяжелаго наказанія. Во многихъ приходахъ глухого „полѣсья" кладутъ въ гробъ умершему въ запасъ рубашку, пару лаптей, онучи, трубку съ табакомъ и трутъ.

Крестьянинъ.

(„Минск. Слово", № 130).

Хроника.

Дѣятельность Отдѣленія Этнографіи И. Р. Г. О-ва. Въ засѣданіи, 6-го апрѣля были сдѣланы:

1) Сообщеніе чл. сотр. *А. А. Макаренко*: „Сибирскій народный календарь" (прочелъ въ извлеченіи чл. сотр. Н. Н. Виноградовъ).

2) Сообщеніе *М. М. Пришвина:* „Этнографическія наблюденія изъ Выговскаго края" (Повѣнецкаго уѣзда). Были показаны діапозитивы.

Въ послѣднемъ весеннемъ засѣданіи, 13 апрѣля было заслушано интересное сообщеніе *В. И. Іохельсона*, члена экспедиціи, снаряженной „Американскимъ Музеемъ Естественныхъ Наукъ" въ Нью-Іоркѣ: **„Этнологическія проблемы на сѣверныхъ берегахъ Тихаго Океана"**.

Программа:

Организація и задачи сѣверо-тихо-океанской экспедиціи. Отношеніе аборигеновъ Америки къ обитателямъ стараго свѣта. Различныя теоріи на этотъ счетъ. Важность этнологическаго изслѣдованія сѣверныхъ береговъ Тихаго Океана. Азіатскіе и Американскіе отдѣлы экспедиціи. Отношеніе между собой этническихъ группъ: т. н. палеазіатовъ (чукчей, коряковъ, камчадаловъ, юкагировъ, гиляковъ и айновъ), эскимосовъ и индѣйцевъ. Вопросы лингвистики, соматологіи, матеріальной культуры, духовнаго развитія (религія и миѳы), первобытнаго искусства и семейно-родовыхъ отношеній. Результаты экспедиціи. Изъ путешествія лектора по Сибири.

Были показаны діапозитивы.

Рукописи, поступившія въ Отдѣленіе Этнографіи И. Р. Г. О-ва въ 1906—1907 г.

Юсуповъ.	Астара.
А. Чесноковъ.	Народныя пѣсни.
А. Чесноковъ	(2) Святочныя пѣсни. Народныя пѣсни.
М. К. Герасимовъ.	Матеріалы по народной медицинѣ.
Я. П. Ильинскій.	Пѣсни, причеты и стихи, записанные въ Ярославской и Вологодской губерніяхъ.
И. П. Лебедевъ.	„Зыряне" крат. истор. очеркъ.
И. Косталовскій.	6 рукописей.
Е. П. Савостьяновъ.	Печорскій край.
Я. Кузнецовъ.	Переяславское Христославленіе.
Д. П. Дементьевъ.	Заговоры охотниковъ.
М. Добротворскій.	Опытъ объясненія Ижемскими Зырянами названій болѣзней животныхъ.
„	3 пѣсни Ижемскихъ Зырянъ.

Г. Е. Верещагинъ.	Языческіе обычаи и празднества у Вотяковъ.
А. Каменевъ.	Характеристика двухъ крестьянскихъ хозяйствъ въ Грязовецкомъ у.
А. Чесноковъ.	Св. Козьма и Демьянъ въ повѣрьяхъ русскаго народа.
А. Е. Русскихъ.	Пѣсни духовныя и заговоры, записанные въ Вятской губ.
К. И. Степанцевъ.	Этнографическія замѣтки. Гражданское право.
А. Чесноковъ.	Народныя пѣсни. Два стихотворенія.
В. А. Городцевъ.	Слова изъ говора крестьянъ села Дубровичъ Рязанской губ.
А. Чесноковъ.	Сказаніе о птицѣ небесной (55 ст.).
„	Сказаніе о Ѳедорѣ Тыринѣ (61 ст.).
9 рукописей	съ отвѣтами на програму для собиранія свѣдѣній о народныхъ говорахъ.
И. Косталовскій.	О курганахъ. Загадки. Праздникъ Вознесенія Господня.
С. Чигинъ.	Мордва-Мокша. Очеркъ.
С. В. Фарфоровскій.	Свадьба и ея обычаи въ Переяславскомъ у. Владимірской губ.
Д. И. Востровъ.	Народные мотивы (Костромская губ.).
А. Александровъ.	Канты.
„	О Штундѣ.
„	Кончина праведника.
„	Пріисковыя пѣсни.
Д. Зеленинъ.	Пословицы, поговорки и загадки Вятскаго края.
С. А. Ненецинъ.	Свадебные причеты.
А. Александровъ.	149 пѣсенъ (Сибирь).
„	115 пѣсенъ (Сибирь).
„	Кантъ „Гдѣ рай мой прекрасный“.
„	Пріисковыя пѣсни (Шаргонъ).
„	Пѣсни рабочихъ на пріискахъ въ Южно-Енисейской тайгѣ.
„	Іосифъ прекрасный.
В. Н. Плотниковъ.	Киргизскія пословицы и поговорки.
6 рукописей	съ отвѣтами на вопросы, поставленные пѣсенной комиссіей.
И. Косталовскій.	Свѣдѣнія о постройкахъ.
„	Этнографическіе обычаи и повѣрья.
„	Обычаи, повѣрья и разныя суевѣрья.
„	Гончарное производство.
К. Широковъ.	Краткое описаніе быта и нрава Вотяковъ.
В. Степановъ.	Свадебный обычай въ Петербургской губ.
В. П. Милорадовичъ.	12 сказокъ.
И. Косталовскій.	Гончарное производство въ Мышкинскомъ у.
Д. П. Якушевъ.	Село „Пожилино“ Ефремовскаго у., Тульской г.
М. К. Герасимовъ.	Изъ обычаевъ и повѣрій Череповецкаго у.
С. А. Подъяконовъ.	Якутская сказка.
В. Н. Добровольскій.	Данныя для народнаго календаря.

Д. Н. Дементьевъ.	Свадебные обряды (въ Костромской губ.).
В. Антиповъ.	Сказаніе о царѣ Соломонѣ.
„	Сказаніе о томъ, какъ мужикъ съ Николой путешествовали.
А. Н. Васильевъ.	Свѣдѣнія о постройкахъ.
Ник. Несмѣловъ.	Памяти Николая Петровича Барсова.
„	Ювелирныя украшенія Туркменъ.
А. А. Петровъ.	Отзывъ о сборникѣ русскихъ народныхъ пѣсенъ Ольги Хиаро-Барщевской.
Вольтеръ.	Извлеченіе нѣкоторыхъ этнографическихъ свѣдѣній изъ быта крестьянъ Жмудиновъ.
С. Булмаковъ.	Пѣсня, записанная въ с. Масловкѣ, Курской г., Старооскольскаго у.
П. Молчановъ.	Пять народныхъ пѣсенъ, зап. въ Самарской г.
К. Борисоглѣбская.	Три разсказа, записанные въ Коломенскомъ у. Московской губ.
П. Зенбицкій.	Сумасшедшій самозванецъ.
С. Фарфоровскій.	Нѣсколько дней среди карачаевцевъ.

Общество любителей древней письменности. 30 марта состоялось, подъ предсѣдательствомъ Н. П. Кондакова общее собраніе Императорскаго общества любителей древней письменности. Въ этомъ засѣданіи Н. Н. Виноградовымъ былъ сдѣланъ докладъ объ издаваемой имъ повѣсти „Парижъ и Вѣна“, представляющей рыцарскій романъ, французскій оригиналъ котораго, по указанію А. Н. Пыпина, относится къ концу XV вѣка. Н. Н. Виноградовъ высказалъ предположеніе, что въ нашу письменность повѣсть проникла черезъ западныхъ славянъ. На этомъ же собраніи Д. В. Айналовъ демонстрировалъ два роскошныхъ изданія: 1) Матеріалы для исторіи русской иконописи, изд. Н. П. Лихачева, представляющіе альбомъ фототипическихъ снимковъ съ 800 иконъ слишкомъ и дающіе неисчерпаемый матеріалъ для всеобщей исторіи иконописнаго искусства; 2) второе изданіе, заграничное, представленное вниманію собранія, было великолѣпное изданіе Гебли ватиканской рукописи, извѣстное подъ названіемъ Іисусова свитка. Относительно этого изданія Н. П. Кондаковъ высказалъ соображеніе, что свитокъ этотъ является увеличенной римской копіей V вѣка съ греческаго оригинала.

27 апрѣля состоялось годовое засѣданіе общества, на которомъ былъ прочитанъ годичный отчетъ и заслушанъ очень интересный и важный докладъ Н. В. Султанова: „Рукописный планъ Тихвинскихъ монастырей XVII вѣка“.

26 апрѣля въ Академіи Наукъ состоялось публичное засѣданіе разряда изящной словесности, въ которомъ гр. И. И. Толстымъ, Н. П. Кондаковымъ и Н. Е. Рѣпинымъ было сдѣлано сообщеніе о скончавшемся почетномъ академикѣ В. В. Стасовѣ.

СПб. Университетскій Студенческій Географическій кружокъ. 9 апрѣля 1907 года состоялось 5 засѣданіе кружка. Были выслушаны сообщенія:

1) А. А. Спицына—„Археологія къ вопросу о началѣ Руси".

2) Н. Н. Виноградова — „Народныя суевѣрія, связанныя съ предметами доисторической археологіи".

Археологическій Институтъ въ Москвѣ. Высочайше утверждено положеніе о Московскомъ Археологическомъ Институтѣ. Институтъ этотъ возникъ по инціативѣ бывшаго министра народнаго просвѣщенія генералъ-лейтенанта В. Г. Глазова и приватъ-доцента А. И. Успенскаго и учреждается на частныя средства. Онъ имѣетъ цѣлью научную разработку археологіи, археографіи и русской исторіи съ ея вспомогательными науками, а равно и подготовку спеціалистовъ для должностей въ архивахъ, музеяхъ и библіотекахъ правительственныхъ, общественныхъ и частныхъ. Въ дѣйствительные слушатели института принимаются лица обоего пола, окончившія курсъ наукъ въ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ. Лица же, не получившія высшаго образованія, допускаются въ Институтъ, по усмотрѣнію его совѣта, лишь въ качествѣ вольнослушателей. Дѣйствительные слушатели, окончившіе успѣшно курсъ въ Институтѣ, получаютъ, по защитѣ диссертаціи, званіе ученаго археолога или ученаго архивиста и зачисляются въ дѣйствительные члены Института. Лица же, не защитившія диссертаціи, получаютъ званіе окончившаго курсъ Института съ зачисленіемъ въ его члены-сотрудники.

Институтъ состоитъ изъ двухъ отдѣленій,— археологическаго и археографическаго (архивнаго). Въ Институтѣ преподаются: 1) Первобытная археологія, 2) Бытовыя древности, 3) Юридическія древности, 4) Христіанская археологія, 5) Русская исторія (Исторія учрежденій и проч.), 6) Исторія русской литературы и исторія русскаго языка, 7) Всеобщая исторія искусства, 8) Исторія русскаго искусства, 9) Исторія русской архитектуры, 10) Историческая географія, 11) Этнографія, 12) Нумизматика, 13) Сфрагистика, 14) Геральдика, 15) Генеалогія, 16) Метрологія и хронологія, 17) Армографія, 18) Славянская палеографія, 19) Эпиграфика, 20) Греческая палеографія, 21) Дипломатика, 22) Архивовѣдѣніе, 23) Музеовѣдѣніе, 24) Библіотековѣдѣніе. Распредѣленіе предметовъ на общіе и преподаваемые на каждомъ изъ двухъ отдѣленій, а равно и по курсамъ, предоставляется совѣту Института. 26-го февраля состоялись выборы попечителя и директора Института закрытой баллотировкой. Попечителемъ избранъ былъ генералъ-лейтенантъ В. Г. Глазовъ, директоромъ—приватъ-доцентъ А. И. Успенскій, профессорами—Филипповъ по кафедрѣ юридическихъ древностей, Соболевскій—по греческой палеографіи, Брандъ—по исторіи русскаго языка, Смоленскій—по церковно-пѣвческой археологіи, инженеръ Флейшеръ—по исторіи русской архитектуры, металловъ и исторіи церковной археологіи и Высоцкій—секретаремъ.

Международный съѣздъ академій Наукъ въ Вѣнѣ. На съѣздѣ присутствуютъ делегаты свыше шестидесяти академій наукъ и ученыхъ обществъ со всѣхъ концовъ міра. Цѣль конференціи, помимо разрѣшенія многихъ научныхъ вопросовъ, установленіе правильныхъ сношеній между учеными обществами и взаимообразнаго обмѣна сокровищами библіотекъ. Это—первое въ исторіи человѣчества собраніе свѣтилъ науки. Всѣ представленныя на конгрессъ учрежденія соединятся въ одну интернаціональную ассоціацію. Съѣздъ раздѣленъ на секціи по категоріямъ наукъ, выдѣляющія центральныя комиссіи и подкомиссіи. Ассигновано 100.000 марокъ на изданіе Л. фонъ-Шредеромъ въ Вѣнѣ цикла санскритской литературы Магабгарата въ 14 томахъ. Подготовительныя работы въ полномъ ходу.

Международный Археологическій Съѣздъ назначенъ на апрѣль 1909 г. въ Александріи. Засѣданія съѣзда будутъ происходить также въ Каирѣ и на мѣстѣ древнихъ Ѳивъ. Предполагается осмотръ пирамидъ, царскихъ гробницъ, храма Абидоса и пр.

Съѣздъ французскихъ и нѣмецкихъ археологовъ состоится въ сентабрѣ с. г. въ Аѳинахъ. Среди вопросовъ, намѣченныхъ для разсмотрѣнія на съѣздѣ, наиболѣе интересные: 1) разработка программы изысканій архитектурныхъ памятниковъ Эфеса, Малой Азіи и острововъ Архипелага; 2) доклады о реставраціяхъ и раскопкахъ, какъ законченныхъ, такъ и продолжающихся, и 3) принятіе мѣръ къ уничтоженію между французскими и нѣмецкими учеными ожесточенной борьбы, усложняющей работы по изученію предметовъ старины.

Выставка „русскаго узорія" К. Далматова. Въ маѣ—іюлѣ мѣсяцахъ въ С.-Петербургѣ, на Фонтанкѣ, въ спеціально приспособленномъ помѣщеніи извѣстный художникъ К. Далматовъ выставилъ собиравшіеся имъ въ теченіе многихъ лѣтъ предметы русскаго народнаго искусства. Всего въ 7 комнатахъ выставлено болѣе 2.000 предметовъ, причемъ главное мѣсто занимаютъ вышивки: золотомъ, серебромъ, шелками, шерстями и бумагой. Поразительно количество и разнообразіе узоровъ, собранныхъ съ разныхъ концовъ Россіи и сопоставленныхъ съ инородческимъ орнаментомъ. Кромѣ вышивокъ много рѣзьбы по дереву. Есть принадлежности костюмовъ, и цѣлые костюмы; домашняя утварь, изразцы, набойки и пр., и пр. Очень интересенъ церковный шкафъ, сплошь украшенный рѣзьбою и раскраскою, вывезенный изъ Нижегородской губ. Художникомъ собрано также много очень рѣдкихъ старинныхъ рисунковъ этнографическаго характера. Несмотря на большой интересъ, выставка посѣщалась крайне мало.

Выставка музея кн. М. К. Тенишевой. 10 мая н. ст. въ Парижскомъ музеѣ декоративныхъ искусствъ открылась выставка музея кн. Тенишевой. Обширное собраніе предметовъ древне-русскаго искусства, составленное многолѣтнимъ упорнымъ собирательствомъ такой

глубокой любительницы искусства, какъ кн. Тенишева, пользуется уже заслуженною извѣстностью въ Россіи. По единодушнымъ отзывамъ газетъ, у выставки большой успѣхъ.

„Съ изумленіемъ останавливаешься передъ этими кружевами, матеріями, эмалями, серебряными издѣліями такой тщательности, богатства и чистоты отдѣлки, такой тонкости въ каждой мелочи композиціи, которую мы и не подозрѣвали въ столь мало культурномъ народѣ", — пишетъ „Figaro".

Свою великолѣпную коллекцію старинныхъ иконъ, вышивокъ, кружевъ, филигранныхъ, серебряныхъ пуговицъ и проч. княгиня предназначаетъ въ музей ея имени въ Смоленскѣ.

Болгарскія Древности (Българскы Старини). Подъ такого рода общимъ заглавіемъ Археографическая комиссія М-ва Народн. Просв. предположила издать цѣлый рядъ памятниковъ древней болгарской письменности. Вышелъ уже I вып. этой серіи „Добрѣйшово Четвероевангеліе", средне-болгарскій памятникъ XIII в. (по ркп. Соф. народн. библ. № 307 и Бѣлград. народн. библ. № 214), подъ ред. проф. Б. Цонева. Предположено къ изданію: II в. „Каприщенски Дамаскинъ"; III в. Критическое изданіе Паисіевой Болгарской исторіи; IV в. Охридскій Апостолъ XIII в.; V в. Двѣ неизвѣстныя Болгарскія исторіи.

Вмѣстѣ съ тѣмъ будетъ издаваться и художественная серія „Болгарскихъ Древностей", въ которой будутъ воспроизведены художественные орнаменты древнихъ болгарскихъ рукописей и др.

Императорская Академія Наукъ признала представленную на премію П. Н. Батюшкова работу г. Довнара-Запольскаго „Очерки по организаціи западно-русскаго крестьянства XVI вѣка" достойной почетнаго отзыва. — Преміи имени Гоголя присуждены: въ 1.000 р. А. В. Крыловскому за сочиненіе „Львовское ставропигіальное братство" и „Архивъ юго-западной Россіи"; въ 500 руб.—А. И. Малинкѣ за „Сборникъ матеріаловъ по малорусскому фольклору". Кромѣ того удостоены почетнаго отзыва труды В. Милорадовича „Житье-бытье Лубенскаго крестьянина" и „Средняя Лубенщина".—Большая награда графа Уварова въ 1.500 руб. за сочиненіе по исторіи Россіи и другихъ славянскихъ странъ присуждена А. А. Кизеветтеру, за работу „Посадская община въ Россіи XVIII столѣтія", и епископу Арсенію, за работу „Изслѣдованія и монографіи по исторіи молдавской церкви"; малыя награды, по 500 руб., присуждены: В. Н. Бенешевичу, за трудъ „Каноническій сборникъ XIV титуловъ со второй четверти VII вѣка до 883 года", и А. В. Стороженко, за работу „Стефанъ Баторій и днѣпровскіе казаки"; наконецъ, почетные отзывы: Д. И. Багалѣю („Опытъ исторіи харьковскаго университета") и Ѳ. Ф. Вержбовскому („Матеріалы по исторіи московскаго государства въ XVI и XVII столѣтіяхъ").—Премія графа Д. А. Толстого въ размѣрѣ 800 руб. присуждена В. Г. Васенко за „Книгу степенную царскаго родословія и ея значеніе въ древне-русской исторической письменности". Почетнаго отзыва имени графа Д. А. Толстого удостоенъ Я. Трусевичъ за „Своды 260 азбукъ и образцовъ Кириллицы".

Отдѣленіе русскаго языка и словесности въ настоящемъ году не нашло возможнымъ присудить ни одной преміи имени д. ст. сов. М. И. Михельсона, учрежденной при Императорской Академіи Наукъ за труды въ области науки о русскомъ языкѣ, и обычнаго публичнаго засѣданія, назначаемаго на 16 декабря того года, на который приходится самое присужденіе премій нынѣ не состоялось. Отдѣленіе русскаго языка и словесности назначаетъ новый конкурсъ на трехлѣтіе 1907—1909, при чемъ предлагаются какъ задачи, объявленныя ранѣе и до сихъ поръ оставшіяся безъ отвѣта, такъ и нѣсколько новыхъ задачъ, выработанныхъ особою комиссіею (см. в. I-й „Жив. Ст.“). Сочиненія на объявленныя задачи должны быть представлены не позднѣе 1 марта 1909 года.

Д. т. с. В. А. Зеэ пожертвовалъ Императорской Академіи Наукъ 30.000 руб. съ тѣмъ, чтобы проценты съ этого капитала каждое трехлѣтіе были выдаваемы въ качествѣ преміи за лучшія сочиненія по русской географіи, гигіенѣ, исторіи Россіи, русской словесности и агрономіи.

„Пещное Дѣйство“. 18 марта, въ воскресенье, въ 8 часовъ вечера, въ Большомъ залѣ Епархіальнаго дома состоялось „открытое засѣданіе“ комиссіи по изученію памятниковъ церковной старины города Москвы и Московской епархіи. Засѣданіе открылось чтеніемъ краткой записки о дѣятельности комиссіи, которая возникла лишь въ концѣ 1902 г. по мысли ея предсѣдателя, директора Московскаго Археологическаго Института, Александра Ивановича Успенскаго и въ продолженіе краткаго періода своего существованія успѣла выпустить въ свѣтъ 4 объемистые тома своихъ трудовъ, весьма цѣнныхъ по своему содержанію и по богатству иллюстрацій. Дальше слѣдовало *Пещное Дѣйство* въ исполненіи полнаго хора и отдѣльныхъ солистовъ сунодальныхъ пѣвчихъ подъ управленіемъ извѣстнаго талантливаго композитора А. Д. Кастальскаго, который, на основаніи старинныхъ крюковыхъ нотъ, относящихся къ *Пещному Дѣйству*, сочинилъ очень красивую, прелестную музыку; въ большей же части *Пещное Дѣйство* оставлено г. Кастальскимъ именно въ томъ видѣ, въ какомъ оно дошло до насъ по крюкамъ. Самостоятельное творчество г. Кастальскаго относится къ нѣкоторымъ діалогамъ „отроковъ и халдеевъ“. Въ этой части композиторъ проявилъ глубокое пониманіе древне-русской музыки. Пѣніе сопровождалось чтеніемъ реферата проф. консерваторіи свящ. В. М. Металлова, вводящаго въ пониманіе *Дѣйства* и музыки. При помощи волшебнаго фонаря было воспроизведено много свѣтовыхъ картинъ съ миніатюръ XI—XVII в. и съ послѣдней картины Н. К. Рериха—*Пещного Дѣйства*, бывшей на только-что закрытой выставкѣ Союза русскихъ художниковъ. Картины весьма интересны и все вмѣстѣ взятое давало превосходное понятіе о вышеупомянутомъ обрядѣ. Пѣвчіе были въ своихъ красовыхъ кафтанахъ съ красными и зелеными восковыми свѣчами въ рукахъ. „Отроки и халдеи“ исполняли свои роли безукоризненно. Послѣ діалоговъ пропѣто было „На рѣкахъ Вавилонскихъ“ по 3-мъ статьямъ и затѣмъ „многолѣтны“, гдѣ испрашиваются долгіе годы „Тишайшему Царю Алексѣю, Царицѣ Натальѣ, благовѣрнымъ царе-

вичамъ и царевнамъ, патріарху Всероссійскому и всѣмъ православнымъ христіанамъ".

Украинскій вертепъ. И. М. Стешенко предполагаетъ поставить на рождественскихъ святкахъ въ музыкально-драматической школѣ Н. В. Лисенко, а затѣмъ и для ознакомленія болѣе широкой публики, украинскій вертепъ, въ которомъ посредствомъ маріонетокъ будетъ представлена украинская мистерія. Мистеріи и интермедіи, эти зачатки драмы, широко были распространены по Украинѣ въ XVII и XVIII вѣкахъ. Распространителями ихъ были, главнымъ образомъ, студенты кіевской духовной академіи, странствовавшіе въ каникулярное время по Украинѣ и устраивавшіе свои лицедѣйства въ помѣстьяхъ тогдашняго украинскаго панства. Одинъ изъ такихъ вертеповъ, какъ историческій памятникъ, сохранялся до послѣдняго времени въ имѣніи Галагана, который увѣковѣчилъ его на страницахъ „Кіевской Старины" 80-хъ годовъ, помѣстивъ здѣсь партитуру пьесы и рисунокъ вертепнаго ящика. Этотъ вертепъ и послужилъ образцомъ для г. Стешенко, который въ своемъ вертепѣ имѣетъ въ виду воспроизвести старинный украинскій вертепъ. Для ознакомленія публики съ исторіей вертепа г. Стешенко предполагаетъ прочесть предварительно краткую вступительную лекцію.

Сказители былинъ въ Финляндіи. Три былинныхъ сказителя выступали передъ публикой въ Таммерфорсѣ, въ Финляндіи. Всѣ трое сказителей кареляки изъ Шуйстамскаго прихода, по имени Константинъ Куокка, Иванъ Опола и Иванъ Шеменка. Названные три пѣвца извѣстны въ Финляндіи пѣніемъ былинъ еще въ той формѣ, какую эти произведенія народной поэзіи имѣли до составленія Калевалы. Затѣмъ гастролеры отправились, по словамъ „Финл. Газ.", дальше на сѣверъ, въ Ювяскюля, и намѣрены посѣтить еще Або и Гельсингфорсъ. Всѣ трое пѣвцовъ пожилые люди, но еще довольно крѣпки на видъ; одѣты въ овчинные широкіе полушубки, какіе приняты крестьянами въ Кареліи, съ длинноотпущенными сѣдыми бородами. Поютъ соло и хоромъ, причемъ одинъ изъ нихъ, Иванъ Шеменка, аккомпанируетъ на кантеле. Нынѣшнее лѣто они приглашены были въ Куопіо на сельскохозяйственную выставку.

Рабочіе на сооружаемой желѣзнодорожной линіи Нейшлотъ—Элизенвара при раскопкахъ такъ называемаго „Епископскаго холма" вблизи Нейшлота открыли множество человѣческихъ костей, остатковъ украшеній, одежды. Замѣчательно, что, по разсказамъ очевидцевъ, иные черепа настолько сохранились, что на нѣкоторыхъ частяхъ еще были волосы. Изъ предметовъ обращаютъ на себя вниманіе серебряные нагрудные кресты и медальончики, а также деньги. Найдены, между прочимъ, шелковая синяго цвѣта ленточка въ 10 сантиметровъ ширины и 40 длины съ золотымъ на ней образкомъ и рядомъ съ ней черный шелковый чепчикъ. Такъ какъ свѣдущихъ лицъ на мѣстѣ работы не имѣется, то рабочіе обращаются съ находками по своему усмотрѣнію.

Недалеко отъ Владиміра-Волынскаго, на мѣстѣ, отчужденномъ подъ желѣзную дорогу, на низменности, окруженной съ трехъ сторонъ болотами, а четвертой — опирающейся на пески, по словамъ „Волыни", найдены при раскопкахъ свыше 40 гробовъ. Гробы, по формѣ похожіе на корыта, большею частью выдолблены изъ цѣльнаго куска дуба. Особое вниманіе обратилъ на себя одинъ изъ гробовъ, сдѣланный изъ шести каменныхъ плитъ толщиною каждая въ 3 четверти аршина. Когда верхняя плита-крышка была снята, то въ гробу нашли скелетъ молодой женщины, на которомъ сохранились куски матеріи отъ кофточки. Скелетъ находился въ сидячемъ положеніи. Въ гробу найдены двѣ хорошо сохранившіяся ея косы. Отсутствіе креста и форма гробовъ даютъ основаніе предположить, что открытое кладбище должно быть отнесено къ IX столѣтію.

Раскопки въ Подольской губерніи, весьма интересныя въ научномъ отношеніи, произведены истекшей осенью однимъ изъ усерднѣйшихъ изслѣдователей древностей нашего юга В. В. Хвойко, совмѣстно съ молодымъ петербургскимъ ученымъ К. В. Хилинскимъ. О результатахъ раскопокъ подробно сообщено К. В. Хилинскимъ въ докладѣ, сдѣланномъ имъ въ общемъ собраніи Императорскаго русскаго археологическаго общества. Наибольшее значеніе имѣютъ находки, сдѣланныя изслѣдователями близъ селеній: Веремье и Крутобородинецъ. Здѣсь обнаружены были прогремѣвшія нѣсколько лѣтъ назадъ въ археологическомъ мірѣ загадочныя площадки, открытыя В. В. Хвойко въ Трипольѣ близъ Кіева. Ученые относятъ эти площадки къ отдаленнѣйшей древности, къ третьему тысячелѣтію до Р. Хр. Новыя находки въ Подольской губерніи, кромѣ слѣдовъ какихъ то бывшихъ здѣсь сооруженій, отъ которыхъ сохранились лишь обломки, быть можетъ разрушившихся нѣкогда стѣнъ, и части глинянаго пола, состоятъ изъ многочисленныхъ остатковъ гончарныхъ издѣлій, сдѣланныхъ отъ руки, безъ помощи гончарнаго круга. Сосуды большею частью украшены весьма причудливыми и разнообразными орнаментами. Кромѣ того изслѣдователи, по словамъ „Под. Гол.", встрѣтили орудія, костяныя и каменныя фигурки людей и животныхъ.

Лѣтомъ 1906 года въ различныхъ мѣстахъ Финляндіи произведены были археологическія изслѣдованія финской старины. Магистръ Бьернъ Седерварфъ представилъ богатыя коллекціи вещей каменнаго вѣка, найденныхъ имъ въ приходахъ Салтвикъ и Юмала; между доставленными предметами находятся рѣдко встрѣчающіеся глиняные кувшины и чашки съ скульптурными изображеніями, а также своеобразной формы каменные топорики, молотки и проч. Магистръ А. Тальгренъ занятъ былъ въ лѣтнее время работами по изслѣдованію старины въ Кейліе, Харьявала, Суомусъярви, Ускела и т. д. При раскопкахъ въ означенныхъ мѣстностяхъ открыты пепелища съ человѣческими костями, видимо останки приносимыхъ въ древнее время въ жертву людей, сожженныхъ на кострахъ.

Кромѣ перечисленныхъ открытій доставлено много еще и другихъ, изъ Саволакса и Эстерботніи, относящихся къ періоду язычества и католичества въ Финляндіи.

Въ національномъ О-вѣ Антикваровъ Франціи баронъ де-Бай, извѣстный своими трудами по древне-русскому искусству, прочелъ докладъ по поводу открытія въ Гурзуфѣ подземнаго кладбища, которое по всѣмъ даннымъ должно было принадлежать готамъ. Онъ сравнилъ предметы, открытые тамъ, съ тѣми, которые были найдены на языческихъ кладбищахъ Средней и Западной Европы и установилъ существующее между ними поразительное сходство.

Въ томъ же О-вѣ де-Мели доказывалъ несомнѣнную близость, существующую между апокалипсическимъ звѣремъ о семи головахъ и индійскимъ Naja.

Хроника составлена *Н. Виноградовымъ.*

Въ видахъ достиженія возможной полноты настоящаго отдѣла, редакція усердно проситъ гг. секретарей ученыхъ обществъ и учрежденій, въ кругъ дѣятельности которыхъ входятъ работы этнографическаго характера, присылать отчеты и разнаго рода сообщенія печатныя и рукописныя о дѣятельности обществъ.

Желательны также и вырѣзки изъ газетъ.

и внизъ землю не опрокинуть до желѣзной подошвы, до трехъ китовъ, не принести изъ трехъ китовъ ретивого сердца съ мягкимъ легкимъ и съ черною печенью ко мнѣ, въ рабу Божію (имя рекъ). А тотъ часъ и тогда тотъ колдунъ, колдунья, вѣдунъ, вѣдунья раба Божія, князя молодово (имя рекъ) и княину молодую (имя рекъ) и съ тысяцкимъ, и съ свахами, и съ друшками, и со всѣмъ поѣздомъ: съ вершники и повозники, и со мной, рабомъ Божіимъ (имя рекъ) килу не привязать, икоты не напустить, х.й не увязить, пи.ды не украсть, нелюпку не напустить, мокрые грыжи не напустить, къ лавкѣ не привязать, пердежъ не напустить, у передоѣжихъ щекъ не заперетъ, въ пути и въ дорогѣ коней въ воротахъ не поставить, языкъ въ удила не вбить и къ назьму сани не приморозить, въ пути и въ дорогу не укрась, въ пустой дворъ не завезень и въ огородецъ не завезешь, и въ дроводѣлъ не взаведешь, изъ сѣдла не вышибешь, потпругъ не подорвать, изъ саней не вышибить, внизъ не опрокинуть, завертокъ не подорвать, гужей не изорвать, — того тебѣ дѣла не здѣлать не какимъ, не которымъ дѣломъ. Или, кто на князя первобрашнаго (имя рекъ) подумаетъ и на кнеину первобрашную (имя рекъ), и на весь поѣздъ княжей, и на меня раба Божія (имя рекъ),—ангели, архангели, поставьте того отреченика въ землю смоливымъ пнемъ, облейте ретивое серце ево смолою огненной, црь (такъ!) выжги у его очи, замкни уста съ ево злыми дѣлами—въ день подъ солнцемъ, въ ночь подъ мѣсецемъ, по утру рано, вечеру поздо; по всякъ день, по всякъ часъ и по всяко время; на верху и на молоду, на полнѣ и на ущербѣ, и въ сей часъ; и буди тѣмъ моимъ словомъ ключь и замокъ. Ангели Христовы, которое слово я забылъ, поставьте всѣхъ напередъ. Всегда и нынѣ, и присно, и во вѣки. Аминь.

№ 31. [Отъ порчей и другихъ болѣзней].

Во имя Отца и Сына, и Святаго Духа. Аминь. Стану азъ, рабъ Божій (имя рекъ), благословясь, поиду перекрестесь, на Божіи дѣла, на Божій путь, изъ избы дверьми, изъ двора воротми—въ чистое поле. Какъ въ чистомъ полѣ Акіянъ Святое синее море; во Акіянѣ святомъ синемъ морѣ бѣлъ Златарь камень. Какъ въ бѣломъ Златарѣ камени стоитъ золотъ стулъ, на золотомъ стулѣ сѣдитъ святая Марія на золотѣ стулѣ; держитъ святая Марія золотые ножницы; она, святая Марія, обрѣзываетъ, Духъ Святый остригаетъ и обрѣзываетъ съ раба Божія

(имя рекъ) прикосы, призоры, уроки, витряные и утряные, денные и полуденные, вечерные и полуночные, щепоту и болѣзнь иная нутряная; костяную и росыпную грыжу, и околотную грыжу, грыжу пуповую и паховую, надмудную и подмудную, и сколотное, и хомудьцы, килу и вередъ, и отекъ; сердечную грыжу, лихую порчу, глухую, икоту, говорунью, потяготную, позѣвоту и посмѣюнью—изъ костей, изъ мозгу, изъ очей, изъ рѣсницъ, изъ лица, изъ ретиваго сердца, исъ черной печени. изъ горячей крови, изъ становыхъ суставовъ, изъ подсуставныхъ изъ жилъ, изъ рукъ, изъ ногъ, изо всего стану. Съ раба Божія (имя рекъ) святая Марія и съ меня, раба Божія (имя рекъ), порчу и прикосы, призоры, уроки витряные и утряные, денные и полуденные, вечерные и полуночные—на темные лѣсы и на сухіе боры, по мхамъ и по болотамъ, и по гнилымъ колодамъ, по лежачимъ выскирямъ кладетъ, сама приговариваетъ: какъ тѣмъ гнилымъ колодамъ и лежачимъ выскирямъ на сценну (такъ!) не бываетъ зеленымъ, не станетъ на мнѣ, на рабѣ Божіѣ (имя рекъ), не бываетъ притчамъ и порчамъ, призорамъ и прикосамъ, и урокамъ, витрянымъ и утрянымъ, деннымъ и полуденнымъ, вечернимъ и полночнымъ, ведунству и колдунству отнынѣ и до вѣку, раба Божія (имя рекъ) вѣкъ сповѣдаючи, пречистая Мати Божія, Богородица напрестольная. И азъ кое слово забылъ, рабъ Божей, и тотъ то слово поставь у всѣхъ напередъ.

Петръ и Павелъ, верховные апостолы, закройте и защитите меня, раба Божія (имя рекъ), своею ризою нетлѣнною отъ зла человѣка, отъ лихія думы, отъ черново, отъ черемново, отъ бѣлово, отъ русово, отъ попа, отъ попадьи, отъ черньца, отъ черноризницы, отъ дѣвки простоволоски, отъ своея думы, раба Божія (имя рекъ), отъ своево помыслу. И тѣмъ моимъ словамъ ключъ и замокъ. Всегда, нынѣ и присно, и во вѣки вѣковъ. Аминь. Аминь. Аминь.

[Послѣдній листъ рукописи занятъ молитвою на прогнаніе всякаго врага и супостата.—„Да воскреснетъ Богъ“—Конецъ ея, вмѣстѣ съ правымъ нижнимъ краемъ оторванъ. Оборотъ послѣдняго листа занятъ лишь приведенною въ началѣ записью; остальное пространство не записано].

III.

[Рукопись въ восьмую долю, на 15 ненумерованныхъ листахъ; написана на бумагѣ конца XVIII и начала XIX вѣковъ почеркомъ середины XIX ст.; почти всѣ листы съ различными филигранями [1]). Начало и конецъ рукописи утрачены. Внизу по листамъ была какая то запись, частью стершаяся, частью вырванная; осталось лишь нѣсколько буквъ: „...стра. . . ано. . . ецкой. . . кру. . . кокеш. . .". На оборотѣ шестого листа загадка: „Стоитъ море на пяти столбехъ царь глаголетъ сія радость моя а царица рыдаетъ сія пагуба моя" [2]). Въ текстѣ встрѣчаются поправки и приписки. Вся рукопись разбита, была сшита и снова распалась на отдѣльные листочки; края и углы рукописи обились отъ употребленія. По сгибамъ видно, что рукопись была свернута въ трубку. Пріобрѣтена въ С.-Петербургѣ у крестьянина Олонецкой губ., Петрозаводскаго уѣзда, Якова Незлобина.

Отъ заговора (или заговоровъ), помѣщеннаго на утраченныхъ листахъ рукописи, осталось лишь три строки, занимающихъ верхнюю часть нынѣшняго перваго листа:]... часа ключи въ замки. Во вѣки вѣковъ Аминь. Аминь. Аминь.

№ 32. [Заговоръ на остуду].

Встану я, рабъ Божій (имя рекъ), не благословясь, пойду, не перекрестясь, изъ избы не дверьми, изъ сѣней не воротами; выйду во чисто поле, къ синему морю, стану на самое подвальное бревно, погляжу, посмотрю въ подсѣверную сторону: стоитъ въ подсѣверной сторонѣ ледяной островъ; на ледяномъ островѣ ледяная камора; въ ледяной каморѣ ледяныя стѣны, ледяной полъ, ледяной потолокъ, ледяныя двери, ледяныя окна,

---

[1]) Вѣроятно матеріаломъ для этой рукописи послужили чистые листы, вырѣзанные изъ различныхъ архивныхъ дѣлъ. Такого рода рукописи встрѣчаются довольно часто.

[2]) Очень извѣстная загадка, встрѣчающаяся часто даже на богослужебныхъ книгахъ. Отгадка: море—стаканъ вина въ рукѣ; царь — тѣло; царица—душа.

ледяныя стекла, ледяная печка, ледяной столъ, ледяная лавка, ледяная кровать, ледяная постеля, и самъ сидитъ царь ледяной. Въ той ледяной каморѣ, на той ледяной печкѣ сидитъ кошка польска, сидитъ собачка заморска, сидятъ другъ ко другу хребтами. Коли та кошка польска и та собачка заморска повернутся другъ ко другу мордами, царапаются и кусаются до кровавыхъ ранъ. Такъ же бы грызлись и кусались рабъ Божій (имя рекъ) съ рабою Божіей (имя рекъ) до синихъ пятенъ до кровавыхъ ранъ. Не могъ бы рабъ Божій (имя рекъ) на рабу Божію (имя рекъ) ни зрѣть, ни глядѣть, ни въ какой часъ, ни въ какую минуту. Не могла же бы и раба Божія (имя рекъ) на раба Божія (имя рекъ) не зрѣть, не глядѣть ни въ какой часъ, ни въ какую минуту. Ай же ты, царь ледяной, не студи, не морозь ни рѣкъ, ни озеръ, ни синихъ морей! Застуди, заморозь ретиво сердце у раба Божія (имя рекъ) и у рабы Божіей (имя рекъ), не могли бы вмѣстѣ ни ѣсть, ни пить, ни другъ на друга посмотрѣть, ни думами подумать, ни мыслями помыслить. Казался бы рабъ Божій (имя рекъ) рабѣ Божіей (имя рекъ) злѣе звѣря лѣсного, лютѣе гада полевого; такъ же бы и раба Божія (имя рекъ) рабу Божію (имя рекъ). Аминь. Аминь. Аминь.

Говорить трижды плюнуть.

№ 33. [Заговоръ на болѣзнь скота].

Господи, благослови, отче! Святой Власей, Егорей великомученикъ, царица Александра!

На семъ селѣ, на семъ дворѣ, у раба Божія (имя рекъ) во хлѣвѣ сидятъ три жировика и три лѣсовика, и три отпадшихъ силы. У меня, раба Божія (имя рекъ), на жировиковъ и на отпадшую силу есть тридевять прутовъ, тридевять кнутовъ и тридевять булатныхъ ножовъ. Этими тридевятью прутами, тридевятью кнутами и тридевятью булатными ножами откалываю, отбаиваю, отговариваю животъ раба Божія (имя рекъ) отъ избного, отъ печного, отъ двороваго, отъ хлѣвного, отъ уличнаго, отъ водяного, отъ лѣсового, отъ баеннаго, отъ каменнаго, отъ нечистаго духа, отъ отпадшей силы, отъ завидости, отъ переговору, отъ худыхъ глазъ, отъ своей отъ думы, во вѣки вѣковъ. Аминь. Аминь. Аминь.

Говорить въ виникъ, плюнь... [дальше замазано].

№ 34. [Отъ порчи].

Господи благослови, Истинный Христосъ! Во имя Отца и Сына, и Святаго Духа. Аминь. Портевщику, колдовщику, портевщицѣ и колдовщицѣ на синемъ морѣ бѣлой пѣны не прихлебать, морской глубины не измѣрить, небесной высоты не опознать, меня, раба Божія (имя рекъ), въ вѣкъ живучи, не испортить и никакой порчи не пустить: ни въ буйную голову, ни въ ретиво сердце горячее, ни въ легкія, ни въ печень, ни въ грудь бѣлую, ни въ поясницу поперешную, ни въ крыльца. Запрусь же я, рабъ Божій (имя рекъ), отъ портевщика и отъ колдовщика, отъ портевщицы и отъ колдовщицы, и отъ всякаго лихого человѣка крѣпкимъ замкомъ, желѣзнымъ ключемъ и отпущу я, рабъ Божій (имя рекъ), ключъ этотъ въ Окіянъ-море. Когда портевщикъ или колдовщикъ, портевщица или колдовщица на синемъ морѣ бѣлу пѣну прихлебаютъ, морскую глубину спознаетъ, всю небесну высоту измѣряетъ,—и тогда меня, раба Божія (имя рекъ), не испортить во вѣки вѣчные. Аминь.

№ 35. [Отъ призора и наговора].

Встану, благословясь, пойду, перекрестясь—изъ избы дверями, изъ сѣней воротами, въ чистое поле, къ синему морю. Въ Окіянъ-морѣ пупъ морской; на томъ морскомъ пупѣ—бѣлый камень Олатырь; на бѣломъ камнѣ Олатырѣ сидитъ бѣлая птица. Летала та бѣлая птица по городамъ и пригородамъ, по селамъ и приселкамъ, по деревнямъ и придеревнямъ; залетѣла тая бѣлая птица къ рабу Божіему (или рабѣ Божіей) имя рекъ и садилась на буйную голову, на самое тимя; желѣзнымъ носомъ выклевывала, булатными когтями выцарапывала, бѣлыми крыльями отмахивала призоры и наговоры, и тяжкую немочь изъ мозгу, съ костей, изъ ясныхъ очей, съ буйной головы, съ бѣлаго лица, съ черныхъ бровей, съ ретива сердца, съ бѣлыхъ рукъ, съ рѣзвыхъ ногъ, изъ тридевяти жилъ становыхъ, изъ всего стану человѣческаго; уносила та бѣлая птица призоры и наговоры, и всякую немочь за синее море, подъ бѣлый камень, подъ морской пупъ. Будите вы, мои слова, крѣпки и тверды въ ключъ и замокъ во вѣки вѣковъ. Аминь.

Говори трижды.

№ 36. [Заговоръ отъ родимца].

Забаиваю и заговариваю я, рабъ Божій (имя рекъ), или раба Божія (имя рекъ), у сего младенца (имя рекъ) дитимецъ и родимецъ изъ мозговъ, съ костей, съ ретива сердца, изъ тридевяти жилъ, изъ тридевяти костей, изъ тридесяти суставовъ, чтобы не ломило и не щемило. Аминь. Аминь. Аминь. Заговорилъ (а), зааминилъ (а) я, рабъ Божій (имя рекъ), или раба Божія (имя рекъ) дитимецъ и родимецъ, и всякую немочь у раба Божія, младенца (имя рекъ) во вѣки вѣковъ. Аминь. Чего я самъ не договорилъ (а), или чего мастеръ не доучилъ— то всѣхъ напередъ. Будьте мои слова тверды и крѣпки въ ключъ, въ замокъ во вѣки вѣковъ. Аминь. Аминь. Аминь.

Говорить трижды на воду или молоко парное.

№ 37. [Слова на присуху].

Господи, благослови. Во имя Отца и Сына, и Святаго Духа. Аминь. Лягу, не благословясь; встану, не перекрестясь; выйду изъ избы не дверями, со двора не воротами, не на путь, не на дорогу. Пойду путемъ и дорогой, выйду въ чистое поле, на край синяго моря. Въ чистомъ полѣ, на краю синяго моря поставлены три огненныхъ пещи: печь изращатая, печь желѣзная и печь булатная. Во тѣхъ трехъ печахъ горятъ-разгараются, таютъ-растопляются дрова дубовые, дрова смолевые. Такъ бы горѣло-разгоралось и таяло-растоплялось ретиво сердце у раба Божія (имя рекъ) по рабѣ Божіей (имя рекъ), чтобы не могъ оный рабъ Божій (имя рекъ) безъ рабы Божіей (имя рекъ) не жить, не быть, не съись, не испить, ни часу счасовать, ни вѣку свѣковать, ни малой минуты миновать. Показалась бы раба Божія (имя рекъ) рабу Божію (имя рекъ) краше краснаго солнышка, свѣтлѣе свѣтлаго мѣсяца. И не могъ бы рабъ Божій (имя рекъ) не въ квасѣ запить, ни въ хлѣбѣ заѣсть, ни въ жаркой банѣ замыться безъ рабы Божіей (имя рекъ). Сохнулъ бы онъ и вянулъ день и ночь, и всякую пору, и всякій часъ, и всякую минуту, и во всякомъ мѣстѣ. Тѣмъ моимъ словамъ ключъ и замокъ, во вѣки вѣковъ Аминь. Аминь. Аминь.

Говорить три раза.

№ 38. [Заговоръ на грыжу].

Во имя Отца и Сына, и Святаго Духа. Аминь. Забаиваю и закаливаю я, рабъ Божій (имя рекъ), у раба Божія, младенца (имя рекъ), пуповую грызь, хребтовую грызь, сердечную грызь, головную грызь, паховую грызь, лобковую грызь, во вѣки вѣковъ. Аминь 3-жды.

Говори въ деготь трижды и помажь.

№ 39. [Остановить кровь].

Во имя Отца и Сына, и Святаго Духа. Аминь. Не я говорю, говоритъ истинный Христосъ и сама мать Пресвятая Богородица. Идетъ конь карь, человѣкъ идетъ старъ; идетъ старая баба, ведетъ старую собаку; собака пала, у раба Божьяго (имя рекъ) или у рабыни Божіей (имя рекъ) вся щемота отстала и горячая кровь встала во вѣки вѣковъ. Аминь. Аминь. Аминь.

Скажи три раза и плюнь въ рѣзъ трою по трою.

№ 40. [Отъ укушенія бѣшенымъ животнымъ].

На морѣ на Окіянѣ, на островѣ на Буянѣ стоитъ крута гора Сіонъ-матушка, на крутой горѣ растетъ дубъ-стародубъ, подъ тѣмъ дубомъ-стародубомъ лежитъ цѣпь желѣзная, обвита вокругъ дуба, къ этой цѣпи привязанъ старый бѣсъ, собака: Ой, ты, собака, старый бѣсъ, унимай свой лютый гнѣвъ, свою ярость, свой кусачій зубъ. Если укусишь раба Божія (имя рекъ)—въ бѣлое тѣло, пустишь свою черную слинь въ горячую кровь, то самъ и уймешь, всякую болѣзнь выгонишь. А ежели не уймешь своего кусачьяго зуба, то приду къ тебѣ я, рабъ Божій (имя рекъ), съ жезломъ стальнымъ, съ биломъ желѣзнымъ, изгоню молитвами Господа нашего Іисуса Христа на вѣки вѣковъ. Аминь.

№ 41. [Слова на присуху.]

Встану, не благословясь, пойду, не перекрестясь—изъ дверей не дверми, изъ воротъ не воротами, выйду не въ чистое поле, стану не на западъ хребтомъ. На западной сторонѣ живетъ самъ сатана, злой мучитель Иродъ царь. Ай же ты, самъ сатана, злой Иродъ царь, пошли ты рабу Божьему (имя рекъ)

триста бѣсовъ, пятьдесятъ дьяволовъ, три и два и единаго похотного бѣса Енаху. Ой же ты, похотный бѣсъ Енаха, разжигаешь ты горы и долы, земли и воды, черныя брови и мягкіе тельпы (?), — разожги ты раба Божія (имя рекъ) по рабицѣ Божіей (имя рекъ) въ триста костей, въ пятьдесятъ плотей, въ три, двѣ и единою жилу, подпятную, становую: не могъ бы тотъ рабъ Божій (имя рекъ) безъ рабицы Божіей (имя рекъ) ни жить, ни быть, ни часу часовать, ни времени скоротати; сохнучи бы сохнулъ: день при солнышкѣ, въ ночь при мѣсяцѣ, на ветхѣ мѣсяцѣ, на новѣ мѣсяцѣ, на полнѣ мѣмяцѣ и на перекроѣ; вянучи бы вянулъ: день при солнышкѣ, ночь при мѣсяцѣ, въ новѣ мѣсяцѣ, въ ветхѣ мѣсяцѣ, въ полнѣ мѣсяцѣ и на перекроѣ. Какъ не можетъ жить рыба безъ воды, такъ не могъ бы жить рабъ Божій (имя рекъ) безъ рабицы Божіей (имя рекъ). Какъ не можетъ жить медвѣдь безъ матери земли, такъ не могъ бы жить рабъ Божій (имя рекъ) безъ рабицы Божіей (имя рекъ). Какъ не можетъ быть птица безъ лѣсу, такъ не могъ бы жить рабъ Божій (имя рекъ) безъ рабицы Божіей (имя рекъ). Какъ не можетъ жить младенецъ безъ матери, такъ не могъ бы жить и быть рабъ Божій (имя рекъ) безъ рабицы Божіей (имя рекъ). Какъ никто эти слова не можетъ отговорить, такъ не могъ бы никто отворотить раба Божія (имя рекъ) отъ рабицы Божіей (имя рекъ). Тотъ эти слова отговоритъ, тотъ раба Божія (имя рекъ) отъ рабицы Божіей (имя рекъ) отворотитъ, кто сочтетъ капли въ морѣ, пески морскіе, траву въ степи, сучья въ лѣсѣ. И кто эти слова отговоритъ и раба Божія (имя рекъ) отъ рабицы Божіей (имя рекъ) отворотитъ, стяни тому волховщику языкъ въ темя, ясны очи на косицы. Будьте вы, мои слова, крѣпки и тверды изъ ключа въ ключъ, изъ замка въ замокъ. Во вѣки вѣковъ, Аминь.

Говорить въ питіе.

42. [Заговоръ на грыжу].

Встану, благословясь, пойду, перекрестясь, изъ дверей въ двери, изъ воротъ въ ворота, въ чистое поле. Въ чистомъ полѣ течетъ рѣка медвяная, берега золотые; плыветъ по этой рѣкѣ рыба, а имя ей щука. Зубы у ея желѣзны, щеки мѣдны, глаза оловянны. И тая щука желѣзными зубами, мѣдными щеками, оловянными глазами загрызаетъ, закусываетъ и заглаживаетъ лобочную грыжу, киловую грыжу и водяную грыжу, пуповую

грыжу, жиловую грыжу, кровяную грыжу у раба Божія (имя рекъ) отъ родинъ и до первой байни, отъ первой байни и до послѣдней, байни и до скорой смерти, дитимецъ и родимецъ, и всяку лихую грызь и болѣзнь. Забаяно, заговорено у раба Божія (имя рекъ) во вѣки вѣковъ. Аминь. Чего мастеръ не доучилъ, или самъ не договорилъ, то всѣхъ напередъ. Будьте мои слова крѣпки и тверды, въ ключъ и въ замокъ, во вѣки вѣковъ. Аминь. Аминь. Аминь.

№ 43. [Отъ зубной боли].

Во имя Отца и Сына, и Святаго Духа. Аминь.

Встану я, рабъ Божій (имя рекъ), благословясь, пойду я, перекрестясь и всѣмъ святымъ помолясь, изъ дверей на дворъ, со двора въ ворота, изъ воротъ въ чистое поле, въ восточную сторону. Въ восточной сторонѣ: на небѣ мѣсяцъ, въ дубѣ червякъ, въ морѣ камень. Покамѣсть сіи три брата не сойдутся вкупѣ, не будутъ на томъ камнѣ пить и гулять, до той поры и у меня, раба Божія (имя рекъ), зубы не болѣли бы. Какъ во гробѣ мертвецъ лежитъ, окостенѣвши и омертвѣвши, такъ бы и у меня, раба Божія (имя рекъ), зубы закостенѣли и омертвѣли съ сего дня, съ сей минуты, съ сего часа—на вѣки вѣковъ. Аминь. Аминь. Аминь.

№ 44. [Слова дѣвицамъ на почетъ отъ молодцевъ].

Во имя Отца и Сына, и Святаго Духа. Аминь.

Господи, благослови, Христосъ! Встану, благословясь, пойду, перекрестясь, изъ дверей дверьми, изъ воротъ воротами, выйду въ чистое поле, погляжу въ подвосточную сторону: съ подвосточной стороны встаетъ заря утренняя, выкатается красно солнышко. А и пусть я, раба Божія (имя рекъ), буду краше краснаго солнышка, бѣлѣй свѣтлаго мѣсяца, румянѣй зари утренней и зари вечерней, краше всего свѣта бѣлаго, всего міру православнаго. Какъ глядятъ всѣ православные христіане на красное солнышко, на бѣлый свѣтъ, такъ смотрѣли бы всѣ добрые молодцы на меня, рабу Божію (имя рекъ), и почитали бы меня, и возносили бы на глазахъ своихъ; не могли бы всѣ добрые молодцы безъ меня ни жить, ни быть, ни игры заводить. Будьте мои слова крѣпки и прочны. Ключъ, замокъ. Аминь. Аминь. Аминь.

IV.

[Рукопись въ шестнадцатую долю, на восьми страницахъ (сшита изъ нѣсколько обрѣзаннаго полулиста довольно старой бумаги [1]); писана почеркомъ первой половины XIX столѣтія. Первый и послѣдній листы пустые; текстъ обведенъ простой рамкой въ одну линейку. Вся рукопись занята однимъ заговоромъ „на присуху", который озаглавленъ просто однимъ словомъ—„статья". Записей въ рукописи никакихъ нѣтъ.

Рукопись пріобрѣтена отъ крестьянина Вологодской губ., Тотемскаго уѣзда, Антонова; экземпляръ хорошей сохранности].

№ 45. «Статья».

Стану я, рабъ Божій (имя рекъ), благословясь, по утру рано, умьюсь и Господу Богу помолюсь; пойду изъ избы дверьми, изо двора воротами въ чисто поле, подъ свителъ мѣсяцъ, подъ частыя звѣзды. И въ томъ чистомъ полѣ попадутъ мнѣ встрѣчу три тоски тоскующія, три тоски сухующія и три тоски не усыпающія. И тѣ три тоски тоскующія, три тоски сухующія и три тоски не усыпающія падутъ къ рабицѣ Божіей (имя рекъ) въ ретивое серце, въ мяхкое лехко, въ черную печень, въ горячую кровь, въ умъ и въ разумъ, въ ясные очи, въ тѣлесахъ похоть, во всѣ 72 состава и во всѣ 72 жилы. Какъ кокушица на лѣсу кокуетъ и горюетъ, подъ собой мѣста не согрѣетъ и гнѣзда себѣ не имѣетъ, такъ же бы раба Божія (имя рекъ) обо мнѣ, рабѣ Божіемъ (имя рекъ), тосковала и горевала, подъ собой никогда мѣста не согрѣвала. Какъ въ печкѣ дрова сохнутъ и ото всѣхъ топоровъ чазнутъ,— такъ бы раба Божія (имя рекъ) обо мнѣ, рабѣ Божіемъ (имя рекъ), тосковала и горевала, подъ собой мѣста не согрѣвала, сохла бы и чазла на всякой день, на всякой часъ, на всякую минуту, шестьдесятъ минутъ въ часу. Какъ безъ хлѣба и соли никакой человѣкъ ни быть, ни жить не можетъ, такъ же бы раба Божія (имя рекъ) безъ меня, раба Божія (имя рекъ), не

[1]) Филигрань обрѣзана и кромѣ того вышла очень неясно.

могла ни жить и ни быть. Какъ не можетъ лежать мертвецъ безъ земли, а рыба жить безъ воды, такъ же бы раба Божія (имя рекъ) безъ меня, раба Божія (имя рекъ), не могла ни жить, ни быть отнынѣ и до вѣку, въ вѣкъ вѣка, споведая во вѣки вѣковъ, вѣковъ. Аминь, аминь, аминь.

V.

[Рукопись въ восьмую долю, на четырехъ листахъ; сшита изъ четырехъ отдѣльныхъ листиковъ толстою сученою ниткою съ двухъ сторонъ—„въ перехлестку“, вверху нитка завязана узломъ; одинъ конецъ нитки—дл. 11 снт.—оставленъ свободнымъ. Филигрань—щитъ, по сторонамъ котораго буквы С и Б и годъ 1804.; почеркъ—неискусная скоропись, съ сокращеніями и поправками. Содержитъ одно только „свадебное обереженіе“ и заглавіе другого заговора: „слова отъ порчеи отъ уроковъ“. Пустые листы отчасти заняты приписками: л. 1—„Сіе книга Саватей Рыжикова стати писати перо попытати“...; ниже: „Къ сему письму крестянинъ“...; еще ниже—„№ 73“, написанный свѣжими чернилами въ позднѣйшее время. Л. 3—чистый, вѣроятно вмѣстѣ съ чистою половиною л. 2 b. былъ предназначенъ для помѣщенія заговора, отъ котораго сохранилось одно только заглавіе. Л. 3 b.—„выписано исъ кроиника[1]) латынскоего“; ниже — „стати было писати пера попытати не тупо ли перо дрожлитъ руку“... На л. 4 нѣсколько разъ написана буква С и затѣмъ: „Саватій Рыжиковъ подписалъ“. Оборотная сторона 4 л. чистая. Правый верхній уголъ всѣхъ листовъ рукописи обтрепанъ и немного оборванъ].

№ 46. Свадебное обережение.

Говорить въ замокъ и, замкнувъ, съ собой возить.

Господи, Боже, благослови. Во имя Отца и Сына, и Святого Духа, святый отецъ со молитвами. Стану, благословясь, пойду, перекрестясь, небомъ покроюся, землей подмощуся, крестомъ огражуся. И пойду я, рабъ Божій (имя рекъ), ко святому морю-Акіяну, помолюсь и поклонюсь царю морскому. Отворяется морская пучина, выходитъ царь морской къ рабу Божію (имя рекъ)

---

[1]) Т. е. изъ хроники.

на помочь и на пособь, на Божію милость точно. И ставить царь морской желѣзныя тыны отъ земли до неба, отъ неба до земли; и около меня, раба Божія, (имя рекъ) ставить и тынить желѣзные тыны отъ земли до неба, отъ неба до земли; меня, раба Божія (имя рекъ) въ тѣ же тыны тынитъ; ё й Божіи, и подите вы всякія порчи, всякіе прикосы, всякіе вислокосы, всякіе уполоши, переполоши, грыжи ходячіе, красную, мокрую, сухую, всяку—усрошитесь и перепадитесь, уплавайте и пойдите въ сине море, въ морскою пучину, подъ бѣлъ камень, подъ бѣлой островъ, и тамо выходу нень; она государыни милости Божія, Пречистая Богородица выстраетъ и вычищаетъ бѣлою ризою нетлѣнною. Какъ въ Ерданѣ вода, какъ трежъ дна младень, какъ въ Ерданѣ вода. И нынѣ, и присно, и во вѣки вѣковъ. Аминь.

Слова отъ порчеи отъ уроковъ [написано только одно заглавіе, самого же заговора нѣтъ].

VI

[Рукопись въ шестнадцатую долю на 20 листахъ, на плотной желтоватой бумагѣ. Филиграни обрѣзаны и неясны. Письмо—красивая скоропись XVIII столѣтія. Листы 1 a, 19 b и 20 чистые. Есть поправки и зачеркнутыя мѣста. Заговоръ па л. 18 (№ 53) написанъ другою рукою, почеркомъ позднѣйшимъ. На л. 19 почти современнымъ почеркомъ написано: „и сохрани Господи рабовъ своихъ: князя молодго, имярекъ, и княгину молодую, имярекъ, и весь княжей поѣздъ до всего скончанія браку и на лѣта многи“.

Всѣ заговоры, содержащіеся въ этой рукописи—охотничьи. Но нѣкоторые изъ нихъ съ одинаковымъ успѣхомъ могли служить и свадебными оберегами, на что указываютъ, помѣщенныя и въ подлинникѣ въ квадратныя скобки, слова.

Рукопись пріобрѣтена въ Солигаличскомъ уѣздѣ Костромской губ., почти на границѣ съ Вологодской губ.]

№ 47. Говорить ставаючи поутру да въ лѣсъ пошедъ, со звѣремъ идучи домой.

Господи, Боже, благослови, отче! Трава во лузѣхъ, зеліе во сподаре (?); и хто што подумаетъ, и помыслитъ на меня, на

раба Божія (имя рекъ [1]), и на мои промыслы всякіе, и на мое рукодѣліе, и на мои ловушки, и на мои ставушки, и на мою добычу всякую лешебную (?), и на мою лыжницу, и на мой волокъ, и на мое сахарное кусье. А хто што лихо подумаетъ, ино бы ему кругъ головы, да и въ пазуху. а҃ [однажды].

№ 48. [Охотничій заговоръ отъ лихого человѣка: онъ же свадебный оберегъ].

Господи, Боже! благослови, отче! Во имя Отца и Сына, и Святаго Духа! Святая Троице Живоначальная, и Георгій страстотерпецъ! Покрываюся я, рабъ Божій (имя рекъ), небеси, оболокаюся въ оболочи, подпоясываюся со оружіемъ. Покрылся есми я, рабъ Божій (имя рекъ), небеси ото всякихъ лихихъ людей и супостатовъ; противъ меня, раба Божія (имя рекъ), солнце, надъ главою моею мѣсяцъ, звѣзда моя въ небеси. Связали вы есте на семъ свѣтѣ на вольномъ семдесятъ князей Еллинскихъ, такъ же и вы есте свяжите нашихъ лихихъ людей и супостатовъ, вѣдуновъ и вѣдуней, колдуновъ и колдуней, вѣщиковъ и вѣщицъ, порчельниковъ и порчельницъ, стричныхъ и постижныхъ, дохтуровъ и дохтурицъ, черныхъ и желтыхъ, и самоединовъ, и самоѣдокъ, и инокъ, старцовъ и старицъ, схимниковъ и схимницъ, поповъ и попадей, дьяконовъ и дьяконицъ, дьячковъ и дьячицъ, пономарей и пономарицъ, кузнецовъ и кузнецовыхъ женъ, польниковъ и лѣсниковъ, и залѣшниковъ, рыбаковъ, мужей и женъ веселыхъ, и мѣхоношъ, и мой потъ и мою думу, старыхъ и младыхъ, и всякихъ лихихъ людей, и всякую лихую горячую кровь. И возмите вы лихого человѣка отъ меня, раба Божія (имя рекъ), и отъ моихъ ловушокъ и ставушокъ, и отъ моего всякого промыслу [или отъ князя молодого и отъ всего поѣзду]; возмите лихого человѣка за верховище, ударьте о сырую землю, шибите ево въ свиное гнѣздо, и чтобы тотъ лихой человѣкъ лежалъ двѣнадцать дней безъ ума и безъ памяти, свѣту бы Божія не видалъ и рукъ бы своихъ не обозрилъ по всякъ день и по всякую ночь, по утру рано и по вечеру поздо, на утряной зори и на вечерной зори, и млада мѣсяца, и ветха, въ полнѣ и въ перекроѣ. И тѣхъ моихъ словъ ни водою, ни росою не залить, ни дождемъ не смочить. Аминь. Моимъ словамъ ключъ и замокъ, и вся крѣпость Святаго Духа и нынѣ, и присно, и во вѣки вѣкомъ. Аминь, аминь, аминь.

[1]) Написано ирҁа.

№ 49. [Охотничій заговоръ; онъ же свадебный оберегъ].

Говорить поутру, оболокаясь. Господи, Боже! Благослови, отче! Я, рабъ Божій (имя рекъ), оболокаюся солнцемъ и свѣтлымъ мѣсяцемъ, покроюся облакомъ, а отъ земли и до небеси стани около меня, раба Божія (имя рекъ), и около всякаго промыслу [или князя молодого и всего княжего поѣзду] граде Виѳлиемъ; а въ томъ градѣ Виѳлиемѣ породила пречистая Богородица Сына своего, Господа нашего Іса Христа, Вседержителя. Архангели и ангели, и всѣ лики святыхъ, святый Димитрій Селунскій и святый Георгій храбрый,—тѣ меня оберегутъ и огородятъ раба Божія (имя рекъ) своими скипетры, не дадутъ на меня, раба Божія (имя рекъ), и на мои промыслы всякіе (или на князя молодого и на весь княжей поѣздъ) иноплеменникомъ и лихимъ людемъ лихими порчами, лихими отговорами, лихими призорами двигнути служебника меня, раба Божія (имя рекъ). И какъ царя Александра Македонскаго ни стару, ни младу, ни малу, ни черну, ни русу, ни бѣлу, ни смуглу, ни женки бѣлоголовкѣ, ни дѣвкѣ простоволоскѣ, вѣдунамъ и вѣдуницамъ, колдунамъ и колдуньямъ... всѣ предо мною что птицы предъ соколомъ дрождь (такъ!) имъ совершеніе, а мнѣ утверженіе во вѣки вѣкомъ; зави... упиремъ и мудрецемъ, и черемисаромъ, и татаромъ, и чувашемъ, и бусурманомъ, еще и съ всѣмъ порченики, колдуны и колдуньи, вѣдуны и вѣдуньи, переспѣшники, галилеи и галилеицы, одноженцы, двоеженцы и троеженцы, однозубые, двоезубые, троезубые, одноглазые, двоеглазые, троеглазые и слѣпые, и хромые, и безрукіе, черные, бѣлые, черемные, смуглые, сивые, желтые и всякіе лихіе люди, не можно бъ вамъ меня, раба Божія (имя рекъ), не уркнуть, не испортить. И какъ метель не можетъ летѣть прямо и тяжело пасти, и какъ коли изъ роженицы дитя теменемъ выйдетъ, тогда вы меня, раба Божія (имя рекъ), испортите и изурочите. И какъ тѣмъ роженицамъ не можно дитя теменемъ родить, и такъ бы не можно порчамъ прямо летѣть на меня, на раба Божія (имя рекъ), (и на мои ловушки и ставушки, и на мою добычу всякую лешебную [1]) [или на князя молодого и на весь княжей поѣздъ] отъ нашихъ супостатовъ и отъ лихихъ людей по всякой день, по всякой часъ, по всякую ночь, по-

[1]) То, что въ круглыхъ скобкахъ, въ оригиналѣ зачеркнуто.

утру рано и по вечеру поздо, на утреной и на вечерной зоряхъ, и на солнышномъ *сѣде* (?), млада мѣсяца и вѣтра, вполнѣ и вперекроѣ. И тѣхъ молитвъ и словъ ни водою, ни росою ни залить, ни дождемъ не смочить.| Аминь. Моимъ словамъ ключъ и замокъ, и вся крѣпость Святаго Духа, и нынѣ, и присно, и во вѣки вѣкомъ. Аминь.

№ 50. Пошедъ въ лѣсъ, говорить:

Господи, благослови! Христово имя! Отца и Сына и Святаго Духа!

Я, рабъ Божій (имя рекъ), стану, благословясь, пойду, перекрестясь, въ чистое поле ставить своихъ ставушекъ и ловушекъ. Встрѣчу я, рабъ Божій (имя рекъ), святаго Георгія Храброго. Ѣдетъ святый Георгій Храброй на своемъ сивомъ конѣ, плеткою постегиваетъ, копьемъ погоняетъ.

Красные лисицы и лисавки, бурнастые лисицы и лисавки, черные лисицы и лисавки, рыси и росомахи, волки и волчицы, черноухіе и долгохвостые бей болько, выбивай изъ памяти, гони къ моимъ ставушкамъ и ловушкамъ безотпятно, безотворотно со всѣ четыре стороны, по всякой день, по всякой часъ, по всякую ночь. Кое слово въ забытьѣ было, то будь напереди, въ лутчемъ мѣстѣ, и кое слово прибавлю, и то слово къ тѣмъ же бы пристало. И тѣхъ моихъ словъ ни водою, ни росою не залить, ни дождемъ не смочить. Аминь. Моимъ ловушкамъ ключъ и замокъ, и вся крѣпость Святаго Духа, нынѣ и присно, и во вѣки вѣкомъ. Аминь, аминь, аминь!

№ 51. [Заговоръ на удачную охоту; онъ же свадебный оберегъ].

Господи, Боже, благослови. Стану я, рабъ Божій (имя рекъ), благословясь, пойду, перекрестясь, въ чистое поле, въ зеленую дуброву. Смотрятъ на меня, на раба Божія (имя рекъ), потаенники, промышленники, забаенники заугольники. Не смотрите на меня, на раба Божія (имя рекъ), и на мои промыслы всякіе, и на мои ловушки, и на мои ставушки (и на моихъ лисовъ, и на моихъ лисавокъ, красныхъ и бурнастыхъ, и на мою добычу всякую лешебную [1]). И какъ вамъ, потаенникамъ, помышленникамъ, забаенникамъ, заугольникамъ,—станете вы черева свои ясти, кровь свою пити, тогда вы меня, раба Божія (имя рекъ), испортите, изурочите. И какъ потаенникамъ, зло-

помышленникамъ, забаенникамъ, заугольникамъ черевъ своихъ не ядать, крови своей не пивать, своего сердца съ печенью не сьясть,—и такъ бы вамъ меня, раба Божія (имя рекъ), и моихъ ловушокъ и ставушокъ, (и моихъ лисовъ и лисавокъ, красныхъ и бурнастыхъ, и черныхъ, и моея лыжницы, и моего волока, и моего сахарнаго кусья [1]) [или: князя молодого, раба Божія (имя рекъ), и княгину молодую, рабу Божію (имя рекъ), и всего княжего поѣзду] не уркнуть и не испортить, и не изурочить вѣдунамъ и вѣдуньямъ, колдунамъ и колдуньямъ, вѣщикамъ и вѣщицамъ, порченикамъ и порченицамъ, стричному и постижному, сутулому и горбатому, изъ лѣсу приходящему, исъ поля видящему, на лѣсу сидячему, лежачему и стоячему. Закрой, защити, Господи, отъ всякаго человѣка и супостата по всякой день и по всякой часъ, и по всякую ночь; по утру рано и по вечеру поздно; на утряной зори и на вечерной; млада мѣсяца и ветха, вполнѣ и въ перекроѣ. И того моего огорода, и тое моея молитвы, и словъ—ни водою, ни росою не залить, ни дождемъ не смочить. Аминь. Моимъ словамъ ключъ и замокъ, и вся крѣпость Святаго Духа и нынѣ, и присно, и во вѣки вѣкомъ. Аминь, аминь, аминь.

[Этотъ заговоръ кончается внизу оборота 11 л.; листъ 12 начинается слѣдующими словами]:

Третьяя трава во лузѣхъ четвертая.

[Послѣ чего уже и начинается слѣдующій заговоръ].

№ 52. [Заговоръ на удачную охоту; онъ же свадебный оберегъ].

Господи, Боже! благослови, отче! благослови, Боже, Господи! Встану я, рабъ Божій (имя рекъ), благословясь, пойду, перекрестясь, и выйду въ чистое поле, умоюся я, рабъ Божій (имя рекъ), водою и росою; утруся тканымъ, преденомъ [2]) и встану я, рабъ Божій (имя рекъ), между небомъ и землею; отынюся частыми звѣздами; подпояшусь бѣлымъ свѣтомъ; замкнуся я, рабъ Божій (имя рекъ), младымъ свѣтлымъ мѣсяцомъ. И помолюся я, рабъ Божій (имя рекъ), Пречистой сущей Богородицѣ: Пречистая сущая Богородица, закрой же и защити

---

[1]) Слова, поставленныя въ круглыхъ скобкахъ, въ оригиналѣ зачеркнуты и надъ ними надписано сверху: „было“, „было“.

[2]) М. б.—пряденымъ.

меня, раба Божія (имя рекъ), и мои ставушки, и ловушки, (и весь мой промыселъ [1]) или [князя молодого, раба Божія (имя рекъ) и княгину молодую и весь княжей поѣздъ], и мой тынъ желѣзной своею рукою нетлѣнною отъ колдуна и отъ колдуньи, отъ вѣщика и отъ вѣщицы, отъ порченика и отъ порченицы, отъ стричного и отъ постижного, отъ дохтура и отъ дохтурицы, отъ черного и отъ желтого, отъ сиваго и отъ русаго, отъ князей и отъ бояръ, и отъ гостей, отъ нѣмецъ и отъ татаръ, отъ самоѣдиновъ и самоѣдокъ, отъ кудесниковъ, отъ отрока и отроковицы, отъ старца и отъ старицы, отъ схимника и отъ схимницы, отъ попа и отъ попадьи, отъ дьякона и отъ дьяконицы, отъ дьячка и отъ дьячицы, отъ пономаря и отъ пономарицы, отъ кузнецовъ и отъ кузнецовыхъ женъ, отъ польниковъ и отъ лѣсниковъ, и отъ залѣшниковъ, и отъ рыбаковъ, отъ мужей и женъ, отъ бѣльца и отъ бѣлицы, отъ калики и отъ скомороха, и отъ мѣхоноши, и отъ моего поту, и отъ своея думы, и отъ старыхъ, и отъ младыхъ людей, отъ сива волосомъ, отъ черна, отъ черемна волосомъ и отъ руса, и отъ всякіе лихіе, горячіе крови. И о чемъ я тебѣ помолюся, и о чемъ я тебѣ поклонюся, Пречистая сущая Богородица: помолися ты о мнѣ, рабѣ Божіемъ (имя рекъ), и о моемъ промыслу или [о князѣ молодомъ (имя рекъ) и о всемъ княжемъ поѣзду] Іисусу Христу, Небесному Царю. Іисусъ Христосъ, Царь Небесный, сотворилъ небо и землю, и всѣ святые святители Христовы, и всѣ ученики Христовы, и сотворилъ святаго Ілію. пророка милостиваго, и святаго Георгія Храбраго, и святаго Козму и Дамьяна. И я тебѣ святому Іліи милостивому помолюся и поклонюся о себѣ, рабѣ Божіемъ (имя рекъ), и о моемъ промыслу или [о князѣ молодомъ и о княжемъ поѣзду]. И какъ ты, святый Ілія милостивой, ѣздишь на своемъ саваси вомъ (?) конѣ во вся четыре стороны, по крутымъ краснымъ горамъ и по желтымъ пескамъ, и какъ ты, святый Ілія милостивой, своимъ святымъ духомъ и одымаешь (?) и очищаешь бѣлой снѣгъ съ крутыхъ горъ и з'желтыхъ песковъ, и береги омываешь,—и очисти же ты съ меня, раба Божія (имя рекъ), (и съ моего ухожья, и съ моихъ ставушекъ и ловушекъ со всякихъ[1]) [или съ князя молодого, съ раба Божія (имя рекъ), и со всего съ княжего поѣзду] всякую порчу, всякую притчу, кое и прежде сего бывало. И какъ ты, святый Ілія милостивой, украсилъ тридевять церквей Божіихъ благодатью Божіею,

[1]) Слова, поставленныя въ круглыя скобки, въ подлинникѣ зачеркнуты.

таможде, святый Ілія милостивой, меня, раба Божія (имя рекъ), украси въ чистомъ полѣ, въ темномъ, въ зеленомъ лѣсѣ своимъ святымъ духомъ, благодатію Божіею, въ моемъ путикѣ и въ моемъ ухожьѣ, въ моихъ ставушкахъ и ловушкахъ во всякихъ. И какъ ты, святый Ілія милостивой, очищаешь тридевять храмовъ и тридевять церквей Божіихъ своимъ святымъ духомъ, и какъ ты убиваешь сатану—діявола изъ своего огненнаго оружья,—и такъ же ты, святый Ілія милостивой, убей моего порченика и порченицу, колдуна и колдунью, вѣдуна и вѣдунью, вѣщика и вѣщицу, стришного и постижного, дохтура и дохтурицу, черного и желтого, сиваго и русаго, гостя и боярина, нѣмца и татарина, самоѣдина и самоѣтку, и кудесника, отрока и отроковицу, старца и старицу, схимника и схимницу, попа и попадью, дьякона и дьяконицу, дьячка и дьячицу, пономаря и пономарицу, кузнецовъ и кузнецовыхъ женъ, вдовцовъ и вдовицъ, ловника и лѣсника, и залѣшника, и рыбаковъ, мужика и женку, парня и дѣвку, веселого и мѣхоношу, мой потъ и мою думу, и старыхъ, и младыхъ, и всякихъ лихихъ людей, всякую лихую, горячую кровь. И какъ ты, святый Ілія, милостивой Государь, замыкаешь тридевять храмовъ и тридевять церквей Божіихъ въ тридевять замковъ и въ тридевять ключевъ отъ сатаны и діявола,—и таможъ ты, святый Ілія милостивой, замкни меня, раба Божія (имя рекъ) и мои ставушки, и ловушки, и мой тынъ желѣзпой въ тридевять замковъ и въ тридевять ключевъ отъ колдуна и отъ колдуньи, и отъ лихого человѣка, отъ порченика, отъ порченицы, отъ стричного и постижного, отъ колдуна и отъ колдуньи, отъ вѣдуна и отъ вѣдуньи, отъ вѣщика и отъ вѣщицы, отъ дохтура и отъ дохтурицы, отъ черного и отъ желтого, отъ сиваго и отъ русаго, отъ отрока и отъ отроковицы, отъ польниковъ, отъ лѣсниковъ и отъ залѣшниковъ, отъ мужей и женъ, отъ старыхъ и отъ младыхъ, и всякихъ лихихъ людей, отъ всякіе лихіе, горячіе крови; кой колдунъ колдуетъ и вѣдунъ вѣдуетъ, и меня портитъ; кой сидитъ на пече и на воронцѣ, и на голубцѣ, и на куретникѣ, на полу и на лавкѣ, и на коникѣ, и на шесткѣ, и на судникѣ, на жернову, на ступѣ и на ушатѣ, и на бочкѣ, на середѣ, на порогѣ, на мосту и на дворѣ, и у ободверины, и на улицѣ, въ избѣ и на дворѣ, и въ шти глядитъ,—и того и всѣхъ убей. И будьте вы, мои слова острѣе меча и сабли, и всякаго оружія желѣзнаго, и булату бритчая. И то мои слова—ключъ и замокъ, и вся крѣпость Святого Духа, и нынѣ, и присно, и во вѣки вѣкомъ. Аминь, аминь, аминь.

[Послѣ сего въ рукописи поставленъ крестъ (×); такой же крестъ стоитъ черезъ листъ, и послѣ него слова]:

...и сохрани, Господи, рабовъ своихъ: князя молодого (имя рекъ) и княгину молодую (имя рекъ), и весь княжей поѣздъ до всего скончанія брака и на лѣта многа.

№ 53. [Отъ собачьей порчи].

Какъ собачья говна никакъ нихто не можетъ не спить, не сьисть; мяса собачья никакъ нихто не можетъ не спить, не сьисть; крови собачьи никакъ нихто не можетъ не спить, не сьисть;—такъ бы моя собачки никакъ нихто не могъ не уретчи и не испортитъ по всякой день, по всякой часъ и по всякую ночь.

VII.

[Тетрадь въ шесть листовъ, ш. 13,5 снт., дл. 21 снт.; съ полями въ 1 снт. и 3 снт., отлинованными какимъ то острымъ орудіемъ; на лл. 5 и 6 поля не выдержаны, но на 5 b. и 6 b.—соблюдены. Бумага рукописи старая, хорошей выдѣлки, м. б. почтовая, безъ филиграней; почеркъ и орфографія почти современные, съ довольно правильной разстановкой знаковъ препинанія. Записей и приписокъ нѣтъ. Нѣкоторые заговоры даютъ указаніе на какого-то „раба Божія Василія“. Рукопись носитъ одно общее заглавіе „Заговоры“ и раздѣлена на пять частей, обозначенныхъ римскими цифрами. Но, на самомъ дѣлѣ, подъ цифрами IV и V написаны начала заговоровъ, а послѣ нихъ помѣщенъ полный заговоръ. Изъ семи — пять заговоровъ на присуху дѣвицы къ молодцу. Рукопись, очевидно, списана съ какого-то болѣе древняго оригинала, такъ какъ въ ней есть пропуски, оставленные во время переписки для внесенія неразобранныхъ мѣстъ. Впослѣдствіи всѣ чистыя мѣста были заполнены карандашомъ (всѣ добавленія, сдѣланныя карандашомъ, отмѣчены въ примѣчаніяхъ). Но нѣкоторыя мѣста были сначала прямо срисованы и потомъ уже возстановлены по догадкамъ.

Рукопись пріобрѣтена въ д. Семилово, Костромского уѣзда, Костромской губ. Экземпляръ хорошей сохранности].

№ 54. [Заговоръ на присуху].

Встану я, рабъ Божій Василій, благословясь, пойду я, перекрестясь, изъ избы дверьми и изъ сѣней воротами, заворотами, отводами; выйду я въ чистое поле; въ чистомъ полѣ синее море; въ синемъ морѣ лежитъ бѣлый камень; у того бѣлаго камня стоитъ сухое дерево; у того сухого дерева стоитъ сухой мужъ, сѣчетъ сухое дерево и кладетъ на огонъ. Коль скоро и круто разгоралось сухое дерево на огнѣ, такъ бы скоро и круто разгоралось сердце у рабы Божіей (такой-то) по рабѣ Божіемъ (такомъ-то). Недоговорами и переговорами будьте всѣ мои слова сполна [1]), и не нападайте мои слова ни на землю, ни на море, ни на темные лѣса, ни на буйные вѣтры, а нападите мои слова на........съ.......[2]) рабѣ Божіей (такой-то) въ ретивое сердце, въ ясныя очи, въ бѣлыя груди, въ становыя жилы, въ похоть и плоть. Какъ не можетъ жить рыба безъ воды и дитя безъ матери,—такъ бы не могла раба Божія (такая-то) жить безъ раба Божія (такого-то). Всѣмъ моимъ словамъ въ морѣ ключъ, во рту замокъ, — запираю, замыкаю на вѣки вѣковъ. Аминь.

№ 55. [Заговоръ на присуху].

Встану я, рабъ Божій (такой-то), не благословясь, пойду, не перекрестясь, изъ избы—не дверями, изъ сѣней—не дверьми; изъ двора—не воротами; пойду я нижнимъ ходомъ, подвальнымъ бревномъ, мышиной норой, собачьей трубой, подворотной дырой; пойду я, рабъ Божій Василій, въ чистое поле, въ широкое раздолье, въ зеленую дубраву, подъ красное солнце, подъ свѣтелъ мѣсяцъ, подъ частыя, мелкія звѣзды, подъ буйные вѣтры, подъ свѣтлыя зори; встану я, рабъ Божій Василій, на желѣзную межу, на Востокъ хребтомъ, на Западъ лицомъ: раздайся адъ [3]), разступися мать сыра земля! изъ этой земли выходите сто семьдесятъ дьяволовъ. 3—2—1 [4]). Единъ бѣсъ Сольца. Тако же я, рабъ Божій Василій, покорюсь и по-

[1]) Слово „сполна“ вписано послѣ карандашомъ.

[2]) Точки въ подлинникѣ.

[3]) Слова „раздайся адъ“ вписаны въ оставленное при письмѣ заговора мѣсто карандашомъ.

[4]) И въ подлинникѣ стоятъ только цифры.

молюсь: вы, единъ бѣсъ Сольца, 1, послушайте сей [1]) . . . отслужу въ иномъ свѣтѣ. Скиньте [2]) съ меня, раба Божьяго Василья, тоску и сухоту съ чистаго, бѣлаго тѣла, съ сахарныхъ устовъ, съ оловянныхъ глазъ, со ста семидесяти суставовъ, съ подколѣнныхъ жилъ, съ подпятной кожи. Тоску и сухоту положите въ мѣдную котельницу, перенесите черезъ огненныя рѣки, черезъ огненныя озера, не разсыпьте, не помочите, на огнѣ не сожгите, никуда не тряхните, — положите въ Акулинино сердце, въ мягкую печень, въ чистое, бѣлое тѣло, въ сахарныя уста, въ оловянныя глаза, во сто семьдесятъ суставовъ, во сто семьдесятъ подколѣнныхъ жилъ, въ подпятную кожу, въ подкожную руду, въ черную........ [3]) выньте изъ нея женской повотъ, вложите въ меня, раба Божія Василія, чтобы она, раба Божія Акулина, не могла бы безъ меня, раба Божія Василія, ни жить, ни быть: день по солнцу, ночь по мѣсяцу, подъ частыми мелкими звѣздами, подъ буйными вѣтрами, подъ свѣтлыми зарями; чтобы она, раба Божія Акулина, въ бани не опарилась, съ отцомъ, съ матерью не жаловалась, съ добрыми людьми не разговаривала; такъ она, раба Божія Акулина, сномъ не отспалась, ѣдой не отъѣдалась, напитками не отпивалась, ни лукомъ, ни чеснокомъ, ни горькой рѣтькой, ни крѣпкой водкой.

И такъ бы она, раба Божія Акулина, не могла отъ меня, раба Божія Василія, отойти, какъ мертвый мертвецъ отъ гроба, — такъ бы отъ меня, раба Божія Василія. Тѣмъ словамъ — ключъ, замокъ. Брошу я ключъ въ Океанъ море; тоски она повѣки по мнѣ, рабѣ Божьемъ Васильѣ, ту я одинъ...[4])

№ 56. [Заговоръ на присуху].

Стану я, рабъ Божій Василій, по утру, благословясь; пойду, перекрестясь, изъ воротъ въ вороты, въ чистое поле, въ широкое раздолье, на синее море, на святъ островъ; на томъ островѣ стоитъ изба новая, дубовая; въ той избѣ новой, дубовой лежитъ доска изъ стѣны въ стѣну, изъ паза въ пазъ; на той доскѣ новой, дубовой лежитъ тоска, тоскующая, сухота, сухота сухотущая, бьется руками и ногами о стѣну, головой — о лавку. Помолюсь я, рабъ Божій Василій, и покорюсь: встань, тоска,

---

[1]) Здѣсь нѣсколько словъ вписано карандашомъ неразборчиво; очевидно срисованы.

[2]) Слова „свѣтѣ Скиньте“ вписаны послѣ карандашомъ.

[3]) Точки въ подлинникѣ.

[4]) Конецъ заговора и въ подлинникѣ таковъ.

тоскующая, сухота, сухотущая, поди въ моей..........[1]) ко рабицѣ, прожги бѣлое тѣло, черную печень, пролей кровь горячую изъ семидесяти семи жилъ, изъ семидесяти семи суставовъ, въ.........[1]) кость; чтобы она, раба Божія (такая-то), не могла безъ меня, раба Божія Василья, ни дни дневать, ни ночи коротать, по утру рано, по вечеру поздно; гдѣ бы ни зачуяла, гдѣ бы ни заслышала, — все бы ко мнѣ бѣжала; питьемъ бы не запивала, ѣдой бы не заѣдала, — все бы меня, раба Божія Василья, на умѣ держала. Будь мой заговоръ крѣпче Була камня; замокъ въ морѣ и ключъ во рту.

№ 57. [Заговоръ отъ злого человѣка].

Стану я, рабъ Божій (имя рекъ), благословясь и перекрестясь, свѣжею холодною, ключевою водою умоюсь, утрусь я, рабъ Божій (имя рекъ), чистымъ, бранымъ, тонкимъ, бѣлымъ полотенцемъ. Стану я, рабъ Божій (имя рекъ), передъ святымъ образомъ, поклонюсь и помолюсь Истинному Христу, Михаилу архангелу: закройте, закройте, меня, раба Божія (имя рекъ), своими нетлѣнными ризами отъ всякаго злаго, лихаго человѣка, отъ супостатъ супостата, отъ всякія злыя, лихія крови,—во имя Отца и Сына, и Святаго Духа. Аминъ. Ставьте кругъ меня, раба Божія (имя рекъ), желѣзный тынъ,—сколь вверхъ высоко, столь и въ землю глубоко, отъ какого тыну злому человѣку и всякой злой, лихой крови ни подрыться, ни подкопаться,—подобнаго рабомъ Божіимъ (имя рекъ).........[2])

№ 58. [Заговоръ на удачную охоту].

Стану я, рабъ Божій (имя рекъ), благословясь и перекрестясь; свѣжею, холодною, ключевою водою умоюсь; утрусь я, рабъ Божій, (имя рекъ), чистымъ, бранымъ, тонкимъ полотенцемъ; поклонюсь и помолюсь истинному Христу, Михаилу архангелу; возьму я, рабъ Божій (имя рекъ), свою охоту: желѣза укладныя, кляпцы, сторожки[3]), желѣза; пойду я, рабъ Божій (имя рекъ), въ чистое поле, въ широко раздолье, въ зеленую дубраву, подъ красное солнце, подъ свѣтелъ мѣсяцъ, подъ часты, мелки звѣзды, подъ буйный вѣтеръ, подъ свѣтлы зори; пойду

---

[1]) Точки въ подлинникѣ.
[2]) Такъ заговоръ оканчивается и въ подлинникѣ.
[3]) Въ подлинникѣ—„сторожкѣ“.

въ восточныя стороны; взойду въ Окіанъ море; паду и возмолюсь истинному Христу, Царю небесному, самой Пресвятой Богородицѣ, Угодникамъ Божіимъ, Святителямъ Христовымъ. Солнце—попутчикъ, луна—залутчикъ,—залучаетъ[1]) и загоняй со всѣхъ съ четырехъ сторонъ: быстро бы они бѣжали за тридевять и за тридесять островов, и за тридесяти синихъ морей; со всѣхъ бы они сторонъ бѣжали: по удобнымъ мѣстамъ, по закитовымъ мѣстамъ[3]); бѣжали бы своими тропочками по безпопутному, по безвнятными, по безсмысленному пути; быстро бы они скакали правыми лапочками ко мнѣ, рабу Божію (имя рекъ), въ кляпцы; попадались правыми лапочками и лапочекъ бы они не ломали, прочь не отрывали, и буде мнѣ, рабу Божью (имя рекъ), въ честь и радость. Стану я, рабъ Божій (имя рекъ), звѣрей получать, шкуру снимать и продавать, Божью церковь поминать[3]), отца и мать, всѣхъ своихъ родителей поминать. Тѣмъ словамъ ключъ, замокъ,—брошу я въ Окіянъ море. Бѣла рыбица по морю ходила, ключи мои проглотила. Есть же въ Окіянѣ морѣ сверхъ бѣлъ горячъ камень. Получаю ключи и замокъ во имя Отца и Сына, и святаго Духа. Аминь. (Дай, Господи, Божія звѣрь послать, носомъ носить и возомъ возить, на сто рублей да на тысячу).

[И въ подлинникѣ послѣднія слова поставлены въ скобки].

№ 59. [Начало заговора на присуху].

Стану я, благословясь, пойду я, перекрестясь, изъ избы дверьми, изъ двора воротами; выду я въ чистое поле, помолюсь Господу Богу, святому чесному Георгію Храброму: спусти съ неба огненное пламя! Не жги, огненное пламя, ни ордъ, ни земель, ни селъ, ни городовъ! Разожги, огненное пламя (далѣе, какъ на водѣ).

[Поставленныя въ подлинникѣ въ скобки слова относятся очевидно къ другому заговору, хорошо извѣстному писцу].

№ 60. Напускать тоску.

Утренняя заря, Маремьяна, вечерня заря, Маремьяна, о чемъ я тебѣ помолюсь, о чемъ я тебѣ покорюсь, рабъ Божій (имя

[1]) Такъ въ подлинникѣ.
[2]) Вѣроятно—„ракитовымъ кустамъ".
[3]) Въ одномъ изъ подобныхъ заговоровъ—„Божью церковь надѣлять".

рекъ): сними съ меня тоску и печаль, и великую кручину. Напади моя тоска и печаль, и великая кручина ни на воду, ни на землю, ни на мелкую источину, ни на бѣлъ горячъ камень, — напади моя тоска и печаль, и великая кручина, а (имя рекъ) рабѣ Божіей въ ретивое сердце, въ горячую кровь, въ черную печаль (печень?), во сто семьдесятъ жилъ, въ двѣ и въ три, единую становую жилу, во сто семьдесятъ составовъ, въ двухъ и въ трехъ, а въ единый становой составъ. Съ той бы ей тоски и великія печали—ѣдой бы ей не ѣсть и питьемъ бы не запить, гульбой бы не отгулять, въ платьѣ бы ей не относить; гдѣ бы не заслышала зычный голосъ, такъ бы она бѣжала и въ сахарныя уста цѣловала. Тутъ моимъ словамъ ключъ и замокъ, и во вѣки. Аминь.

(Три раза). По утру и по вечеру, по зорямъ, надъ водой.

[Рукопись заканчивается фигурой птички, сдѣланной съ одного почерка].

VIII.

[Тетрадка въ четыре листа, ш. 14,5 снт., дл.—21,5 снт.; съ полями въ 1,5 снт. и 4 снт. Бумага рукописи довольно старая, хорошей выдѣлки, безъ филиграней; м. б. почтовая. Почеркъ мелкій, четкій и красивый, но очень неправильный въ отношеніи правописанія.

Записей и приписокъ нѣтъ; №№ 62 и 67 даютъ указаніе на какого то раба Божія Никиту. Рукопись носитъ одно общее заглавіе: „Спасительныя молитвы“. Шесть изъ нихъ пронумерованы по порядку, а послѣдняя носитъ особое заглавіе — „Молитва отъ гладу“. Въ концѣ каждой молитвы аккуратно записано: „конецъ“. Но не смотря на внѣшнюю аккуратность содержаніе нѣкоторыхъ молитвъ представляетъ лишь наборъ словъ.

Текстомъ заняты 1, 2 и 3 листы, листы же 3 b. и 4 — чистые. Экземпляръ хорошей сохранности.

Рукопись пріобрѣтена въ Костромскомъ уѣздѣ, Костромской губерніи].

Спасительныя Молитвы.

№ 61. [Молитва]

1-я.

Есть день соден, во дню любимый часъ: звѣрь, птица радуется. Рыбы, рыбицы, святая дѣвица, Мать Божія, церковь стояла на вертепѣ во святомъ градѣ Вифлеемѣ, видѣла сонъ про Ісуса Христа. Какъ Іисуса Христа жидови распяша, нетлѣнъ [1]) на три части древо Христово руцѣ и нозѣ приковали и Павловой тростію били, по лицу и по головѣ святая кровь текла. Матушка, Пресвятая Богородица кричала. Кто этотъ сонъ разсудитъ и возлюбитъ, тотъ будетъ отъ Бога спасенъ, сохраненъ и помилованъ: отъ друга, недруга и отъ напраснаго слова, и отъ строгаго командира, и отъ всякаго врага и сопостата, отъ огня и паленія, и отъ воденова потопленія, и отъ лѣснаго заблужденія. Святаго Духа. Аминь.

[Эта молитва, записанная очень невразумительно, представляетъ собою ничто иное, какъ извѣстный „Сонъ Богородицы" въ очень сокращенномъ видѣ].

№ 62. Молитва

2-я.

Встаю я, рабъ Божій (имя рекъ), благословясь и перекрестясь; пойду я, рабъ Божій (имя рекъ), въ чистое поле. Въ чистомъ полѣ свѣтъ свѣтлѣетъ, красно солнце всходитъ, изъ лѣсовъ звѣри выбѣгаютъ и птицы вылетаютъ съ гнѣздъ. Я, рабъ Божій (имя рекъ), иду на службу, свѣтомъ ограждаюсь и звѣздами подпоясываюсь. Какъ радуется и веселится Матерь Божія Господу Богу — такъ бы и мнѣ, рабу Божію Никитѣ, начальники радовались и веселились, рукъ своихъ не подымали и уста свои не растворяли, вѣкъ по вѣки и отнынѣ, и до вѣка. Аминь. — Конецъ. —

Сперва прочитать Богородицу, а потомъ и сію молитву и начинай молиться.

---

[1]) Въ подлинникѣ это слово написано дважды.

№ 63. Молитва

3-я.

Летѣлъ воронъ черезъ темное море; семь вороненковъ онѣмѣли и одубѣли,—такъ и всякіе командиры онѣмѣли и одубѣли. Есть у меня, у раба Божія (имя рекъ), Ангелъ-Хранитель, сохранитъ меня и помилуетъ отъ всякаго врага и супостата, отъ злыхъ командировъ и начальниковъ, и отъ нечистаго духа въ вѣкъ по вѣки и отнынѣ, и до вѣка. Аминь.

Конецъ.

№ 64. Молитва

4-я.

У меня, у раба Божія (имя рекъ), есть тынъ желѣзный. Замкнусь и запрусь двѣнадцатью замками и ключами, вѣкъ по вѣку и отнынѣ, и до вѣка. Аминь.

№ 65. Молитва

5-я.

Ложусь я, рабъ Божій, благословясь, и крестомъ крещусь, крестомъ ограждаюсь: крестъ за мною, крестъ передо мною, крестъ по правую руку, крестъ по лѣвую руку. Ангелъ мой, хранитель мой, сохрани мою душу и укрѣпи мое сердце! Врагъ, сатана, отступись отъ меня! Въ главѣ состоитъ пять ангеловъ: Лука, Марка, Іоаннъ, Матфей и Никита мученикъ. Мука мучатся, раба Божія Богу молится; и молюсь я во святое Христова печать, Іисусова рука и Богородицынъ крестъ. Аминь.

№ 66. Молитва

6-я.

Отъ злаго человѣка или духа. Стать на зарю спиною и противъ воды и говорить три раза: Какъ мнѣ зари не видать, такъ бы мнѣ и тоски на себѣ не видѣть.

Потомъ умыться сею водою.

№ 67. Молитва отъ Гладу.

Во имя Отца и Сына, и Святаго Духа. Аминь. Избави, Господи, раба Божія Никиту отъ прозору. Во имя Отца и Сына и Святаго Духа. Аминь.

Конецъ.

IX.

[Тетрадка въ четыре листа, ш. 12,5 снт., дл. 21,5 снт.; съ правой стороны оставлены поля въ 1 снт. Бумага хорошей выдѣлки, желтоватая; безъ филиграней. Почеркъ — небрежная скоропись второй половины XIX вѣка, съ помарками и поправками; правописаніе—приближается къ современному. Записей и приписокъ нѣтъ. Рукопись содержитъ въ себѣ два заговора (на судей и на присуху), занимающихъ два первыхъ листа; л.л. 3 и 4—чистые.

Рукопись пріобрѣтена въ с. Сельцѣ, Костромской губ. и уѣзда].

№ 68. Заговоръ судей.

Господи, Боже, благослови! Стану я, рабъ Божій (имя рекъ), благословясь и перекрестясь; отцемъ прощенъ, матерью благословленъ и на добрыя дѣла наученъ. И пойду я, рабъ Божій (имя рекъ), изъ избы дверьми, изъ двора воротами, и выйду въ чистое поле, въ широкое раздолье. Въ томъ чистомъ полѣ, въ широкомъ раздольѣ течетъ рѣка огненная. И попрошу я ту рѣку огненную: О не напади ты, рѣка огненная, ни на воду, ни на землю и ни на лютую ржавчину, и не посуши ты, рѣка огненная, ни быстрыхъ рѣкъ, ни черныхъ озеръ, ни темныхъ лѣсовъ. А напади и посуши ты, рѣка огненная, (начальника (имя рекъ), чтобы онъ не могъ на меня умомъ подумать и злыми, лихими словами поспѣть; не могъ бы передо мной на мѣстѣ высидѣть и дѣлалъ бы такъ, какъ мнѣ надобно. Гдѣ бы слова и заговоры мои его не заступили: хоть спящаго, хоть Бога молящаго,—тутъ бы карали и жали, и разжигали; и напала бы на него тоска, сухота и великая жалость; и показался бы я, рабъ Божій (имя рекъ), ему, рабу Божію (имя

рекъ), лучше всего свѣта бѣлаго, лучше солнца краснаго, милѣе отца и матери. Словамъ моимъ и наговорамъ тутъ укрѣпа: небо—ключъ, а земля—замокъ. Аминь.

№ 69. [Заговоръ на присуху].

Господи, Боже, благослови! Аминь (трижды). Стану я, благословясь, пойду, перекрестясь, изъ избы дверьми, изъ воротъ воротьми, ко славному Океану морю. На томъ Океанѣ морѣ есть златый островъ; на томъ острову есть кипарисъ древо, на томъ древѣ златая чаша; на той чашѣ сидитъ младъ ясенъ соколъ, вельми великъ, немѣрно лѣпъ. Идутъ мимо того яснаго, краснаго сокола чернецы, черныцы и красны дѣвицы, и всякаго монашескаго чина люди, не могутъ ни насмотрѣться, ни наглядѣться; они его хвалятъ, они звеличаютъ: нѣтъ такого яснаго, краснаго сокола нигдѣ на землѣ. Какъ младень безъ матерьней титьки и безъ прянаго молока не можетъ жить ни дни, ночи, такъ бы (имя рекъ или...[1]) тоже не могла ни жить ни дни, ни ночи и ни единаго часа. Или же, какъ кузнецъ въ горнѣ своемъ желѣзо кипитъ, — кипитъ оно и прилипаетъ, такъ бы прикипали и прилипали сіи слова отъ раба (или рабы такой то) къ рабу (или рабѣ такой то).

[Заговоръ, вѣроятно, не оконченъ].

X.

[Рукопись на шести листахъ, ш. 11 снт., дл. 17 снт. Бумага старая, очень плохой выдѣлки (оберточная?), безъ филиграней; или же филиграни незамѣтны вслѣдствіе дурного качества бумаги.

Почеркъ — скоропись человѣка, мало державшаго перо въ рукахъ.

Вся рукопись перепечатана съ соблюденіемъ фонетическихъ особенностей; правописаніе исправлено и знаки препинанія разставлены. Записей и приписокъ нѣтъ. Рукопись содержитъ въ себѣ два „оберега скота", причемъ второй изъ нихъ написанъ неисправно; можно, впрочемъ, считать ихъ за одинъ заговоръ, переписанный съ неисправнаго оригинала, или же при записи

---

[1]) Точки въ подлинникѣ.

писецъ сбился и перепуталъ нѣкоторыя мѣста. Оборотъ 6 листа—не записанъ. Вся рукопись сильно замазана и потрепана.

Пріобрѣтена въ Солигаличскомъ уѣздѣ, Костромской губер. отъ пастуха, заявившаго при покупкѣ, что рукопись досталась ему отъ дѣда, тоже пастуха].

№ 70. [Оберегъ скота]

Во имя Отца и Сына, и Святаго Духа.

Лягу я, рабъ Божій (имя рекъ), благословясь, стану перекрестяся, ѡдежуся свѣтомъ, ѡпояшуся свѣтлою зарею, покрыюся ѡблаки, ѡтычюся частыми звѣздами. И пойду я въ чистое поле, стану на востокъ лицомъ, на западъ хрептомъ, ѡтрекаюся ѡтъ сатаны и отъ дьявола, предаюся вышнему Творцу, небесному Царю, самому Господу Ісусу Христу, Саваоѳу, Богу, со своимъ съ честнымъ стадомъ, съ милымъ жывотомъ съ хрестьянскимъ скотомъ, съ разношерстными, съ разнокопытными,—на сохраненіе, на сбереженіе и вмѣсто на слученіе, и во двору своему на прихожденіе; а моему милому жывоту, хрестьянскому скоту не (на?) легость, на здравіе, на Божію милость, на плодъ, на жывотъ. Истинный Христосъ и Богородица, Матерь Божія, Михаиле и Гавриле Архангели Господни, Николае Чудотворецъ, Власіе, Севатійскій чюдотворецъ, Георгіе Храбрый, Ѳлоре и Лавре, Меркуріе Смоленскій, Аверкій Ерапольскій, Антоній, Ѳеѡдосій Кіевскіе Печерскіе чюдотворцы, святые и евангелисты Матѳей, Марко, Лука, Іоаннъ, херувими и серафими, и вся небесныя силы, научите меня, раба Божія, и помозите, и благословите словъ говорить, ѡгорода становить, оборона учинять на милой жывотъ, на крестьянской скотъ, на разношерстные, на разнокопытные, чтобъ мой скотъ вмѣсто случить и во двору своему прилучить; огорода поставить, оборона учинить отъ сѣрово звѣря, отъ черново звѣря, отъ бурово звѣря, отъ рыси, отъ росомаги, отъ рыскучево волка, отъ ползучего гада, отъ змія, отъ нашла, отъ насланнаго, отъ уроку и призору, отъ пострѣлу и надежу, отъ порчи, отъ пашія силы, отъ нечистово духа, отъ еретика и еретицы, отъ вѣщника и вещницы, отъ портежника и портежницы, отъ лихово глаза, отъ лихой думы и отъ всякія скверны земныя, лѣсныя, и отъ всякаго злаго человѣка, лихово супостата, отъ колдуна и отъ колдуницы, отъ вѣдуна и отъ вѣдуницы, отъ чернца и отъ ченицы, отъ скимника и отъ схимницы, и отъ попа, и отъ иныхъ причетниковъ, отъ мужика и отъ женки, отъ парня и отъ дѣвки, отъ однозуба, отъ двое-

зуба, отъ троезуба, со стороны вищаго и постигающаго, отъ стричнаго и мимо идущаго, отъ русоволоса, отъ сѣроволоса, отъ черноволоса. И закрѣплю я, и заговорю свое счетное стадо, милой жывотъ, хрестьянской скотъ, огороду поставлю, оборону учиню.

Столь крѣпка огорода моя Божіею милостію, словами моими, аки синей камень въ Синемъ морѣ, аки черный камень въ Черномъ морѣ, аки арапъ камень въ Арапскомъ морѣ, аки акіянъ камень въ Акіянѣ морѣ, — не крошице, не ломитце, ни разнится; и столь крѣпко бъ сей огородъ и сей заговоръ кругъ моего милого жывота, крестьянскаго скота, на сохраненіе и на збереженіе, и вмѣсто на слученіе, и ко двору своему на прихожденіе; а моему милому жывоту, крестьянскому скоту, не [1]) легость, на здравіе, на Божію милость, на плодъ, на жывотъ. И кто же на меня, на раба Божія (имя рекъ), на милой жывотъ, на крестьянской скотъ—думою подумаетъ и мыслію помыслитъ, тому человѣку изъ Окія моря вода выпить и пески позобать, и каменье примѣтить. И кто на меня, раба Божія (имя рекъ), думою подумаетъ и мыслію помыслитъ на милый жывотъ, на крестьянской скотъ,—тому человѣку зубы со рта и очи со лба, и кость изъ тѣла. И что несть на земли Огонь царь, Агонь царь—всѣмъ царемъ царь, отъ меня, раба Божія (имя рекъ), отъ моего милаго жывота, отъ крестьянского скота, зжетъ и палитъ всякого звѣря, и уроки, и призоръ, и лихой глазъ, и лихую думу; зжечь и палить уронъ и падежъ, повѣтріе и пострѣлъ, зжетъ и палитъ и отъ обидниковъ, и отъ завистниковъ, еретиковъ и портежниковъ; зжетъ и палитъ отъ меня, раба Божія (имя рекъ), и отъ моего милого живота, отъ крестьянского скота. И какъ стекаются рѣки къ Окіяну морю съ тонучихъ[2]) горъ, з'дремучихъ лѣсовъ, со мховъ и болотъ, и паточинъ, и съ пахотныхъ земель, и съ лѣсныхъ покосовъ, такъ бы прихо(ди)ли мой милой жывотъ, крестьянской скотъ, сами съ лѣсу домой. И какъ сходица миръ крещеной, народъ Божій, по звону колокольному къ пѣнію церковному, ко отцу духовному, къ лицу Божію, Богородицѣ, матере Божіей, такъ бы радѣли и прихо(ди)ли мой милой животъ, крестьянской скотъ, сами съ лѣсу домой, какъ солнце на западъ. И сколь крѣпко Ѳаворъ гора ст(о)итъ на мѣстѣ и она держится вмѣстѣ, и сколь крѣпко Синай гора стоитъ на мѣстѣ и она держится вмѣстѣ,

[1]) Вѣроятно—„на“.

[2]) М. б.—„съ толкучихъ“.

и сколь крѣпко Вертепъ гора стоитъ и она держится вмѣстѣ, и сколь крѣпко Аѳонъ гора стоитъ на мѣстѣ и она держится вмѣстѣ, Палестинская, Іерусалимски горы, 4 горы, не разсылаются и не раздвигаются, и изъ мѣста не подвигаются—такъ же бы мой милой жывотъ, крестьянской скотъ, вмѣстѣ держался, не расходился, не разнился. И сколь крѣпко во святомъ градѣ Іерусалимѣ, во святой святынѣ стоитъ гробъ Господень на воздусѣ держытся Духомъ Святымъ Господнимъ, столь бы крѣпко мой милой жывотъ, крестьянской скотъ, плелся и вился, и двора своего держался. И какъ гробу Господню на земли не бывать, такъ-же бы у моево милово жывота, крестьянского скота, урону не бывать, ни уроку, ни притчи, ни порчи, ни въ лѣсу начлегу не бывать.

Еще помолюся я, рабъ Божій (имя рекъ), о своемъ миломъ жывотѣ, о крестьянскомъ скотѣ, Вышнему, Творцу Небесному, и Богородицѣ, Матерѣ Божіи о своемъ миломъ жывотѣ, о крестьянскомъ скотѣ. [Далѣе между косыми крестами (×) помѣщена слѣдующая замѣтка]: Істиный Христосъ. Писано выше. И вся небесныя силы—ниже. [Далѣе слѣдуетъ, по всей вѣроятности новый заговоръ или же перепутанное продолженіе прежняго, см. примѣчаніе 1].

№ 71. [Оберегъ скота].

Дванадесять апостоловъ, тынъ желѣзной, врата мѣдные, вереи желѣзные, въ землю тридевятью лакоть, отъ земли до небеси, отъ небеси до земли, отъ востока до запада, до сѣвера, отъ сѣвера и до лѣта, со всѣхъ четырехъ сторонъ на три поприща, на три версты[1],... и вся небесныя силы, станьте кругъ меня, раба Божія (имя рекъ), кругъ моего милого жывота, крестьянского скота, кругъ разношерстныхъ и разнокопытныхъ на сохраненіе и на сбереженіе, и мѣсто на слученіе, и ко двору своему на прихожденіе; отъ сѣрово звѣря, отъ черново звѣря, отъ бурово звѣря, отъ рыси, отъ росомаги, отъ рискучево волка, отъ ползучего гада, отъ змія, отъ нашлаго, отъ насланнаго, отъ пострѣлу и падежу, отъ порчи, отъ падшія силы, нечистово духа, отъ вѣтра и вихоря, и отъ всякаго урону, съ повѣтрія и падежа; отъ еретика, отъ еретицы, отъ вѣщника, отъ

[1]) Здѣсь стоитъ такой же косой крестъ (×), какіе поставлены ранѣе Поэтому здѣсь и должны быть вставлены ранѣе написанныя слова: „Истинный Христосъ“.

вѣщницы и отъ всякаго злаго человѣка, лихово супостата... Апостолы, и замыкате тридевять замками, тридевятью ключами, во небесной рай, къ самому Господу Іисусу Христу въ нетлѣнную ризу, подъ правую пазуху. Еще ставьте тынъ каменной, ворота булатные, вереи стальные въ землю на тридевять лакоть: отъ земли до небеси, отъ небеси до земли, отъ востока и до запада, отъ запада и до сѣвера, отъ сѣвера и до лѣта, со всѣхъ четырехъ сторонъ на три поприща, на три версты; и замыкайте тридесятью замками и тридесятью ключами, и отдайте ключи въ седмое небо, самому Господу Іисусу Христу, Богу, на златый престолъ, на злату мизу. Еще ставте тынъ сребряный, ворота златые, вереи укладные, со огнемъ и съ пламенемъ, сыскрами и з'дымомъ, Божіею милостью отъ востока и до запада, отъ запада и сѣвера, отъ сѣвера и до лѣта, со всѣхъ четырехъ сторонъ, куды мое око завидитъ и ухо заслышитъ, за двѣ поприщи, за двѣ версты,—и замыкайте тридевятью замками и тридевятью ключями, и отдайте тридевять ключей въ седмое небо Богородицѣ, Матере Божіи, на престолъ. И какъ здѣсь на земли седмаго неба никому не видать, небу з'землею не схажываца, а землѣ съ небомъ вмѣсто не сталкиваца, тако звѣрю скотины не ядать и въ ущетномъ стадѣ не бывать, отъ нынѣ и до вѣку. Аминь. Ключъ хиже важе порьже жахть саварже карже саееръ баръ каюръ баръ небу по земли не хажывать, а земли по небу,—тако порчѣ не бывать отъ нынѣ и до вѣку. Аминь.

Отдѣлъ V.

Смѣсь. Хроника.

ЖИВАЯ СТАРИНА,

ПЕРІОДИЧЕСКОЕ ИЗДАНІЕ

XVI годъ изданія 1907

ОТДѢЛЕНІЯ ЭТНОГРАФІИ

XVI годъ изданія 1907

ИМПЕРАТОРСКАГО РУССКАГО ГЕОГРАФИЧЕСКАГО ОБЩЕСТВА,

подъ редакціею Предсѣдателя Отдѣленія Этнографіи В. И. Ламанскаго, секретаря Отдѣленія Ѳ. И. Щербатскаго и чл.-сотр. Н. Н. Виноградова, въ XVI году своего существованія будетъ выходить **четырьмя выпусками** по 10—12 листовъ въ каждомъ (въ февралѣ, маѣ, сентябрѣ и ноябрѣ). При достаточномъ количествѣ подписчиковъ число выпусковъ будетъ доведено до шести.

Программа журнала: Изученіе внѣшнихъ и внутреннихъ особенностей расъ, племенъ, народностей Россіи и соплеменныхъ и сопредѣльныхъ съ нею странъ; ихъ взаимодѣйствія въ далекомъ прошломъ и въ настоящемъ; изученіе народныхъ языковъ, нарѣчій и говоровъ, народной поэзіи, быта, — вообще живой народной старины; критическій и библіографическій обзоръ литературы народовѣдѣнія.

Вступая въ XVI годъ изданія, редакція „Живой Старины“ пригласила къ участію въ журналѣ многихъ ученыхъ спеціалистовъ и молодыхъ работниковъ по этнографіи и народной словесности и рѣшила обратить особенное вниманіе на полноту и свѣжесть отдѣла критики и библіографіи. При одномъ изъ выпусковъ, въ видѣ приложенія—отдѣльною книжкою, будетъ разосланъ „Указатель“ къ журналу за 15 лѣтъ (60 вып.) его существованія.

Подписная цѣна для городскихъ подписчиковъ—5 р. съ доставкою, для иногородныхъ—5 р. 50 к. и за границу—6 р., для книжныхъ магазиновъ скидка по соглашенію, соразмѣрно количеству требуемыхъ экземпляровъ для сельскаго духовенства, учителей и учащихся—2 р. 75 к. Подписка принимается въ редакціи „Живой Старины“ (Спб., у Чернышева моста).

Редакція.

Тип. М. П. С. (Т-ва И. Н. Кушнеревъ и К°), Фонтанка, 117.

